

Б-193414
1

А.М. Малолетко

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ



6 В научную библиотеку
УНЦ РАН, г. Томск
автор

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.М. - 29.1.2000

А.М. МАЛОЛЕТКО

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПО ДАННЫМ
ТОПОНИМИКИ

Томск
ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЯЗЫКА
УРАЛЬСКИ

Издательство Томского университета
Томск - 1999

Издательство Томского университета

Б-193414

1

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.М. МАЛОЛЕТКО

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

Том I

ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЯЗЫКА. УРАЛЬЦЫ

Издательство Томского университета
Томск – 1999

К

42 + 39 (= 944/945) 572 + 4.021

Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Том I. Предыстория человека и языка. Уральцы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 281 с. 500 экз. 0505000000

В первой части книги изложены взгляды автора на историю изначального заселения планеты человеком разумным, формирование расовых типов, возникновение основных макропопуляций и связанных с ними языков. Во второй части рассмотрена история формирования народов уральской языковой семьи (финно-угры и самодийцы), их языков.

Рассчитана на широкий круг читателей – историков, географов, археологов, антропологов, этнографов и всех, кто интересуется происхождением и древней историей сибирских народов.

Рецензенты:

доктор географических наук Г.Я. Барышников,
доктор филологических наук О.А. Осипова,
доктор исторических наук Л.А. Чиндина.

Обложка В.И. Романов

ISBN 5 – 7511 – 1026 – 9

0505000000
М 177 (12) – 99



© А.М. Малолетко, 1999
© В.И. Романов (обложка)

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЭТНОГРАФОВ-СИБИРЕВЕДОВ
ГАЛИНЫ НИКОЛАВНЫ ГРАЧЕВОЙ
И ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ВАСИЛЬЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1992 г. вышла моя книга "Палеотопонимика". В "Заключении" я писал о возможности выявления этнической (языковой) привязки носителей древних археологических культур в ряде случаев с неолита и даже позднего палеолита. И обещал, что "если судьба будет благосклонна к автору, он поделится в недалеком будущем с читателями своими изысканиями в этом направлении". Это время пришло. Пора остановиться в своих изысках, пора осмыслить известное и изложить свою точку зрения по затронутым проблемам.

Я не ставлю перед собой задачу дать всеобъемлемое и всех устраивающее решение затронутых вопросов. Это мне не по силам и, очевидно, невозможно на современном уровне изученности проблемы. Мне хотелось бы только высказать свое мнение, сложившееся на основе анализа известных фактов, но рассмотренных под другим углом зрения. Этот ракурс позволил мне по-иному взглянуть на известные проблемы и изложить свое видение их. При этом я не стремился дать удобное для кого-то решение вопроса. Наоборот, мне импонируют нетривиальные версии, оригинальные, принципиально новые или даже рискованные, граничащие с научным авантюризмом. Не думаю, что мои версии будут однозначно оценены. И это хорошо: я не хочу пересказывать общепринятые варианты объяснений, банальные решения не заслуживают многократного изложения. Возможно, что кто-то из исследователей в моих изысках найдет крупицу истины, другой — избежит ошибок, которые я допустил. В любом случае я буду удовлетворен. Лишь замечу, я получил огромное удовольствие от

самого процесса познания нового. Завершающая часть этого процесса – написание очередной книги – для меня менее интересна, а потому достаточно тяжела.

Моя "Палеоэпонимика" в основном была хорошо встречена археологами, сдержанно – лингвистами. Мои выступления на симпозиумах, научных конференциях слушали, как правило, с интересом, но поначалу не высказывая никаких оценок – следствие некоторого недоверия и скрываемого любопытства. Позже в моих изысках стали видеть рациональное зерно, и я получил дружную поддержку. Но не могу не отметить, что решающей для меня была поддержка лингвиста Е.И. Убратовой, которая присутствовала на моем первом лингвистическом докладе и отметила мое свободное владение лингвистической терминологией. Многие годы работы с археологами, особенно с Ю.Ф. Кирюшиным, помогли мне проникнуть в тайны древних насельников Сибири. Мне стала более понятна их жизнь и жизненные устремления. Бывая в Хакасии, Туве, на Алтае, я всматривался в контуры сопок с пожухлой травой, зеленые поймы рек, альпийские луга, ручьи и бурные реки. Я старался представить жизнь людей, оставивших огромные погребальные сооружения или же скромные захоронения в виде незаметных могильных ям или небольших каменных набросков. Я пытался понять жизнь давнего населения Васюганских болот, тундры Путорана и удивлялся мужеству этих людей, которые даже в таких экстремальных условиях могли поспорить с природой, выжить и создать свою культуру.

Работа с двуязычными словарями и информаторами вскоре исчерпала себя, я оказался в тупике: современные языки ушли далеко в своем развитии от своих предков – древних языков-прародителей. Пришлось обратиться к лингвистике, благо к нашему времени вышли такие прекрасные работы, как "Основы иранского языкознания", "Основы финно-угорского языкознания", многочисленные фундаментальные исследования по алтаистике, дравидским языкам. Лингвистическое "подкрепление" позволило более уверенно ориентироваться в древних тэпонимах.

В научных кругах почему-то сложилось скептическое отношение к возможности использования материала палеоантропологии для целей выявления языковой принадлежности тех или иных групп древнего населения. При этом обычно ссылаются на носителей уральских языков, антропологический тип которых изменяется от чистых европеоидов (эстонцы) до чистых монголоидов

(нганасаны). Такая осторожность имеет под собой почву (позднее расовое смешение, переход некоторых народностей на язык населения иного расового типа), но полностью игнорировать такой информативный материал было бы непростительно. Особенно имея в виду раннюю историю человека разумного.

Мне думается, успех решения такой сложной задачи, как выявление языка давних насельников того или иного региона заложено в использовании не только разностороннего материала, но и временной и пространственной масштабности его. Мною для реконструкций использован фактический материал от позднего палеолита до наших дней для обширной территории от оз. Чад в Африке до Камчатки и от Кольского полуострова до Юго-Восточной Азии. Только при таких масштабах исследований можно реконструировать формирование отдельных популяций, миграции их и их частей, стационарирование и исчезновение. Малые регионы обычно дают информацию о событиях относительно недавнего прошлого, для глубоких по времени реконструкций они почти не пригодны.

При реконструкции общества далекого прошлого следует строго различать:

- родство по материальной культуре,
- родство по физическому (антропологическому) типу,
- родство по языку.

Далеко не всегда все три показателя могут быть реконструированы для древнего населения отдельных территорий в определенные отрезки времени.

Нас более всего интересует языковое родство древних насельников, так как именно их язык дошел до нас в виде топонимов, которые и используются нами в качестве главного строительного материала. Мы убеждены, что язык обладает удивительной живучестью. По крайней мере нельзя говорить о том, что со сменой материальной культуры исчезал и язык её носителей. Нельзя говорить и о том, что для носителей каждой археологической культуры был характерен свой язык. За малым исключением, древние языки, сохранившие свои следы в виде топонимов, могут быть включены в известные ныне языковые семьи. Более того, по топонимам можно выявить людские популяции, о которых в исторических документах и археологических материалах никаких сведений нет.

Настоящая монография была задумана как опыт поиска далеких предков современных народов Сибири и выявления этнических групп населения, обитавших в Сибири, но ушедших в другие края или бесследно исчезнувших. Первым очерком должен быть рассказ о происхождении языковых уральцев. Затем предполагался рассказ о предках кетов, о докаганатских тюрках, индоиранцах в Сибири. Но неоднократные попытки начать рассказ об уральцах удовлетворения не принесли. Не удавалось выяснить родственные отношения этого антропологического конгломерата и главное - происхождение их языка. Выстраивалось несколько версий: 1) прямое изначальное языковое родство всех групп уральцев с последующим изменением расового типа в процессе метисации, 2) уральская языковая принадлежность какой-то одной группы с последующей языковой ассимиляцией соседей, 3) привнесение со стороны уральского языка и овладение им первыми насельниками Северной Евразии по обе стороны Урала.

Попытки найти корни уральских народов и языков, углубляясь в археологическую древность Северной Евразии, также были неудачными: материальная культура и хозяйственные традиции были менее устойчивы, нежели языки. Автор попытался решить эту задачу по-иному: путем поисков первых насельников и их прародины. Углубившись в дебри предыстории, автор построил свою схему первых миграций человека разумного из его первоначальной ойкумены и формирования первых макропопуляций. В основе этих построений лежали известные палеоантропологические, археологические, лингвистические, в том числе и топонимические, и палеогеографические материалы. Языки из первоначальной ойкумены были унесены первыми миграционными волнами по различным направлениям. Там они получили дальнейшее развитие и совершенствование, дробясь и трансформируясь, взаимно обогащая и вырабатывая свои законы и нормы...

Автор далек от мысли, что его построения достаточно полно отражают весьма сложный процесс формирования в древности этносов, которые дошли до наших дней или известны по археологическим материалам или письменным документам. Однако предложенная автором версия о формировании первых популяций в ходе миграции населения из Ойкумены представляет собой систему, которая позволяет реконструировать родственные связи, в том числе и весьма отдаленные, как отдельных популяций, так и их языков. Эта генетическая система народов и языков в значи-

тельной мере отличается от формально-типологической схемы, которая положена ныне как в основу деления людей по расовым признакам, так и по языковым семьям.

Наш версия о ранней этноязыковой истории человека изложена в первой части книги. Возможно, эти материалы помогут некоторым исследователям лучше понять древнюю историю человека разумного – его расселение по планете, формирование языковых семей, определение степени родства отдельных популяций и их языков и по-иному взглянуть на сложившиеся представления по этим проблемам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЯЗЫКА

История крупных этносов, в том числе и сибирских, уходит своими корнями в глубокое прошлое и не может быть понята вне процессов формирования всего человечества. Поэтому необходимо рассмотреть некоторые общие тенденции в развитии человечества и попытаться найти в ней место сибирским народам, как ныне обитающим, так и исчезнувшим. Задача эта трудная и не решаемая в деталях. Однако имеющиеся материалы позволяют проследить какие-то генеральные линии процесса формирования населения Старого Света. Попыток такого рода сделано немало, не все они в равной мере доказательны. Среди них множество взаимоисключающих гипотез и предположений. В своих построениях автор также использовал известные факты и результаты обобщений, которые, однако, рассмотрел под иным углом зрения. Хотя сейчас и имеется расхожее мнение, во многих случаях справедливое, о том, что расовый тип и языковая группа не коррелируются, тем не менее можно считать, что в далеком прошлом, на заре этнических и языковых смещений, эта зависимость была выражена более четко. Исходя из этого, мы считаем, что увязка происхождения человеческих и языковых групп в какой-то мере является решаемой задачей. Результаты этих решений могут быть положены в основу выяснения этнического (языкового) состава древних насельников Сибири, оставивших то или иное количество топонимов. Это позволило бы не только выявить пребывание носителей тех или иных языков и обозначить ареал их былого проживания, но в ряде случаев определить этническую (=языковую) принадлежность носителей археологических куль-

СИБИРСКИЕ

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ СИБИРИ

История крупных этносов, в том числе и сибирских, уходит своими корнями в глубокое прошлое и не может быть понята вне процессов формирования всего человечества. Поэтому необходимо рассмотреть некоторые общие тенденции в развитии человечества и попытаться найти в ней место сибирским народам, как ныне обитающим, так и исчезнувшим. Задача эта трудная и не решаемая в деталях. Однако имеющиеся материалы позволяют проследить какие-то генеральные линии процесса формирования населения Старого Света. Попыток такого рода сделано немало, не все они в равной мере доказательны. Среди них множество взаимоисключающих гипотез и предположений. В своих построениях автор также использовал известные факты и результаты обобщений, которые, однако, рассмотрел под иным углом зрения. Хотя сейчас и имеется расхожее мнение, во многих случаях справедливое, о том, что расовый тип и языковая группа не коррелируются, тем не менее можно считать, что в далеком прошлом, на заре этнических и языковых смещений, эта зависимость была выражена более четко. Исходя из этого, мы считаем, что увязка происхождения человеческих и языковых групп в какой-то мере является решаемой задачей. Результаты этих решений могут быть положены в основу выяснения этнического (языкового) состава древних насельников Сибири, оставивших то или иное количество топонимов. Это позволило бы не только выявить пребывание носителей тех или иных языков и обозначить ареал их былого проживания, но в ряде случаев определить этническую (=языковую) принадлежность носителей археологических куль-

тур. Попытки такого рода делались неоднократно и результаты их нами учтены. Однако нам представляется, что использование соответствующих материалов большой территории, например, Старого Света, делает такого рода реконструкции более глубокими и обоснованными.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА

Процесс возникновения человека – это процесс биологический. Он не мог протекать на какой-то обширной территории или в нескольких очагах. Невозможно признать идею, что человек как вид мог возникнуть одновременно в разных местах и носить одни и те же видовые особенности. Поэтому рационально искать прародину в каком-то одном месте с достаточно четкой локализацией.

Отсчет возраста человечества, очевидно, необходимо отодвинуть на 100 млн. лет назад, когда в меловом периоде из отряда насекомоядных выделились древнейшие приматы – полуобезьяны – типа тупай, долгопятов и лемуруров. Именно с последними связана древнейшая история предков человека. Лемуры обитали в тропических лесах территории, которая ныне охватывает Индостан, острова в Индийском океане (Шри-Ланка, Сейшельские, Маскаренские, Коморские), а также Мадагаскар. Эта территория некогда представляла полуостров Индостанской суши, который глубоко вдавался в Индийский океан. Полуостров получил название Лемурия (рис. 1). И ныне на Мадагаскаре живут лемуры. Они ведут ночной образ жизни, круглые их глаза светятся в темноте, а голоса напоминают плач ребенка. Сами животные выглядят как помесь человека, кошки и медвежонка. Еще несколько тысяч лет назад на Мадагаскаре жил самый крупный из лемуруров – мегаладаписис. Он был размером с человека, ходил на двух ногах, но обладал длинным цепким хвостом и огромными круглыми глазами (Кондратов А., 1978). От лемуруров началась эволюция, которая завершилась появлением человека разумного.



Рис. 1. Расселение человека и его предков:

1 - Лемурия; 2 - австралопитековые (А); *ареал человека разумного*: 3 - локальный переднеазиатский, 4 - расширенный (Околосредиземноморье); 5 - транзитный южный путь протоавстралоидов; 6 - второстепенные пути расселения; 7 - обмен генофондом в Околосредиземноморье; *ареалы формирования*: 8 - монголоидов типа тибетцев провинции Кам; 9 - слабо выраженных монголоидов Восточной Европы; 10 - центральноазиатских монголоидов; 11 - европеоидов (палеоевропейцев); 12 - северный (бореальный) путь палеоевропейцев (М - Мальта); 13 - миграции предков бушменов; 14 - район формирования негров и пути их расселения

В конце палеоцена (примерно 60 млн. лет назад) Мадагаскар отделился от Индостана. Появилась возможность миграции животных в Африку, которая была расчленена проливами на три части: Сахарский материк, Нигерийскую сушу (она вместе с Бразильской платформой входила в состав Атлантического материка), Восточноафриканский континент. Последний и явился прибежищем для примитивных (амфипитековых) обезьян, выделившихся из группы лемуридов. Примитивные обезьяны "высадились" на Восточноафриканский континент в районе Эфиопии. Отсюда они стали распространяться в нескольких направлениях — на юг в Кению, юго-запад (район оз. Чад) и на север по долине Нила до моря Тетис.

Обезьянам, отправившимся в Кению, не "повезло": на большей части восточной Африки (Эфиопия, Судан, египетский Египет) в эоцене и олигоцене не было сплошных тропических лесов с обильной растительной пищей. Только в долинах рек росли галерейные леса, а склоны и вершины гор были покрыты зарослями кустарников. Пришлось мигрантам спускаться с деревьев на землю, чтобы преодолеть открытые пространства и заросли кустарников. А в редких лесах не было возможности перемещаться путем перелета с дерева на дерево на лианах. Необходимо было лазать по стволам. Такая "специализация" привела к эволюции конечностей. Для выполнения хватательных операций большой палец был отведен в сторону, в конце концов (и не очень скоро) развилась человеческая кисть.

Частое перемещение по земле привело к тому, что из кисти задних конечностей выработались стопы, которые нижней поверхностью плотно ложились на землю. Редкостойные леса, бедные съедобной продукцией, заставили обезьян питаться насекомыми и другими мелкими животными. Эта всеядность способствовала прогрессивному развитию мозга (Решетов Ю.Г., 1966, с. 101). Так возникли мартышковые, или циркопитековые, обезьяны.

Ранние приматы широко расселились в третичное время по планете и заняли всю тропическую область. Из Африки они переселились в Европу, а из нее через Атлантику по Исландскому "мосту" в Северную Америку. Южная Америка еще ранее была заселена из Африки, когда Бразильская платформа составляла с Африканской единое целое. На всей этой огромной территории в течение длительного времени бурно эволюционировали разные ветви древа приматов, что привело к значительному их видовому разнообразию. Это отражено в дробной систематике как современных, так и ископаемых приматов. Не все веточки сложного древа приматов участвовали в формировании человека разумного. Путь этот был долгим и сложным и до конца еще не выяснен.

Систематика отряда приматов выглядит следующим образом:

подотряд лемуридов,

подотряд долгопятоподобных,

подотряд человекоподобных,

секция широконосых обезьян (игрунки и цебусовые Нового Света),

- секция узконосых обезьян ,
- семейство мартышкообразных (ревуны, павианы, макаки и др.).
- семейство человекообразных обезьян (шимпанзе и горилла Африки, орангутаны и гиббоны Индо-Малайской области) .
- семейство гоминид (человек ископаемый и современный)

Из ныне живущих человекообразных обезьян наиболее близок нам африканский шимпанзе. Некоторые исследователи считают, что у человека и шимпанзе был один предок (см.: Кондратов А., 1978, с. 47). В последние годы получены и биохимические доказательства этого родства. При изучении белков крови (альбумин), которые продуцируются в организме по команде ДНК, получен показатель ИН (индекс несхожести). Выяснилось, что человек "сидит" на той же ветке, что и горилла и шимпанзе, но отдельно от других человекообразных обезьян. Величина ИН между человеком и шимпанзе меньше, чем между человеком и гиббоном Юго-Восточной Азии. Дистанция между африканской гориллой и шимпанзе такая же, как между человеком и шимпанзе. Согласно исследованиям Дж. Черфаса и Дж. Гриббина, отделение человека от человекообразных обезьян произошло примерно 5 млн. лет назад.

Предполагается, что прародина человека территориально ограничена. Такой территорией является Восточная Африка (рис. 2), конкретнее – область восточафриканских глубинных разломов. Высказываются мнения, что именно это (наличие глубинных разломов) является чуть ли не главной причиной появления человека и человечества. Зона разломов сопровождается повышенной радиоактивностью, связанной с эманацией "флюидов" из недр Земли. Радиоактивность усилила мутации генетического фонда, и все отличительные черты человека (прямохождение, строение черепа, развитие нервной системы и пр.) явились следствием закрепления полезных мутационных изменений в генетическом коде человека.

Достоверно известно, что радиация воздействует на наследственный белок (Якушин Б.В., 1985).

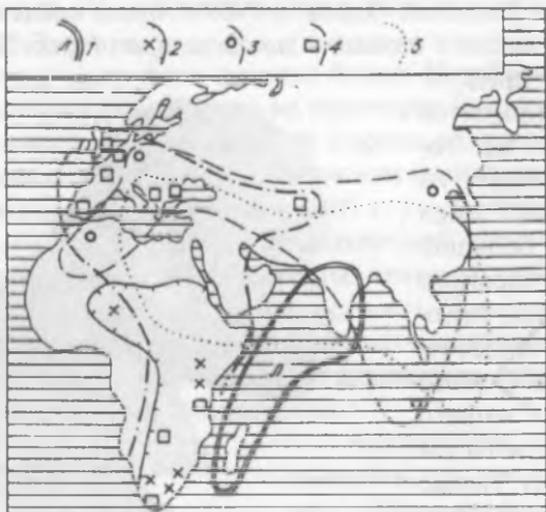


Рис. 2. Ареалы и местонахождения предков человека разумного:

1 – Лемурия; 2 – австралопитековые; 3 – питекантропы; 4 – неандертальцы; 5 – ареал человекообразных обезьян, предков человека

Б-193414

Австралопитеки (южные обезьяны)

Примерно 5 или 10 млн. лет назад возникли первые гоминиды, которые от понгид (крупные человекообразные обезьяны – орангутаны, гориллы, шимпанзе) отличаются прямохождением, относительно развитым мозгом, отсутствием клыков, выступающих из зубного ряда и, очевидно, более совершенной кистью.

Гоминиды также имеют иную физиологию размножения и иное поведение. частности, они вели относительно оседлый образ жизни (известны их лагеря, подтверждается занятие охотой).

науче они получили название *австралопитеки* (из лат. *australis* "южный" и греч. *pitecos* "обезьяна"). Эти гоминиды (рис. 3) обладали изначально сильной морфологической изменчивостью: среди них были массивные (матуризованные) и изящные (грацильные) представители, что, возможно, отражает их биологическую пластичность, способность к изменению

се люди, населяющие планету, являются потомками гоминид олдувайской (олдувейской) эпохи, названной по одноимен-

ным горам в Танзании. Здесь в 1959 г. были найдены кости примата, получившего название *зинджантроп* (араб. Зиндж "Африка"). Этот представитель приматов был похож на гориллу, но ходил на двух ногах, имел довольно большой объем головного мозга и зубы, похожие на человеческие. Возраст этого далекого нашего предка определяется в 1,5 млн. лет. Позже в Эфиопии (долина р. Омо) также были обнаружены останки австралопитековых, возраст которых находится в интервале 4-2 млн. лет.



Рис. 3. Детеныш австралопитека
Здесь и далее реконструкции
М.М. Герасимова

Австралопитековые ареально не выходили за пределы Африки. Здесь же, в Африке, в ущелье Олдувей обнаружены кости древнейших людей – архантропов, причем в пачке 2-й разреза Олдувей найдены кости как австралопитеков, так и архантропов, что свидетельствует об их сосуществовании и очень давнем происхождении человека.

Архантропы (древнейшие люди)

Архантропы (питекантропы, обезьяно-человеки) расширили ойкумену: их кости известны в Африке, Азии и Западной Европе. Наиболее древним из архантропов является олдувейский *Homo habilis* "человек способный" (2,6 млн. лет), который, однако, некоторыми западными исследователями включается в род австралопитеков. Ему близок по возрасту капский телантроп. Несколько моложе (1 млн. лет) древнейший человек из Центральной Африки – чадантроп. Немало костных останков архантропов найдено в Северной Африке: Тернифин (Алжир), Касабланка (Марокко). Довольно давними обитателями островов, расположенных между Азией и Австралией, являются питекантропы; наиболее

известен яванский. Их костные останки залегают в слоях, имеющих возраст 0,5-1 млн. лет.

Материковая часть Азии освоена позже. Китайский питекантроп, или синантроп (рис. 4), жил на просторах Восточного Китая примерно полмиллиона лет назад. В Европе архантропы появились одновременно с заселением Китая или несколько позже. Челюсть древнего человека найдена в 1907 г. у г. Гейдельберг (Германия). В Венгрии на древнепалеолитической стоянке Вертеш-сёллеш обнаружены кости архантропа, который сближается с синантропом. Недалеко от Праги (местность Пржезлетице) вместе с примитивными каменными орудиями и остатками ископаемой фауны найден зуб архантропа. В возрастном отношении эти находки близки яванским и китайским.



Рис. 4. Женщина – синантроп
(реконструкция)

Архантропы заметно отличались от австралопитековых. Объем их черепа составлял от 775-780 (ланьтянский синантроп) до 1225 см³ (синантроп из Чжоукоудяня) при среднем объеме 974 см³, что значительно больше аналогичных показателей у австралопитековых (522 см³). Увеличились не только размеры черепной коробки, но и высота ее свода. Быстро разрасталась кора полушарий в теменной области, в нижнелобной и верхней задней части лобной доли. Именно эти участки коры головного мозга связаны со специфическими функциями труда и речевого общения (Палеолит Африки, 1977,

с. 35). Стенки черепа толстые. Характерен сплошной надглазничный валик, нижняя челюсть массивная и широкая, выдвинутая. Подбородочный выступ отсутствует. Зубы крупные. Этот в общем-то примитивный обезьяноподобный череп сочетался у архантропов с костями конечностей, подобными конечностям со-

временного человека. Руки были полностью приспособлены к трудовым процессам.

Архантропы еще не обладали членораздельной речью и жили первобытным стадом, но уже имели свои "дома" — пещеры, умели поддерживать огонь в течение длительного времени. Так, синантропы в пещере Чжоукоудянь оставили семиметровый слой золы.

Материальная культура нижнепалеолитической ойкумены архантропов уже была дифференцирована. Пожалуй, впервые на это обратил внимание американец Х. Мовиус, который в ойкумене того времени выделил две независимые культурные области — западную и восточную. Для западной были характерны ручные рубила (Европа, Передняя и Средняя Азия — до Индии включительно), для восточной (Восточная и Юго-Восточная Азия) — чопперы (валуны, обработанные с одного края). Х. Мовиус считал, что в каждой области разные производственные традиции формировались в замкнутых группах. По его представлениям, уже в то время были сформированы первые историко-этнические области. Идея Х. Мовиуса была подвергнута резкой критике (Замятнин С.Н., 1951). Однако позже Г.П. Григорьев (Палеолит Африки, 1977) пришел к выводу, что Х.Мовиус был частично прав, хотя границу областей нельзя считать столь определенной. На территории Индии происходило смешение западной и восточной технологических традиций (рис. 5). Здесь группы памятников с рубилами и чопперами располагаются чересполосно

Однако вопрос о различиях материальной культуры ойкумены в нижнем палеолите не решается столь однозначно. В.Е. Ларичев считает, что в Сев. Китае были представлены как галечная культура чопперов (Чжоукоудянь), так и культура рубил (Динцунь), имеющая западные черты.

Если исходить из представлений об Африке как прародине человека (см. выше), то надо допустить, что архантропы пришли в Вост. Азию с запада. Путь их лежал через Переднюю Азию, северные районы Индостана, Индокитай, Южный Китай. Очевидно, на этом пути ими оставлены галечные орудия.

Не исключено, что часть архантропов в Вост. Азию пришла из Средней Азии через Синьцзян в долину Хуанхэ или из районов Южной Сибири в Монголию. Западные элементы культур ланьтянь, кэхе, динцунь и особенно Монголии свидетельствуют в пользу этого предположения (Крюков В.М.с соавт., 1978, с. 31). Азия заселялась с запада.

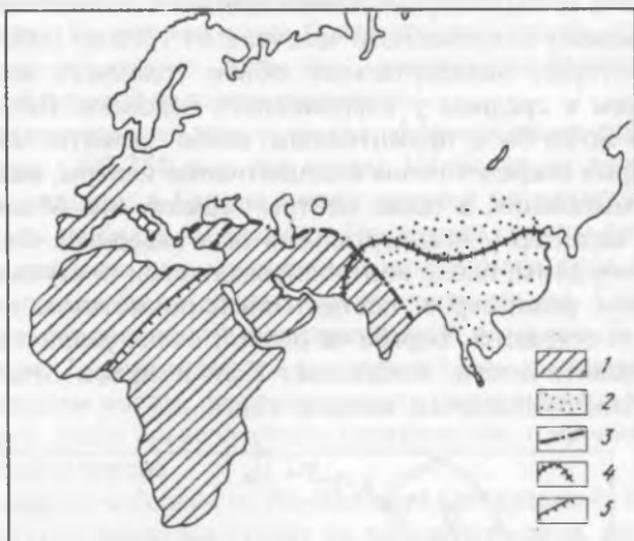


Рис. 5. Нижнепалеолитические культуры Старого Света, по Х. Мовиусу (из: Алексеев В.П., 1985):

1 - культура ручных рубил; 2 - культура чопперов; северная граница культур, по П. Григорьеву; 3 - с колунами и рубилами, 4 - с чопперами без рубил; 5 - северная граница прародины людей

Палеоантропы (древние люди)

В 1856 г. близ Дюссельдорфа в долине Неандерталь были найдены кости человека. После бурного обсуждения признали находки принадлежащими древнему человеку, занимавшему промежуточное положение между питекантропами (архантропами) и современным человеком. Этот древний человек вошел в историю под именем неандертальца. Позднее костные остатки неандертальцев были обнаружены в разных частях Старого Света (рис. 6): в Европе (Англия, Бельгия, Германия, Франция, Испания, Италия, Швейцария, Югославия, Чехословакия, Венгрия, Крым), в Африке, а также в Азии (Узбекистан, Палестина, Ирак, Иран, Китай).

Неандертальцы были людьми среднего роста, крепкого телосложения, с сильно развитой мускулатурой. Пропорции кисти отличались от современных. Кисть была грубее и массивнее,

подвижность ее была ограниченной. Объем головного мозга был близок таковому современному человеку: от 1200 до 1600 см³.

У некоторых неандертальцев объем головного мозга был больше, чем в среднем у современного человека. Но строение головного мозга было примитивным: слабо развиты лобные доли, в которых сосредоточены ассоциативные центры, важные для функции мышления, а также центры торможения. Можно полагать, что характер у неандертальцев был скверный. Они были сильно возбудимы, плохо контролировали свои поступки. Фильм французских режиссеров, поставленный по мотивам известной книги Рони-старшего "Борьба за огонь", очень реалистично, без налета романтичности, показывает быт и нравы этих людей. Фильм более реалистичен, нежели книга.



Рис. 6. Важнейшие находки остатков гоминид:

- 1 - человекообразные обезьяны (австралопитековые); 2 - архантропы (древнейшие люди, питекантропы, *Homo habilis*, *H. erectus*); 3 - древние люди (палеоантропы, неандертальцы)

Череп неандертальцев похожи на обезьяны. Черепная коробка была невысокой, надбровный валик достигал огромных размеров, подбородочный выступ отсутствовал или был выражен очень слабо (Алексеев В.П., Першиц А.И., 1990).

Европейские неандертальцы включают две разновозрастные группы. Ранняя оказалась более прогрессивной, чем поздняя, что трудно объяснить. Возможно, именно она является прямой предковой формой человека разумного.

Неандертальский тип человека сформировался еще в ашельскую эпоху (200-250 тыс. лет назад). Наиболее поздние неандертальские находки в Европе имеют возраст по радиоуглеродным датировкам не более 40 тыс. лет. Последние группы неандертальцев сосуществовали с человеком современного типа. В расовом отношении они были достаточно неоднородными. Соотношение признаков европеоидной и австралоидной рас у них было весьма различным. Европеоидность подчеркивалась в основном узким выступающим носом, австралоидность (негроидность) – наличием общего или/и альвеолярного прогнатизма, широким носовым отверстием в черепе.

На черепе человека из Ла-Шапелля (департамент Коррезы во Франции) нос резко выступает на плоскости лица, нижний край грушевидного отверстия заострен, носовой шип умеренно развит. Прогнатизм умеренный (соответствует таковому современного человека). Явным прогнатизмом обладают разновозрастные черепы неандертальцев из Эрингсдорфа (близ Веймара в Германии, возраст 80-90 тыс. лет) и человека из Тотавеля (возраст около 200 тыс. лет). Женский череп из Штейнгейма (Германия) отличается исключительной широконосостью, что свойственно негроидам, при ортогнатности вертикального профиля лица (отсутствие прогнатизма), что характерно для европеоидов.

Этот далеко не полный перечень находок неандертальцев Западной Европы нами приведен лишь в качестве примера обладания неандертальцами австралоидных (негроидных) признаков. Уместно привести высказывание В.П. Алексеева (1974, с. 135) о том, что австралоидная комбинация признаков является предковой по отношению к европеоидной и что европеоидные признаки являются более поздними.

Африканские неандертальцы отличаются меньшим объемом мозга и большей примитивностью строения черепа. Последнее, имея ортогнатный профиль лицевого скелета, близки к черепам европейских неандертальцев. Неандерталец из Брокен-Хилла (Замбия) сильно отличается по строению черепа от современных негроидов. Это свидетельствует о том, что формирование современной негроидной расы произошло не на основе ранних гоми-

нид Африки, а в процессе расселения новых популяций из Южного Средиземноморья. Можно сказать, что формирование типичных особенностей негроидной расы началось позже, чем европеоидной. По крайней мере в среднем палеолите (мустье) в Африке отсутствуют черепа типично негроидного типа. Последний появляется в мезолите (Алексеев В.П., 1974, с. 149).

Азиатские неандертальцы крайне неоднородны. Среди них есть и примитивные формы, и крайне продвинутые в морфологическом отношении.

Переднеазиатские неандертальцы изучены более полно, чем восточноазиатские. Особый интерес представляют скелеты из палестинской пещеры Мугарэт эс-Схул "пещера козья" (араб.). Возраст находок примерно 40 тыс. лет. Неандертальское население, судя по находкам в Козьей пещере, обладало исключительным полиморфизмом. На черепках можно увидеть признаки всех рас. Череп Схул IV обладал признаками европеоидными (сильное выступание носовых костей, ортогнатное лицо), Схул V – негроидными (прогнатное лицо, широкие носовые кости; рис. 7), Схул IX – монголоидными. Правда, монголоидность последнего черепа оспаривается, так как плохая сохранность его не позволила сделать надежную реконструкцию. Неандертальцы Козьей пещеры отличались от европейских более развитыми лобными долями мозга, более высоким черепом, меньшей выраженностью надбровного валика, более развитым подбородочным выступом, что заметно сближает их с современным человеком. Была даже высказана мысль о том, что эти признаки появились в результате смешения неандертальского человека с *Homo sapiens*. Однако с большей вероятностью можно утверждать, что в данном случае мы имеем пример на-

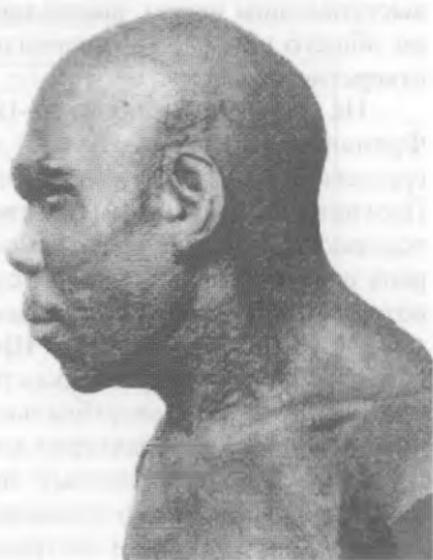


Рис. 7. Человек Схул – V (Палестина)

реконструкцию. Неандертальцы Козьей пещеры отличались от европейских более развитыми лобными долями мозга, более высоким черепом, меньшей выраженностью надбровного валика, более развитым подбородочным выступом, что заметно сближает их с современным человеком. Была даже высказана мысль о том, что эти признаки появились в результате смешения неандертальского человека с *Homo sapiens*. Однако с большей вероятностью можно утверждать, что в данном случае мы имеем пример на-

чавшейся перестройки неандертальского антропологического типа в тип современного человека. Неандертальцы пещеры Кафзех (Палестина) отличаются от современного человека надбровным валиком (Алексеев В.П., Першиц А.И., 1990).

Восточноазиатские неандертальцы изучены очень слабо вследствие малого числа находок. Исследователям даже неясно, принадлежат ли эти немногочисленные находки в Китае (Маба, Чанъян, Динцун, Ордос) типичным неандертальцам или же только хронологически занимают положение между синантропами и современными людьми. Последнее предположение позволило выдвинуть гипотезу о существовании в Восточной Азии "своих" неандертальцев, потомков местных архантропов – пекинского синантропа, ланъянского архантропа и др. (Крюков М.В. с соавт., 1978, с. 37). Многие китайские ученые (а из русских – В.П. Алексеев) считают этих палеоантропов прямыми предками современных монголоидов. Однако до сих пор не сделано ни одной находки палеоантропов, которая сближала бы последних с прогрессивными "собратями" из пещер Палестины. Палеоантропы Восточной Азии близки некоторым морфологически примитивным "южным неандертальцам" Африки (Брокен-Хилл в Замбии, Ньяраса в Танзании, Салданья на юге Африки). Но еще более примитивны черепа с о. Ява. Это позволило М.И. Урысону (1964, с. 134) прийти к такому заключению: "Будучи хронологически поздними формами и вместе с тем сохраняя в своем строении много крайне примитивных особенностей, южные палеоантропы, по-видимому, представляют собой уклонившуюся в сторону от сапиентного направления эволюции ветвь палеоантропов, вымершую в позднем плейстоцене, и не могут поэтому рассматриваться как исходный тип, давший начало человеку современного вида".

Известна точка зрения (см.: Ранов В.А., 1990, с. 264), что в Китае настоящих неандертальцев не было, а имелись какие-то архаичные типы людей переходные от *Homo erectus* к *H. sapiens*, которые обладали некоторыми неандертальскими чертами.

Костные останки неандертальцев в основном найдены в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке. Крайней восточной точкой считался Тешик-Таш в Средней Азии. Ареал неандертальцев очерчивается границами распространения мустьерских памятников (рис. 8). Это дало основание В.А. Ранову (1990, с. 264) заключить, что "...мустьерская культура является ар-

хеологическим отражением существования человека определенного типа – неандертальца".

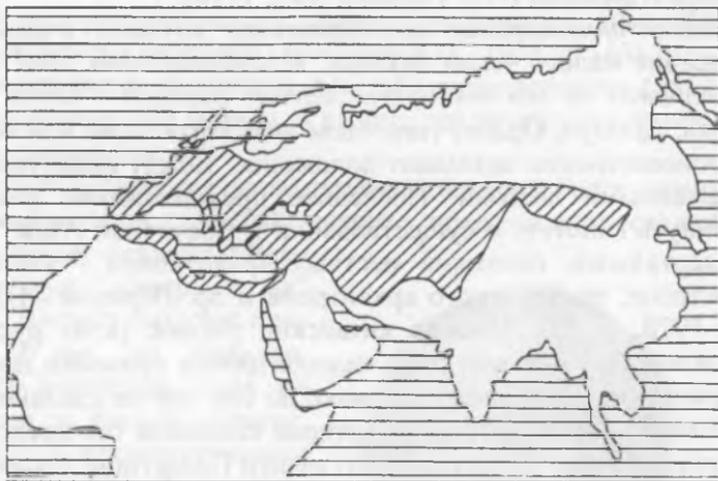


Рис. 8. Ареал мустьерских культур (по: Ранов В.А., 1990)

Появление мустьерской культуры связывается с европейско-переднеазиатским ашелем. Но в восточных районах ареала мустье не имеет ашельской основы. В этом случае предполагается миграция сюда неандертальцев – носителей культуры мустье. Мигранты двигались с запада на восток. В этом направлении отмечается и омоложение мустьерских археологических памятников.

В 80-е годы на Алтае (пещеры Денисова, им. А.П. Окладникова в с. Сибирячиха) были найдены зубы подростков. По заключению американского антрополога К. Тернера, обитатели этих пещер (37-40 тыс. лет) были представителями неандертальской линии развития человека. Они имели немало сходство с европейскими и близкими к ним переднеазиатскими неандертальцами типа обитателей пещеры Шанидар (Деревянко А.П. с соавт., 1994, с. 194) на севере Ирака. Возраст памятника Шанидар 46 тыс. лет. Если опереться на это сходство, то взрослые неандертальцы Алтая были ростом 160 см, имели мощный надглазничный валик, покатый лоб, низкий свод, очень высокое лицо. Клыковые ямки отсутствовали.

Неоантропы (современные люди)

Первые представители человека разумного *Homo sapiens* уже резко отличались по внешнему виду от неандертальцев. У них исчез сплошной костяной надглазный валик, столь характерный для древних людей. Лоб стал высоким и крутым. На нижней челюсти обозначился подбородочный выступ (Зубов А.А., 1963, с. 32). Окончательно сформировался мозг, развилась членораздельная речь. Ранний человек разумный имел протоавстралоидный облик. Он был волнистоволос, имел довольно темную кожу и выступающий широкий нос. Из современных жителей планеты к нему наиболее близки аборигены Австралии (Алексеев В.П., 1972, с. 168; см. рис. 14).

Процесс сапиентации начался на рубеже среднего и позднего палеолита, археологически фиксируется финальным мустье.

В составе европейских неандертальцев выделяются две группы, различающиеся морфологически и имеющие разный возраст. Ранние неандертальцы (группа Эрингсдорф) отличались прогрессивными особенностями в строении черепа и мозга. Именно они рассматривались как основные и непосредственные предки человека разумного. Более поздняя и морфологически примитивная группа (Шапелль, Фарази) — это эволюционный тупик, появление которого расценивается как результат эволюционного приспособления к холодному климату и боковая ветвь эволюции.

Переходный тип от неандертальцев к человеку разумному был обнаружен при раскопках в Палестине на горе Кармел (1931-1932 гг.). На черепах древних людей были заметны как многие неандертальские признаки, так и признаки, характерные для человека разумного. В частности, на многих черепах был отмечен подбородочный выступ, что типично для современного человека.

Несомненно, люди переходного типа обитали не только в Палестине. Ареал сапиентации был достаточно обширным. Протекал этот процесс на базе неандертальцев Околосредиземноморья и долины Нила и района Великих озер Восточной Африки. Прямых доказательств об участии неандертальского населения Восточной Африки в формировании человека разумного, похоже, нет. Но именно здесь в течение миллионов лет шел опережающими темпами ("впереди планеты всей") процесс эволюции го-

архантропов и палеоантропов (неандертальцев). Так, древнее население Африки имело прогнатное лицо, что характерно для экваториальной (австралоидной, негроидной) большой расы. Европейские неандертальцы (человек из Шапелль) предвосхитили носатость европеоидов, а заметная плосколицесть пекинских синантропов характерна для монголоидной расы. Признаки рас всегда были выражены слабее, чем у современных представителей больших рас, проявлялись они в сглаженной форме.

Проблема расообразования до сих пор не получила однозначного разрешения. Имеются три гипотезы, но ни одна из них не является безукоризненной в части доказательности.

Полицентрическая гипотеза предполагает, что каждая раса возникла в своем отдельном центре или, образно говоря, "каждая от своей обезьяны". Предложена немецким ученым Ф. Вейденрейхом (Вайденайхом), который выделил четыре первичных центра расообразования: Зондские острова – для австралоидов, Восточная Азия – для монголоидов, Южная и Центральная Европа – для европеоидов и Африка – для негроидов. В качестве доказательства сторонники полицентризма использовали факт совпадения ареалов современных рас с ареалом ископаемых типов (географический факт) и факт совпадения комплекса признаков у современных рас и их ископаемых аналогов (морфологический факт). Самым сильным аргументом против этой гипотезы является бесспорное утверждение, что в четырех самостоятельных центрах не мог сформироваться один вид – *Homo sapiens*.

Дицентрическая гипотеза наиболее полно разработана В.П. Алексеевым. По мнению этого видного палеоантрополога, Человечество возникло в двух очагах (рис. 10) – евроафропереднеазиатском (родина негроидов и европеоидов) и восточноазиатском (родина американоидов и монголоидов). Далекими предками народов Европы и Африки были неандертальцы, Восточной Азии и Америки – синантропы. Сходной точки зрения придерживается американка Д. Эйгнер (1980).

По мнению В.П. Алексеева, в континентальной части Восточной Азии, примерно на междуречье Хуанхэ и Янцзы, формировалась монголоидная раса, ведущая прямую эволюционную линию (цепочку) от азиатского неандертальца – синантропа (рис. 11) – к современным монголоидам. Но было установлено, что рамапитек (австралопитек) Индии является предком орангу-

тана, а не человека. Исчез, следовательно, и претендент на права родоначальника азиатских народов.

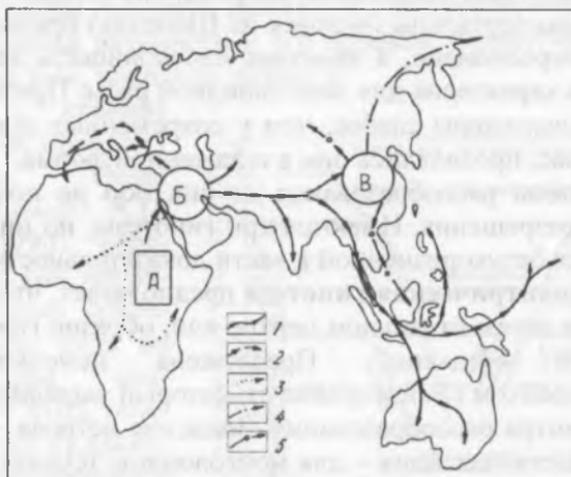


Рис. 10. Расселение человека по гипотезе дицентризма:

А – прародина человека; очаги расообразования: Б – западный, В – восточный; расселение: 1 – протоавстралоидов, 2 – европеоидов, 3 – негроидов (Африка), 4 – американоидов, 5 – монголоидов континентальных (центральноазиатских)

У последних не оказалось, таким образом, "своей обезьяны". Возросла значимость идеи связи азиатских питекантропов с африканскими.

Уже упоминалась морфологическая близость африканского и яванского питекантропов (Алексеев В.П., 1985): сочетание больших размеров черепной коробки с очень сильным рельефом черепа, сравнительно наклонный лоб и пр). Яванский питекантроп, как допускал Ю.Г. Решетов (1966, с. 309), был предковой формой для синантропа: первый имел возраст 595 - 435 тыс. лет, второй - около 400 тыс. лет (Урысон М.И., 1964) или 460 - 230 тыс. лет (Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П., 1991). Таким образом, цепочка Африка – о. Ява – Вост. Китай была в реалии. Это ставит предполагаемый восточный очаг расообразования в положение ветви западного очага.

Второйстораживающий факт - нет достаточных данных, подтверждающих родство синантропа и позднепалеолитических

людей (монголоидов) Восточной Азии, так как нет промежуточных звеньев с надежными расовыми признаками. Между временем обитания синантропа (см. выше) и периодом заселения Верхней пещеры Чжоукоудянь (18 тыс. лет) нет переходных звеньев, которые соединили бы эти популяции в одну цепочку. Нет вероятности того, что синантроп является предком обитателей Верхней пещеры. И вообще неясно, были ли яванские и китайские питекантропы прямыми предками более поздних гоминид, а следовательно, и современного человека (Урысон М.И., 1964).



Рис. 11. Мужчина – синантроп (реконструкция)

Все это наводит на мысль о том, что Вост. Азия с глубокой древности имела антропологические связи с Африкой и Восточным Околосредиземноморьем.

Возникли эти связи в глубокой древности на уровне питекантропов и были устойчивыми до конца мустьерской эпохи. Затем после некоторого перерыва в поздние стадии верхнего палеолита они возобновились. Об этом свидетельствует отсутствие на востоке Азии начальных стадий позднего палеолита. Там, где элементы позднего палеолита прослеживаются, они либо соединяются с мустьерскими, либо имеют очень поздний облик (Крюков М.В. с соавт., 1978, с. 49).

Гипотеза дицентризма, которую некоторые авторы рассматривают как закамуфлированный полицентризм, подверглась резкой критике. Нарушалась устоявшаяся "заповедь" Ч. Дарвина о том, что человек имеет монофилитическое (единое) происхождение и ведет свое начало от единого предка – человека умелого (*Homo habilis*), жившего в Африке примерно 2 млн. лет назад. По мнению критиков В.П. Алексеева, предки питекантропов и синантропов пришли на восток Азии с запада и путь их лежал через Переднюю Азию и северные области Индии, Индокитай, Южный Китай. Расселение архантропов в Восточной и Юго-Восточной Азии произошло сравнительно поздно, когда человек

был уже на стадии *Homo erectus* "человек выпрямленный". Синантропы и питекантропы могут рассматриваться как подвиды внутри этого вида. Если исходить из этих представлений, то восточный центр расообразования может быть принят за очень давнее, на уровне питекантропов, ответвление от общего расового ствола человеческого древа. Ветвь оказалась тупиковой. "Дерево" человечества по версии дицентризма показаны на рис. 12.

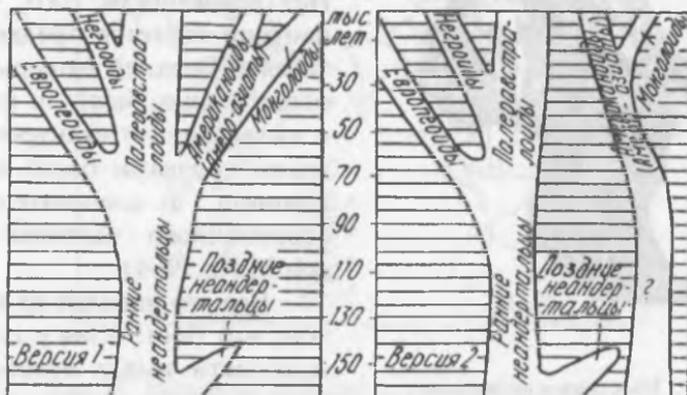


Рис. 12. Древо человечества:

Версия 1 – моноцентрическая; версия 2 – дицентрическая

Моноцентрическая гипотеза в своем первом варианте предполагала появление человека разумного в одном месте, на какой-то сравнительно малой территории с последующим расселением его на другие территории. Позже, под давлением сторонников полицентризма и новых материалов, гипотеза была трансформирована в направлении расширения площади прародины человека. В разработке гипотезы большую роль сыграл Я.Я. Рогинский. Суть его доказательств такова. Если бы все расы произошли каждая от своего неандертальского предка, то прослеживалось бы несколько самостоятельных линий развития от древних людей к современным. Практически же это не наблюдается. Все современные расы слишком сходны между собой во всех деталях анатомического строения, чтобы считать их потомками разных форм. Я.Я. Рогинский включал в зону формирования современного человека Южную Европу, Северную Африку, Переднюю Азию. Возможно, она охватывала Среднюю Азию, Кавказ и Южную Азию. Ойкумена неандертальцев времени му-

стье (см. рис. 8), несомненно, не вся являлась родиной человека разумного. Очевидно, в восточных частях ареала (Сибирь, Казахстан, Монголия) неандертальцы исчезли, не сумев приспособиться к условиям жизни в этих суровых краях. Человек разумный в Сибирь пришел, по нашему мнению, уже в "готовом" виде из Южной Европы и Передней Азии. Основная же масса мустьерского населения, способного к развитию в направлении сапиентации, была сосредоточена в Восточной Африке (долина Нила и район Великих озер), Передней Азии, Южной, возможно Центральной Европы, на узкой полосе африканского побережья Средиземного моря. Назовем этот регион изначальной сапиентации человека Околосредиземноморьем.

Итак, в Околосредиземноморье и в Восточной Африке на рубеже среднего и верхнего палеолита начался процесс сапиентации какой-то группы прогрессивных неандертальцев. Процесс этот был длительным и непрерывным. По нашему интуитивному мнению (доказательств никаких нет), наиболее подготовлено к этому было население Восточной Африки. Затем очередь сапиентации достигла Восточного Околосредиземноморья, и позже этот процесс распространился на запад по побережью Средиземного моря. Это не было освоение чужих территорий новой формацией людей (*Homo sapiens*) путем их миграции. Это было направленный и волнообразный процесс трансформации мустьерского населения определенной территории в качественно новое состояние. Процесс этот был длительным, но отсчет начала его вряд ли возможен, так как трудно провести резкую грань досапиентного и сапиентного состояний человека. Можно ожидать, что для западной части Околосредиземноморья со временем будут получены доказательства более позднего завершения здесь процесса сапиентации.

Со временем в Околосредиземноморье создалась ситуация перенаселения, и первые "человеки разумные" ринулись осваивать новые территории. Волны миграционного потока хлынули на территории, ранее занятые неандертальцами, перехлестнули их границы и устремились в места, где нога человека (древнейшего или древнего) не ступала. Началось завоевание планеты человеком современного типа.

Миграция человека разумного

Расселение человека разумного по планете началось из одного центра – Околосредиземноморья. Протекало оно не одновременно, разными темпами и в различных направлениях. Было три пути миграции: 1) южный (аустрический), 2) северный (бореальный) и 3) африканский (рис. 13).

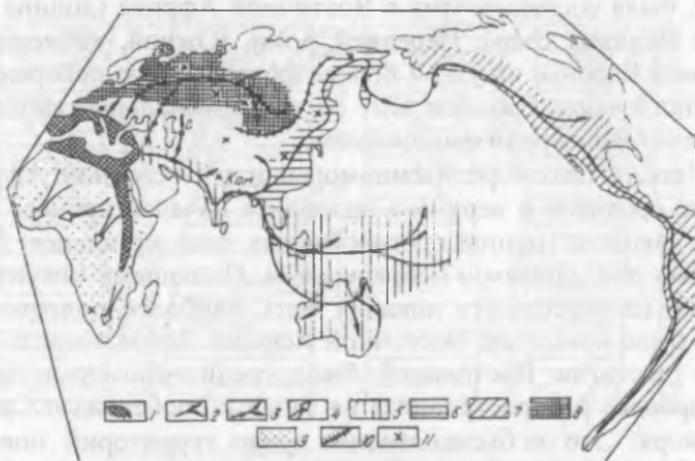


Рис. 13. Миграционные потоки (верхний палеолит и мезолит) и ранние популяции человека:

1 – прародина человека разумного; пути миграции: 2 – южный (аустрический), 3 – северный (бореальный), 4 – африканский; популяции: 5 - 7 – азиатско-австрало-америндская, 8 – евроазиатская, 9 – африканская; 10 – "людораздел"; 11 – очаги монголизации

Южный (аустрический) путь. Для мигрантов он был относительно легким, так как не выходил за пределы родной субтропической зоны. Мигранты шли по побережью Индийского океана до Юго-Восточной Азии. Часть мигрантов, осваивая просторы Южной Азии, оставалась по пути следования. Потомки их, в различной степени похожие на далеких предков, имевших протоавстралоидный антропологический тип, известны здесь и ныне. Арабы Ирака обладают довольно темной кожей. Южнее Басры, на побережье Персидского залива, небольшая народность *куваит* отличается светло-шоколадной кожей, не очень высоким переносом при ширине носа большей, чем у арабов; губы также тол-

стые. Обращают на себя внимание широковолнистые волосы и сильный рост бороды, что типично для австралоидов (рис. 14).

Бедуины Гадрамаута (Южная Аравия) обнаруживают черты сходства с веддоидной (австралоиды Южной Азии) расой (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 416). Близость Африки заставляет осторожно относиться к идее реликтового происхождения австралоидных признаков у некоторых групп населения Ирака и Аравии.

Мекраны прибрежных частей Белуджистана (Пакистан), по-видимому, имеют примесь негрской крови.

На юге полуострова Индостан проживают довольно многочисленные дравидоязычные племена, имеющие австралоидный антропологический тип. Это ораоны, гонды и племена, населяющие джунгли Центральной Индии (кадары, ченчу, курумба и др.). На юге Индии часть дравидоязычного населения (тамилы, телугу и др.) имеют признаки субстратного веддоидного населения.

На крайнем юге Индии и на о. Шри-Ланка живут ведды (рис. 15) – коренное население полуострова, которые некогда были ассимилированы дравидоязычными европеоидами. Ведды забыли свой язык австронезийского типа, перешли на дравидский, но сохранили свой физический тип. В расовом отношении они образуют малую веддоидную расу, входящую в большую экваториальную. Ведды, как и австралийцы, имеют волнистые волосы, но третичный волосяной покров у них развит слабее. Нос менее широкий, переносье уплощенное. Прогнатизм выражен слабее, довольно сильно выступают надбровные дуги.

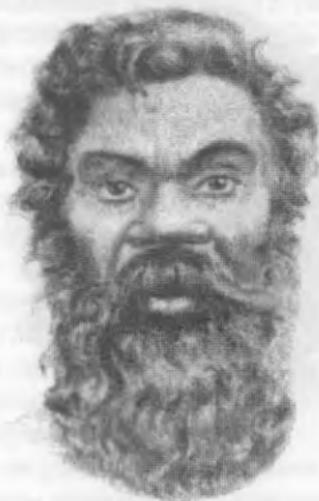


Рис. 14. Австралиец (фотография)

Достигнув Юго-Восточной Азии, миграционный поток человека разумного разделился на две ветви. Одна из них через Зондские острова достигла Австралии, другая по тихоокеанскому побережью Азии прошла до Чукотки и Камчатки и по Алеутским островам проникла в Америку.



Рис. 15. Веддоидный антропологический тип (фотография)

Ранние австралийцы.

Протоавстралоидные признаки наиболее полно сохранились у коренного населения Австралии, жителей островов Зондского архипелага. Современные австралийцы имеют темную кожу, волнистые волосы, третичный волосяной покров обильный (как у персов). Голова массивная, лоб покатый, надбровье мощное. Нос очень широкий, переносье сравнительно высокое, скуловой диаметр средних размеров, губы толстые, рот большой. Очень хорошо выражен альвеолярный прогнатизм. Массивность черепа, мощные надбровные дуги — это

типичные древние признаки человека.

Немногочисленные ископаемые находки ранних насельников Австралии отличались большой примитивностью строения черепа. Тальгайский череп обладал чрезвычайно примитивными чертами: очень большой величиной поверхности неба, большой толщиной костей свода, низким сводом при большой длине, большими размерами коренных зубов, общей прогнатностью. Нос широкий и мало выступающий. Лицо невысокое и неширокое. Череп из Когуну принадлежал взрослому мужчине. Ему также присущ ряд примитивных черт: большая массивность, мощные надбровные дуги, большой общий прогнатизм, низкий свод при большой длине черепа, очень крупные коренные зубы. Характерна уплощенность лица, что типично для австралоидной расы, в сочетании с невысоким прогнатным лицом и малой ши-

риной черепа. Оба черепа очень архаичны, а по некоторым показателям даже более примитивны, чем черепа классических неандертальцев. Череп из Кейлора (17 км от Мельбурна) отличается от двух вышеописанных большей прогрессивностью (увеличение объема головного мозга, очень большая высота свода, меньшие размеры зубов, более узкий нос). Давность черепа – 15 тыс. лет. Череп из Кейлора сходен с мустьерским черепом Схул V из Палестины, хотя не имеет надглазничного валика и некоторых других неандертальских черт (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 251-254).

Антрополог А. Эбби, изучавший краниологические особенности черепов австралийцев, считал, что они представляют обобщенный тип, из которого могли произойти все другие человеческие типы (Кабо В.Р., 1961).

Находки черепов в Австралии датируются мезолитом, что подтверждается и радиоуглеродными датировками. В.П. Алексеев (1974, с. 267) время заселения Австралии определяет в рамках 30-35 тыс. лет. И произошло это по крайней мере не позже появления человека в Америке.

Заселение Америки. Среди исследователей нет единого мнения как о кратности, так и о времени появления в Америке пришельцев. Исследователи разделились на две группы – максималистов и минималистов. Одни считают, что впервые нога человека ступила на Американский материк 20-30 и даже 40 тыс. лет назад. Вторые же определяют время появления человека в Америке более скромными цифрами – примерно 10 тыс. лет. Сторонники последнего мнения часто ссылаются на контроль обычных радиоуглеродных датировок другими методами. Так, при повторном определении возраста методом масс-спектрометрии возраст останков человека понизился:

памятник Лагуна-Бич (штат Калифорния) – с 17,5 до 5,6 тыс. лет,

лосанжелесский человек – с 23,6 до 8 тыс. лет (Природа, 1985, № 12, с. 113).

В.П. Алексеев (1972) считал наиболее вероятной датой заселения Америки 20-30 тыс. лет назад. С.А. Лаухин (1996) предполагает трехкратное заселение Америки через Аляску: 1) 28-20 тыс. лет назад, 2) 18-14 тыс. лет назад, 3) несколько тысяч лет назад. По его мнению, лишь вторая волна принесла американо-

идный антропологический тип (входит в большую монголоидную расу).

По мнению В.В. Бунака (1956) и В.Р. Кабо (1962, с. 82), первые переселенцы в Америку были протоавстралоидами по своему расовому типу, как об этом свидетельствуют материалы Центральной и Южной Америки. У многих индейцев Боливии и Бразилии кожа обладает более темным оттенком, третичный волосяной покров у них развит сильнее, встречаются волнистые волосы, голова и лицо имеют менее крупные размеры, нежели индейцы Северной Америки и Патагонии. Индейцы племени сирионо (Южная Америка) имеют более широкий нос при сохранении других экваториальных признаков (волнистые волосы, развитый третичный волосяной покров, темный цвет кожи), что, объясняется, по мнению М.Ф. Нестурха (1965), участием в сложении индейцев расовых типов, близких к южнокитайским. Последние же имеют явные реликты исходной протоавстралоидной расы.

М.Ф. Нестурх (1965) отметил большое сходство расовых признаков индейцев Северной Америки и Патагонии, что, по его мнению, объясняется сходными природными условиями.

Возможно, индейцы, обладающими более явными признаками экваториальной расы, были авангардом людского потока, который в течение тысячелетий просачивался на этот дотоле неизвестный материк.

Трудно объяснить мотивы, побудившие обитателей благословенных теплых краёв пуститься в столь рискованное путешествие на север по берегу Тихого океана. Даже если считать, что это было время каргинского потепления (32-64 тыс. лет назад), все равно климат был более суровым, чем современный: потепление было относительным и никогда в абсолютных показателях (например, температуры) не поднималось до современного уровня (рис. 16). Это все равно, что зимой радоваться потеплению, если после 40-градусных морозов наступили 35-градусные. Все равно холодно!

Даже при нерешенности вопросов когда и зачем человек перешел в Америку, следует остановиться на проблеме – где он это сделал. Есть несколько вариантов решения этого вопроса. Лишь для истории упомянем предположение о том, что человек впервые достиг Америки (Южной!) из Австралии по побережью Антарктиды или что человек перешел из Западной Европы в Северную Америку по Исландско-Гренландскому "мосту". Тур Хейер-

дал пытался доказать заселение Америки из Африки через Атлантический океан или из Юго-Восточной Азии через Тихий. Более популярны, хотя и не доказаны фактическим материалом, "путешествия" из Азии в Америку через Берингов пролив; это

предположение ныне, пожалуй, никем не оспаривается. Попробуем это сделать.

По нашему мнению, первый человек пришел в Америку с Камчатки по Алеутским островам. Имеются некоторые тому доказательства.

В центре Камчатки исследован археологический комплекс Ушки, из которых наиболее древним является памятник Ушки - 1. Семь слоев этого памятника датированы от 14300 ± 200 до 235 ± 145 лет назад. В самом древнем слое 7 вскрыто поселение и погребение с

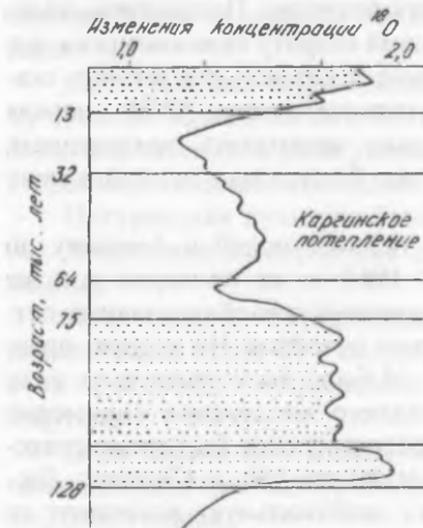


Рис. 16. Верхний плейстоцен Земли:

Точками показаны межледниковые эпохи (по Эндрюс Дж., 1982)

тленом вместо костей (Диков Н.Н., 1977). Н.Н. Диков (1993) считает, что 7-й слой памятника создан предками индейцев. Черешковые бифасиальные каменные наконечники стрел с этого памятника позволяют сблизить его с памятником Ульхум недалеко от мыса Чаплина (Америка). Н.Н. Диков предполагает такой путь этой культуры: Камчатка – Чукотка – Аляска. Однако палеогеографическая ситуация позднплейстоценового времени позволяет скептически отнестись к этой версии. Ледниковые покровы Кордильер и Лаврентийский в эпоху оледенения слились (Эндрюс Дж., 1982) и были в штате Аляска (не полуостров Аляска!) непреодолимой преградой для человека. Путь вглубь страны был отрезан, обитать между горными ледниками в перигляциальной зоне было невозможно. Лишь после максимума сартанского оледенения (18 тыс. лет назад), когда край ледника стал отступать на север и лед на полуострове Аляска растаял, стала возможной вы-

садка людей на материк. Человек пришел не через Берингов пролив (по ту сторону пролива хребет Брукса еще долго был под ледником), а с Камчатки по Алеутским островам, достигнув полуострова Аляска. И произошло это, возможно, 14-15 тыс. лет назад, в преддверии голоценового потепления. Полуостров, далеко выдвинутый в океан и занимающий широту Новосибирска, и в ледниковые эпохи был относительно доступен. Достаточно сказать, что во времена "Русской Америки" (конец XVII - первая половина XIX в.) на острове Кадык занимались земледелием, выращивали различные овощи. И это было в малую ледниковую эпоху (1550-1850 гг.)!

Сама по себе идея перехода первых людей в Америку по Алеутским островам не нова. В 1964 г. ее проверял тот же Н.Н. Диков, который провел археологическое обследование острова Беринга в группе Командорских островов. Но следов древних культур он там не обнаружил. И было бы удивительно, если бы он их нашел. В эпоху последнего оледенения (примерно 60-10 тыс. лет назад) уровень Мирового океана был ниже современного, по разным подсчетам, от 80 до 160 м (Эндрюс Дж., 1982, с. 255). Даже если принять минимальную величину, то можно ожидать археологические памятники того времени под толщей воды, а не на берегу. Древние обитатели были потребителями морепродуктов и жилища свои строили на берегу, а не на скалистых вершинах островов. Подтверждением этого может служить поселение Ушки. Это единственное на Камчатке столь древнее поселение и расположено оно в долине самой крупной реки Камчатки, где люди могли получать дары природы и не морского происхождения. На Алеутах найдены археологические памятники (например, Анангула), но возраст их молодой: от 7660 ± 30 до 8420 ± 275 лет. Эти памятники были созданы в послеледниковое время, когда уровень Мирового океана был стабилизирован и соответствовал современному.

Н.Н. Диков, крупный специалист в области археологии северо-востока Азии, выделяет следующие этапы заселения Америки:

Хронологически самый неопределенный, первое проникновение человека на северо-восток. Это или 70-50 тыс. лет назад (зырянское оледенение), или 28-25 тыс. лет назад (сартанское оледенение).

Тоже гипотетический – 20-14 тыс. лет. Соответствует наибольшему распространению ледников сартанской эпохи и наибольшим размерам Берингии.

Появление становища на Ульхумском холме (Америка) и поселение Ушки-1 (слой 7). Это был последний период сухопутной связи;

12-14 тыс. лет назад. Основной поток шел по тихоокеанскому пути (от Аляски на юг), но главным очагом развития культуры была Камчатка (6-й слой ушковских стоянок). На Ульхуме – это второй верхнепалеолитический комплекс.

Путорацкая культура (конец плейстоцена – начало голоцена). Памятники известны как в Азии, так и в Америке (Галагор, Флинт).

Н.Н. Диков (1993) произвел и этническую привязку культур: ранние Ушки (слой 7) – палеоиндейцы, 4-й этап – предки атапасков (на-дене), путорацкая культура – протоэскимосско-алеутская.

Если версия В.Р. Кабо (1962) верна, то более ранняя волна принадлежала протоавстралоидам и может датироваться примерно 20000 годами.

Северный (бореальный) путь. Человек современного типа начал осваивать внеледниковые области Европы около 40 тыс. лет назад: по памятнику Чергова Печь (Словакия) получена радиоуглеродная дата 38200 ± 2480 лет, которая фиксирует первое появление здесь человека разумного. Грот Оленя во Франции имеет более молодой возраст – 33,5 тыс. лет. Это было холодное время. Сильно заболоченные приледниковые области были заняты тундрой и редколесьем. Однако обилие крупных травоядных животных так называемого мамонтового комплекса привлекало сюда первобытных охотников.

На приледниковые равнины Восточной Европы человек разумный пришел позже. Поселение Костёнки недалеко от Воронежа имеет дату примерно 24 тыс. лет. Могильник Сунгирь около Владимира датирован по радиоуглероду: 24430 ± 400 лет. Любопытно, что многослойная стоянка Виллендорф II (Австрия), особенно ее 9-й слой, поразительно близка по своей культуре таким памятникам, как Костенки I, что позволяет говорить о широком распространении родственных племен в Европе.

Люди, расселившиеся в приледниковой зоне Европы, сочетали в себе приобретенные признаки европеоидной и реликтовые

признаки австралоидной рас (рис. 17). Они имели ортогнатное очень низкое и очень широкое лицо с заметно развитыми надбровными дугами, сильно выступающий узкий нос. В наследство от австралоидов они получили крупные зубы, альвеолярный прогнатизм, удлиненные голени и предплечья. Череп обладал большой вместимостью (1590 см^3) и огромной (202,5 мм) длиной.



Рис. 17. Человек с Маркиной горы. Костёнки (реконструкция)

Таким был палеоевропеец, названный кроманьонцем по пещере Кро-Маньон во Франции (см. рис. 19). Такой же облик имели жители Восточной Европы более 20 тыс. лет назад (Костёнки XVI, Сунгирь). Г.Ф. Дебец (1955) из мезолитического могильника у с. Волошское (18 км южнее Днепропетровска) описал черепа с явно австралоидными признаками (прогнатизм, широкий нос, низкие орбиты). Здесь же были найдены черепа древнего средиземноморского типа, резко отличающиеся от кроманьонских. Г.Ф. Дебец высказал предположение, что волошские черепа имеют больше сходства с черепами из Кении (!!!), чем с европейскими. Хотя автор отмечает,

что пришельцы не оставили заметного следа в позднейшем населении юга Восточной Европы (оно продолжало развиваться на базе кроманьонцев), приток южан очень симптоматичен. Связь населения Восточной Европы со своей родиной (Восточным Околосредиземноморьем) поддерживалась в течение тысяч лет.

Из Восточной Европы палеоевропейцы перевалили через Урал и распространились по Южной Сибири до Байкала, где они основали 24 тыс. лет назад поселения Мальта и Буреть. Верхнепалеолитические стоянки Малая Сья (возраст определен 34 тыс. лет по кости, 20 тыс. лет по углю) и Сабаниха (23 – 24 тыс. лет; Лисицын Н.Ф., Лисицын С.Н., 1964) в Хакасии имели инвентарь

ориньякского типа, характерный для европейских памятников (Лисицын Н.Ф., 1994). В Забайкалье стоянка Каменка-1 также имеет инвентарь европейского облика. Американский антрополог К. Тернер (1990) установил родство жителей Мальты с кроманьонцами вообще и людьми Костенок и Сунгирия, в частности. Исследователь категорически отрицал связь мальтинцев с палеоиндейцами и жителями Центральной Азии. По-видимому, горы Южной Сибири, Дальнего Востока были в то время преградой для мигрантов, своеобразным "людоразделом" между бореальными мигрантами и тихоокеанской ветвью аустрических.

Палеоевропейцы кроманьонского типа некогда заселяли и Северную Африку. Ископаемые останки людей такого типа известны из Тафоральта (Марокко) и Афалу (Алжир). Древние люди Северной Африки были высокого роста (180 см) с большой вместимостью черепа (1615 и 1650 см³). Они имели низкое и широкое лицо с сильно выступающим носом и низкими глазными орбитами. Надбровные дуги были выражены резко, как и подбородочный выступ. Но в отличие от европейских кроманьонцев они имели более широкий нос (все же это Африка!). Возраст скелета из Тафоральта 8850 лет до н. э. (Рогинский Я.Я., 1974). Антропологические признаки древних кроманьонцев сохранились и у некоторых групп современного населения. Так, среди жителей Канарских островов, потомков гуанчей, выделяется группа широколицых, с низкими орбитами и более выраженным надглазничным рельефом. Эта группа очень напоминает мезолитическое население Северной Африки. Да и современные кабилы, рифы (группы берберов) отличаются от арабов несколько более широким лицом, менее выпуклыми спинками носа, не столь темными глазами.

Африканский путь. Проблема заселения Африки, как ни странно, до сих пор не получила своего решения. Не ясно происхождение основных этнических групп (и их языков), не разработана классификация народностей (и их языков).

Исходя из нашей версии ранних миграций человека разумного, формирование африканских популяций происходило следующим образом.

Наиболее ранний "исход" начался из района восточноафриканских Великих озер. Именно здесь предполагается наиболее ранняя сапиентация человека. Именно отсюда происходит самая древняя в Африке находка черепа человека разумного – пример-

но 37 тыс. лет (Флорисбад около Блумфонтейна). Для черепа характерны низкие орбиты, широкий нос, долихокрания, и, по видимому, прогнатизм при наличии ряда архаичных черт - низкий свод, большая толщина стенок (Рогинский Я.Я., 1974). Череп из Кэп-Флетс, близ Кейптауна, имеет сильно развитые надбровные дуги, покатый лоб, долихокранию, что сближает его с протоавстралоидными. Череп из Фуш-Хук, близ Кейптауна, обнаруживает сходство с бушменским типом. Череп принадлежал мужчине невысокого (158 см) роста, с широким и плоским носом на низком сильно уплощенном лице с мезогнатным вертикальным профилем. Череп низкий и длинный. Таким образом, на юге Африки в древности антропологический тип людей был неоднородным. Люди в какой-то мере сохранили протоавстралоидные признаки и приобрели монголоидные (бушменского типа).

Генетически не связаны с южными (в Африке) мигрантами коренные жители северной и центральной частей материка.

О приходе в Африку европеоидов-кроманьонцев говорилось выше.

Собственно негрская группа – это результат миграции и адаптации к условиям тропического климата какой-то группы североафриканского населения, близкого по происхождению к палеоевропейцам. В.П. Алексеев (1974, с. 149 и др.), предложивший эту версию, предполагал позднюю их миграцию – в мезолите или неолите. Однако биохимические сравнительные материалы по европейцам и неграм Африки как будто не подтверждает эту генетическую близость. Однако эти же исследования подтвердили генетическую самостоятельность негров и бушменов.

Автохтонным является население Эфиопии, которое имеет большое сходство с европейским – по форме носа (высокое переносье, среднее выступание на плоскости лица, прямая спинка, небольшая ширина в крыльях). Форма головы удлиненная, лицо очень узкое. Черепа из Кении имеют огромную высоту и относительную узость лица, высокие глазницы, узкий нос. Лицо слегка прогнатное, нос слабо уплощен, череп длинный. Антропологический тип этих людей мезолита не имеет себе аналогий на планете. Можно предполагать, что это население было предковым по отношению к населению эфиопской малой расы, хотя полных аналогий с современными абиссинцами и сомалийцами нет. Большие отличия с негрским типом заставляют сблизить их с "эфиопами", особенно с галла и сомали.

Можно высказать предположение, что коренное африканское население сформировано из трех групп:

- эфиопской - автохтонной,
- южной (бушменской) - пришлая из района Великих озер,
- негрской - пришлой из Северной Африки.

Любопытный материал собран В. Майром (публикация 1976 г.) по группировке населения по 17 серологическим системам. На этом материале В. Майр построил дендрограмму (см.: Алексеев В.П., 1985), на которой четко различаются три "ветви", увязываемые с нашими миграционными группами (популяциями). "Дерево" делится на две крупные ветви, каждая из которых, в свою очередь, дважды ветвится (рис. 18). Первая ветвь включает две "подветви" - африканскую и европейскую, вторая (аустрическая) - америндскую и восточноазиатско-австралоокеанийскую. Такое на первый взгляд удивительное совмещение основных серологических комплексов и древнейших популяций нельзя считать случайным совпадением. Это совмещение отражает систему изначального формирования родственных популяций.

Расовая эволюция человека

Мы исходим из гипотезы расширенного моноцентризма. Сапиентация человека произошла на обширной территории Околосредиземноморья и восточной Африки (бассейн Нила). Процесс сапиентации (переход от неандертальца к человеку современного типа) был длительным, начался не одновременно и в разное время завершился на различных территориях.

Первые признаки сапиентации отмечались уже для времени 70 тыс. лет назад. Но завершился этот процесс позже - 40-50 тыс. лет назад. Это время завершения формирования человека как биологического вида. Далее происходило изменение только расового типа, которое не отразилось на биологическом развитии человеческих индивидуумов. В итоге определился ареал достаточно компактного проживания человека разумного

Изначальный расовый тип человека разумного. Антропологи, похоже, без особых разногласий пришли к выводу, что ранний тип человека разумного имел некоторые признаки всех трех больших рас (как пишут, был слабо дифференцирован в расовом отношении), но в наиболее типичном виде он был близок к пред-

ставителям австралоидной (южной, экваториальной, негроидной) расы. В этом нег ничего удивительного: формировался он в зоне субтропиков и на него издавна воздействовали те же факторы природной среды, что и ныне воздействуют на негров Африки.

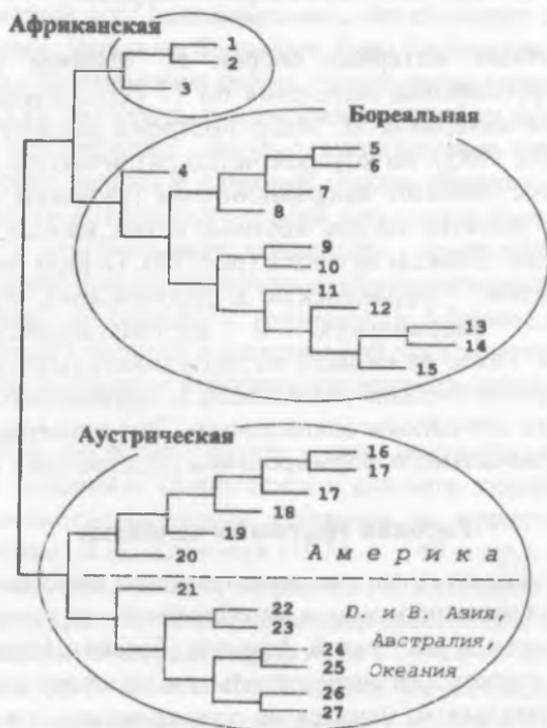


Рис. 18. Дендрограмма взаимного положения популяций на основании суммарного сопоставления по 17 генам систем эритроцитарных и сывороточных факторов крови (Maug W., 1976, из: Алексеев В.П., 1985, с. 154) и основные группы населения планеты:

1 – пигмеи, 2 – банту, 3 – бушмены, 4 – лопари, 5 – племена Западного Пакистана, 6 – арабы, 7 – население Ливана, 8 – турки, 9 – сардинцы, 10 – итальянцы, 11 – баски, 12 – немцы, 13 – англичане, 14 – шотландцы, 15 – исландцы, 16 – индейцы макиритаре, 17 – индейцы яномана, 18 – индейцы папаго, 19 – индейцы майя, 20 – эскимосы, 21 – корейцы, 22 – тибетцы, 23 – китайцы, 24 – японцы, 25 – айны, 26 – аборигены Австралии, 27 – папуасы.

Примечание. Дублированное число "17" – так в оригинале

В.П. Алексеев (1972, с. 168) так описал нашего общего предка: "Он был волнистоволос, довольно темнокож, имел выступающий нос. Все признаки негроидной расы были выражены достаточно отчетливо. И сразу вслед за этим нас поразило сходство нарисованного силой воображения облика с реальным австралийцем". Описание ранних насельников Австралии по краниологическим материалам приведено выше (раздел "Миграция человека разумного").

Причины расообразования. Расовые различия были заложены в генах человека еще до его сапиентации, но четко оформились значительно позже, когда человек разумный в своем неумном стремлении к путешествиям покинул свою благословенную Прародину и решил испытать себя в других районах – в пустынях и горах, тундре и на океанических островах.

Расовые изменения человека разумного обусловлены двумя причинами: адаптационными (приспособление человека к новым природно-климатическим условиям) и генетико-автоматическими. Первая причина в большой ее сложности рассмотрена В.П. Алексеевым (1985). Вторая заключается в том, что гены организмов, в том числе и человека, по-разному проявляют себя в различных условиях. Доминантные гены "работают" в центре видового ареала. Здесь, как выразился В.П. Алексеев (1972, с. 193), бурлит жизнь, создаются всё новые и новые формы, которые начинают преобладать. Рецессивные гены лучше проявляют себя по периферии ареала, где их становится всё больше и больше, они начинают скрещиваться между собой (другого материала нет!). И гены, которые были скрыты, подавлены, редки, в условиях изолята (горы, пустыни) или по периферии ареала (это тоже своеобразный изолят, например Кольский полуостров) начинают формировать и закреплять в потомстве новые признаки. В центре ареала этот признак, например "блондинистость", был бы подавлен другими (доминантными) генами и не нашел бы физического проявления во многих особях.

Происхождение европеоидов. Что ныне понимается под типичным европеоидом, каковы его морфологические признаки? По характеристике В.П. Алексеева (1989, с. 62) европеоиду свойственны сильно выступающий нос, высокое переносье, резко профилированное лицо, тонкие губы, прямые или широковолнистые мягкие волосы. Европеоиды более светлокожи, нежели монголоиды и негроиды. Европеоиды подразделяются на две ветви –

северную (скандинавы, исландцы, ирландцы и др.) и южную (афганцы, иранцы, турки, азербайджанцы, армяне, грузины и др.). Различия между ними касаются в основном пигментации кожи, глаз, волос. Между этими двумя ветвями располагаются народы, занимающие промежуточное положение. Сейчас, пожалуй, не оспаривается точка зрения, высказанная Н.Н. Чебоксаровым еще в 30-е годы, о том, что южные европеоиды, промежуточные варианты и северные европеоиды представляют собой результат последовательного процесса депигментации изначально темнопигментированного населения. Южные европеоиды, следовательно, стоят к исходному пласту ближе, нежели северные.

Человеку разумному пришлось приспособливаться к суровым природным условиям приледниковых областей Европы, чтобы в первую очередь избежать переохлаждения. Сильное выступание носовой полости удлиняло путь воздуха до дыхательных путей и способствовало его (воздуха) согреванию. Ортогнатность лицевого скелета европеоидов предохраняла глотку от охлаждения. Тем не менее считается (Форсиус Х., 1982), что лицо европеоида хуже приспособлено для жизни в арктических условиях, чем монголоида: выступающий нос можно отморозить, а светлая пигментация глаз в приполярных районах неблагоприятна. Когда земля покрыта снегом, светлые глаза страдают от солнечного света больше, чем темные, так как свет проникает не только через хрусталик, но и через радужину, если пигментный слой радужной оболочки и реснитчатое тело недостаточно толстые. Большое количество света также отражается от глазных стенок, если основа пигментации светла. Да и причины осветления кожи не совсем ясны. Отсутствие темного красителя (меланина) способствует нагреву под лучами солнца. Но тело ведь спрятано под одеждой! Светлая кожа создает явные преимущества биохимического порядка: она помогает аккумулировать витамин D при воздействии света на кожу. У таких особей не развивается рахит в условиях слабого солнечного облучения. Это сохраняет жизнь и продлевает репродуктивную способность, что приводит к увеличению числа депигментированных особей. Но дефицит указанного витамина возникает при рационе, бедном животными продуктами. А этим палеоевропейцы, охотники и рыболовы по роду занятий, не страдали. Не исключено, что ортогнатность лицевого скелета и носатость, с одной стороны, и депигментации кожи и глаз, с другой стороны, - это явления разновременные. Депигментация

наступила позже, когда увеличилась доля растительной пищи в рационе европеоидов. Вопрос о приобретении палеоевропейцами "блондинности" требует дальнейшей разработки.

Но так или иначе, в результате генетико-автоматических и адаптационных процессов в приледниковой зоне Западной Европы сформировалась новая антропологическая раса - европеоидная, стратотипный субъект которой находился в пещере Кро-Маньон в долине Р. Везер (Франция). Этот тип известен также под названием кроманьонский; Г.Ф. Дебец (1948) назвал его палеоевропейским, а В.В. Бунак (1956) - древнеевропейским. Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин (1978) следующим образом охарактеризовали кроманьонца. Специфическими особенностями кроманьонца были сочетание длинного черепа с очень широким лицом, заметное развитие надбровных дуг (не смешивать с надбровным валиком!), очень низкие угловатые глазницы, сильно выступающий в плоскости лица узкий нос, прямой общий профиль лица. Он имел прямой свод черепа, подбородок резко выступал, высота лица малая, как и ширина межглазничного расстояния и ширина носа. Размеры глазниц небольшие. Замечательна большая вместимость черепа - 1590 см³ (у норвежца 1450) и его огромная величина продольного профиля - 202,5 мм (у норвежца 187,7). Однако кроманьонца из пещеры Кро-Маньон по современным меркам нельзя считать "чистокровным" европеоидом. У него был мал носовой указатель, что при невысоком переносе и альвеолярном прогнатизме (косо поставленные передние зубы), большой скуловой ширине и низкой черепной коробке не характерно для европеоидов. В нем явно просматриваются южные (австралоидные) черты (рис. 19). Поэтому вряд ли кроманьон-



Рис. 19. Кроманьонец (реконструкция)

нец был светловолосым и светлоглазым. Добавим, что кроманьонец из Оберкасселя (около Бонна, Германия) был в расовом отношении монголоидом, а из Комб-Капелля (Перигор, Франция) – протоавстралоидом (евро-африканцем). В.П. Алексеев (1974, с. 149) назвал таксономической фикцией типичность кроманьонца для древнего населения Европы.

Более того, В.В. Бунак (1956) считал, что кроманьонский вариант в Европе был выражен слабее, чем в Северной Африке. Европеоиды Северной Африки среди берберов характеризуются заметной депигментацией. Ливийцы на древних фресках Египта показаны светлоглазыми. Возможно, это "следы" древнего европеоидного населения, как и кроманьоноподобные группы среди гуанчей Канарских островов (см. выше). В 1937 г. Г.Ф. Дебец выдвинул гипотезу о гомогенности (единообразии) антропологического типа населения Европы в эпоху палеолита. И кроманьонец был этим типичным (фоновым) европейцем. Полученный позже палеоантропологический материал показал, что по ширине лицевого скелета, большая величина которого считалась характерной для кроманьонца, древнее население варьирует в больших пределах. Помимо низколицых в позднем палеолите в Европе обитали люди с высоким лицом при сохранении других палеоевропеоидных признаков (череп III из Пшедмоста).

Популяция древнеевропейского населения различалась по многим важным признакам и сближалась лишь общим комплексом европеоидных черт и повышенным развитием рельефа черепа. Современные народы не сохранили признаков палеоевропейцев-кроманьонцев. Но у части населения Восточной Европы и Сибири эпох энеолита и бронзы они были выражены достаточно явно.

Происхождение монголоидов. Обобщенное описание монголоидов дали Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин (1978, с. 375, 376): смуглый оттенок кожи, прямые, нередко жесткие волосы, слабый или очень слабый рост бороды, средняя ширина носа, низкое или среднее по высоте переносье, слабо выступающий нос, средняя толщина губ, уплощенность лица, сильное выступание скул, крупные размеры лица, наличие эпикантуса. Однако, помимо типичных монголоидов, к которым можно отнести, пожалуй, лишь бурят, монголов, некоторые группы тувинцев, якутов, известны популяции, которые имеют ослабленные монголоидные признаки (саамы, коми и др.) или же только некоторые из монголоидных

признаков (американские индейцы). Это свидетельствует о том, что процесс образования монголоидной расы был очень сложным, даже если исключить из него случаи несомненной метисации.

Проблема происхождения монголоидной расы до сих пор является наиболее сложной в науке о расогенезе. Предложено несколько гипотез. Гипотеза о "своей обезьяне", похоже, отвергнута окончательно. Известна гипотеза В.П. Алексеева о формировании монголоидов в своем очаге – в Восточной Азии. По его мнению, этот очаг возник в нижнем палеолите, не прерывался никакими катастрофами и последовательно развивался до верхнего палеолита и позже. Формирование монголоидной расы, по мнению В.П. Алексеева, происходило в долинах рр. Хуанхэ и Янцзы. Монголоидные признаки были в древности выражены слабее, чем ныне. По ослабленности специфических признаков протомонголоиды соответствовали современным американоидам (Алексеев В.П., 1974, с. 140). Анализ представлений В.П. Алексеева дан выше, при описании дицентрической гипотезы (раздел "Неоантропы").

Обобщение и картографирование известного палеоантропологического материала привело нас к иным выводам по проблеме происхождения монголоидов. По нашему мнению, в истории человечества не было единого очага формирования монголоидной расы. Население с монголоидными признаками, в различной степени выраженными, формировалось на различных территориях и в различное время независимо друг от друга (рис. 20).

Восточная Европа. В позднем палеолите часть палеоевропейцев Западной Европы переместилась в восточном направлении, в сторону Урала. Здесь они встретились с ранее пришедшими с юга (Ближний Восток) евро-африканцами, которые имели черты европеоидные и австралоидные. Смешанное население продвинулось в Северное Предуралье, которое в эпоху последнего оледенения не было занято ледниками. Именно здесь, на восточной периферии ойкумены, заявили о себе гены, которые "отвечали" за монголоидные признаки. Несомненно, сыграл свою роль так называемый дрейф генов, а также воздействие суровых для того времени природно-климатических условий Северного Приуралья.

Исследование черепов с Оленьеостровского могильника (Онежское озеро, мезолит) показало, что слабая монголоидность,

по существу, является обычной особенностью древнего населения Восточной Европы (Якимов В.П., 1957) и проявилась она самостоятельно, вероятно, под влиянием суровых условий жизни (Ошибкина С.В., 1990).

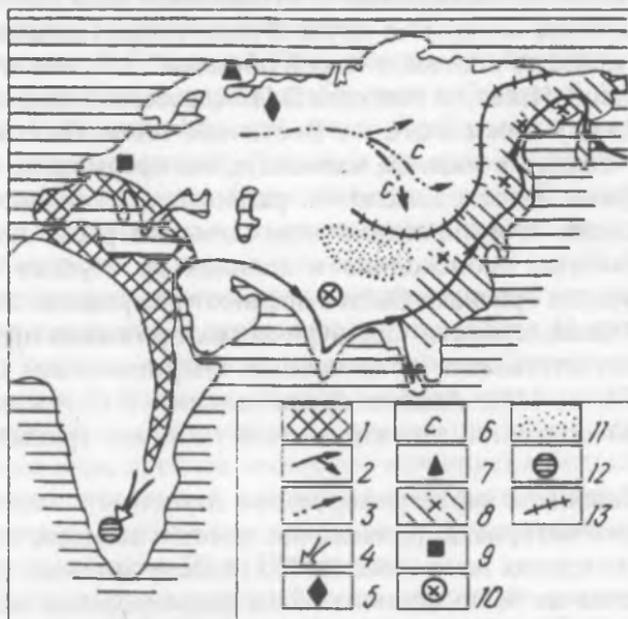


Рис. 20. Миграционные пути и очаги монголизации:

1 – Околосредиземноморье; пути миграции: 2 – аустрический (южный), 3 – бореальный (северный), 4 – африканский; очаги монголизации: 5 – Восточная Европа, 6 – Сибирь, 7 – Норландия, 8 – Восточная Азия, 9 – Западная Европа, 10 – провинция Кам, 11 – Центральная Азия, 12 – Южная Африка; 13 – "людораздел"

Такого рода монголоидность (рис. 21) сохранили некоторые финноязычные группы (коми, удмурты, некоторые группы карел и мордвы). Г.М. Давыдова (1986) среди северных манси выявила древнеуральскую форму монголоидности: слабый рост бороды, уплощенное лицо с умеренно выступающими скулами, очень прямой лоб, выраженная складка века, не очень тонкие губы. И эти явно монголоидные признаки фиксируются на фоне светлой пигментации. Внутригрупповые корреляции среди северных манси показали обратную зависимость между пигментацией и евро-

пеоидностью: наиболее светлые субъекты обладают меньшей европеоидностью (большей монголоидностью). Это исключает объяснение факта монголоидности манси за счет смешения монголоидного и европеоидного населения. Речь может идти только



Рис. 21. Мужчина с Оленьего острова (реконструкция)

о присутствии в составе уральского населения особой евразийской расы – светлой, слабо монголоидной, как это предполагалось В.В. Бунаком. По измерительным признакам этот тип приближался к лопарям: большая величина лба, малая толщина губ, низкая верхняя губа, сравнительно большая ширина рта.

Таким образом, можно поставить вопрос о восточноевропейском очаге монголообразования в завершающую фазу верхнего палеолита на базе слабо дифференцированных антропологических типов. О раннем появлении у населения Вос-

точной Европы признаков монголоидности свидетельствуют материалы памятника Сунгирь: восемь скелетов дают представление о европеоидном восточнокроманьонском типе, не дифференцированном в расовом отношении, обладающем протомонголоидными и негроидными элементами (Бадер О.Н., 1974). Так возникла монголоидность уральского типа.

На самом Урале уральский антропологический тип имели носители шигирской культуры V-IV вв. до н. э. (Герасимов М.М., 1955). В прошлом веке при разработке Кудринского прииска на глубине 5 аршин найден череп женщины, деревянное весло и обломки керамики. По реконструкции М.М. Герасимова, женщина обладала крайней малоголовостью. Лицо было маленькое, низкое, ортогнатное, с коротким выступающим носом средней ширины с относительно высокой переносицей. Лоб широкий, покатый, с сильно выступающей глабеллой (лобная кость над пе-

реносицей) и хорошо очерченным надбровьем. Глазницы небольшие, глаза глубоко посаженные, с нависающим верхним веком. Расстояние между глазами маленькое, щеки приподняты, что определяется тонко очерченными скуловыми костями. Альвеолярная часть довольно сильно прогнатна, но зубы поставлены почти вертикально, но рот не толстогуб и относительно мал.

Сходный облик имел и молодой мужчина, череп которого был найден также при разработке золотых россыпей Иннокентьевского разреза Миасского округа (рис. 22).



Рис. 22. Мужчина из Миасского округа (Урал; реконструкция)

По реконструкции М.М. Герасимова (1955, с. 413), это был европеоид с несомненными признаками легкой монгололизации. Он имел очень низкое маленькое лицо относительно развитой глабеллой. Скулы были очень тонко очерченные уплощенные скулы, чуть заметную прогнатность верхней челюсти. М.М. Герасимов назвал этот тип ранним вариантом субуральской расы. Все признаки типа восходят к европеоидному типу, но видны и слабые признаки монголоидности. Добавим, что сохранились и реликтовые признаки южной (экваториальной) расы в виде прогнатности верхней челюсти.

По мнению М.М. Герасимова, среди неолитического населения лесной полосы Восточной Европы и всей Центральной и Южной Сибири нет ни одного черепа, сколько-нибудь приближенного по своим основным размерам к данной категории. Он был характерен только для Урала.

Однако в последние годы получены новые данные о неолитическом (вторая половина IV тыс. до н. э.) населения Алтая. В пещере по ручью Тыткескень (левый приток Катуня восточнее райцентра Шебалино) было найдено захоронение мужчины, антропологически близкого к хантам и манси (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1992). Очевидно, уральский антропологический тип в неолите занимал более обширные территории, чем ныне.

Сибирь. Процесс монголизации усилился при переходе мигрантов через Урал в Сибирь до Забайкалья. Миграция началась более 25 тыс. лет назад. Мигранты вскоре достигли Забайкалья. Их следы известны у Красноярска (Афонтова гора) и Иркутска (Мальта, Буреть). Еще А.П. Окладников предполагал, что в древности из Европы в Сибирь переселились какие-то группы людей. На поселениях Прибайкалья типы наземных жилищ, исключительное богатство костяного инвентаря, костяные женские статуэтки, каменный инвентарь вели, безусловно, на запад, в Европу (Алексеев В.П., Першиц А.И., 1990, с. 173). Однако европейского типа инвентарь сопровождался фигурками женщин с явно монголоидными лицами (Окладников А.П., 1964). Особенно выразительны были глаза: узкие, раскосые, они невольно вызывают в памяти черты, свойственные представителям монгольской расы.

Зубы старшего мальчика из Мальты исследовались К.Г. Тернером (1990). Ученый по результатам исследования пришел к заключению о родстве прибайкальского населения с кроманьонским населением Европы. Не менее категорическим было заявление А.П. Окладникова и З.А. Абрамовой (1974) о том, что сибирские, в том числе и забайкальские каменные изделия этого времени несопоставимы с дальневосточными. Каменные изделия с памятника Осиновка (Приморье) имеют больше общих черт не с орудиями приледниковой зоны Евразии, а с комплексами Юго-Восточной Азии (Япония, Индокитай).

Монголоидный облик имело и население Приенисейского края. На памятнике Афонтова Гора II обнаружены костные останки взрослого мужчины и подростков с явными монголоидными признаками. Любопытно, что по р. Абакан (побережье Соснового озера) А.Н. Липский (1963) на верхнепалеолитическом населении находил ямки-кладовочки, напоминающие таковые поселений Костёнки I и II.

Костёнковские памятники имеют возраст примерно 23 тыс. лет, памятник Сунгирь - 25500 лет. Самая северная верхнепалеолитическая стоянка Бызовая на р. Печера датирована так же (25540 лет). Известные в Сибири верхнепалеолитические памятники имеют меньший возраст: Афонтова Гора – 20900 лет, Мальта – 20-24 тыс. лет, Буреть – 21190 лет.

Исходя из нашей версии, можно сделать предположение, что низколицые (северные или таежные) монголоиды Сибири – это потомки выходцев из Европы и что исходной для них базой было население палеоевропейского (кроманьонского) типа.

И.М. Золотарева (Юагиры..., с. 110) реконструировала облик ранних монголоидов Сибири, представителей палеосибирской расы, которые, по ее мнению, выглядели следующим образом. Ранние монголоиды имели крупную голову, широкое уплощенное лицо с умеренным выступанием скул, которое "украшал" широкий нос с прямой спинкой и невысоким переносьем. У них была сильно развитая складка верхнего века и эпикантус. Губы имели среднюю толщину. Окраска волос и радужины глаз темная, волосы умеренно тугие. Добавим, что лицо было низкое. При желании можно усмотреть и кроманьонские реликты (широкое лицо) и южные (широкий нос). В этом плане палеосибирские монголоиды были близки к жителям Костенок и Сунгира.

Низколицыми были монголоидные жители Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Об этом свидетельствуют находки черепов у с. Туой-Хая на р. Чона (приток Вилюя, каменный век?), на р. Богучан (приток р. Лена, эпоха бронзы) и на Фофановском могильнике в низовье р. Селенга (Забайкалье, неолит). Прямыми потомками древних низколицых монголоидов ныне являются западные эвенки, чулымские тюрки, тофалары, тувинцы-тоджинцы.

Норландия. В Северной Норвегии, Северной Финляндии, на Кольском полуострове сформировался своеобразный антропологический тип, который принято называть лапаноидным. Носителями этого типа являются саамы (лопари) и какой-то мере коми-пермяки, мордва-мокша. По данным И.И. Гохмана (1980, с. 41), антропологически саамы характеризуются следующими особенностями. Коробка черепа короткая и широкая, высота средняя. Лоб средней ширины и наклона, умеренно выпуклый. Лицо низкое довольно широкое, ортогнатное, однако на некоторых черепках заметен альвеолярный прогнатизм (признак австралоидной

расы) при довольно широком носе. Нос слабо выступающий, спинка вогнутая, кончик носа и основание приподняты. Волосы прямые, но мягкие, пониженная растительность на лице и теле. Умеренно темная пигментация.

Таким образом, у лапаноидов имеются признаки всех трех больших рас: европеоидной (ортогнатное лицо), южной (прогнатизм, широкий нос; признаки не всегда наблюдаемые) и монголоидной (плоское лицо, выступающие скулы, иногда эпикантус, наклонное положение осей глаз).

По вопросу о происхождении физического типа саамов нет единого мнения. По мнению одних исследователей (В.В. Бунак, В.П. Якимов, Г.Л. Хить, В.Я. Шумкин, П. Хайду, К.Б. Виклунд), саамы (лопари) являются недифференцированной в расовом отношении группой древнейшего населения Европы. По мнению других (Ю.Д. Беневоленский, В.И. Хартанович, Г.Ф. Дебед, Н.Н. Чебоксаров, В.П. Алексеев) – это метисная группа.

Мы придерживаемся первой точки зрения и считаем, что саамы являются древнейшим европейским населением, которое длительное время формировалось в Фенно-Скандии. Исходным "материалом" послужили потомки палеоевропейцев (кроманьонцев) – носители аренсбургской культуры, которые примерно 8 тыс. лет назад пришли из районов Дании в Норландию и в условиях изоляции и под влиянием адаптационных процессов сформировали свой антропологический тип. Низколицезность саамов, альвеолярный прогнатизм (у некоторых индивидуумов) – это наследие палеоевропейцев. Последние были длинноголовыми; круглоголовость саамов – явление позднее (Алексеев В.П., 1969).

Идея сама по себе не нова. В.Я. Шумкин (1991) уже высказывал мнение, что современные саамы являются потомками палеоевропейского населения, которое благодаря изоляции смогло сохранить свой антропологический облик, некоторые элементы культуры и свое этническое самосознание. Добавим, что та треть лексики саамов, которая не этимологизируется из финно-угорских или других известных языков, также является наследием палеоевропейцев.

Западная Европа. В палеолите население Околосредиземноморья не имело явных монголоидных признаков, если не считать некоторую уплощенность лицевого скелета на уровне назомаллярных точек. Происхождение такой уплощенности неизвестно Воз-

можно, это следствие большой ширины лица палеоевропейцев (Алексеев В.П., 1989, с. 306).

На Офнетской стоянке (мезолит, Бавария) наряду с черепами долихокранных (длинноголовых) кроманьонцев найдены короткие (круглые) черепа с уплощенным сводом, слабо развитым надбровьем, плосковатым лицом, сильно выступающими вперед и в стороны скуловыми дугами, широким и коротким носом с низким переносьем. Еще более отчетливые признаки монголоидности выражены на черепах из Бранденбурга (Притцербергское озеро). Оба неолитических черепа обладают уплощенным лицом, сильно развитыми предносовыми ямками, слабо выступающим носом с низким переносьем. Но в отличие от офнетских – здесь черепа длинные (долихокrania), массивные. Уплощенное лицо, выступающие скулы, низкое переносье и другие монголоидные признаки отмечены на черепах из неолитических памятников Домитца, Дохлярмарки, Саферштеттена на Инне в Баварии (Чебоксаров Н.Н., 1946). С.П. Толстов (1946) видел в этих европеоидах с монголоидными признаками продукт древнего скрещения мигрантов с юга (Средиземноморье) и востока (из Восточной Азии через Сибирь). По нашему мнению, здесь мы имеем доказательства давней монголизации части раннего европейского населения северных предгорий Альп. Причиной монголизации явились адаптационные (в условиях изоляции) и генетико-автоматические процессы. Очевидно, "бунт" рецессивных генов был подавлен, и начавшаяся монголизация европеоидного населения завершилась поражением.

Африка. Здесь аборигенное население – бушмены и готтентоты – причудливо сочетают в своем физическом типе основные признаки двух рас – негроидной и монголоидной (рис. 23). Они более светлокожи, чем негры, но так же широконосы, толстогубы, прогнатны, курчавоволосы. К числу признаков монголоидной расы относятся складка века, эпикантус, сильно развитые скулы, плоские лица и нос, еще более плоские, нежели у сибирских монголоидов. Добавим, что бушменским женщинам свойственна стеатопигия – отложение жира на ягодицах. Что это – наследование признаков общего предка или же результат приспособления к жизни в пустыне Калахари?

В Южной Африке, близ Кейптауна, в пещере Скидергат на глубине 3 м найден череп, сходный с бушменским. У него очень широкий и плоский нос, очень малая высота и сильная уплощенность мезогнатного лица (Рогинский Я.Я., 1974). Этот протобушменоид не имеет сходства с палеоантропами, например, неандертальцами из Брокен-Хилл той же Южной Африки. Очевидно, предки бушменов являются мигрантами (из района Великих озер?).

Еще пример. В Марокко близ селения Джебель Ирхуд (33 км западнее Рабата) был найден череп взрослого палеоантропа экваториального типа, но с признаками монголоидности: очень уплощенным верхним отделом и большой (155 мм) шириной лица по сравнению с шириной черепа (145 мм).



Рис. 23. Бушмен (фотография)

Провинция Кам в Тибете. Часть ранних мигрантов, избравших путь из Околосредиземноморья на восток по побережью Индийского океана, уклонилась на север, вглубь материка. В суровых условиях плоскогорья Тибет в физическом типе переселенцев усилились европеоидные признаки (выступающий нос, высокое переносье) и монголоидные (скуластость, эпикантус, жесткие волосы и пр.). Так возник своеобразный тип населения провинции Кам (верховья рр. Наг-чу, Меконг и Янцзы).

Необходимо привести и другую точку зрения на природу антропологического типа тибетцев провинции Кам. Л.Н. Гумилев (1990, с. 70) считал, что монголоидные предки тибетцев бежали на запад, где встретились с европеоидными дардами и монами, от смешения с которыми приобрели некоторые черты европеоидности. Проверить обе гипотезы пока невозможно, так как не известно, как глубоко в прошлое уходят европеоидные признаки у ти-

бетцев. Нам представляется более предпочтительной первая версия.

В.П. Алексеев (1974, с. 162) предполагал, что монголоидные признаки у тибетцев в прошлом были выражены менее резко. И лишь в ходе своей последующей эволюции приобрели черты, которые позволяют включить их в состав азиатской, а не американской ветви монголоидов.

Центральная Азия. Принято считать, что типичными монголами являются буряты, якуты, некоторые группы монголов. Действительно, визуальные признаки других рас у них отсутствуют. Здесь все гипертрофировано: размеры лица огромные, эпикантус встречается почти у всех индивидуумов, уплощенность лица и носа исключительные, волосы прямые и жесткие. Отсутствие у типичных монголоидов признаков экваториальной расы свидетельствует о том, что формировались они (монголоиды) вдали от океанических побережий. Южных алтайцев обычно также включают в "чистую" монголоидную (центральноазиатскую) расу. Однако и среди них (по нашим наблюдениям – в северо-востоке Тондош) встречаются представители с признаками южной расы: у них явно выражен общий и альвеолярный прогнатизм, особенно верхней челюсти.

Начало формирования центральноазиатских монголоидов относится к раннему голоцену, когда в послеледниковое время возникла пустыня Гоби со своим резко континентальным климатом. Именно в послеледниковые сформировались современные природные зоны северного полушария, в области высокого давления возникли крупные пустыни планеты – Сахара, Гоби и др. Специфические особенности внутриконтинентальных пустынь (пыльные бури, обилие яркого света летом, обжигающие морозы зимой) заставило население выработать приспособительные морфофизические особенности (эпикантус, узкий разрез глаз, плосколицесть, лицевая стеатопигия и пр.). Процесс адаптации заключался в появлении полезных мутаций, которые закреплялись в потомстве. Индивидуумы, лишенные этих приспособительных признаков, постепенно исчезали из популяции. Гены, отвечающие за монголоидность, в условиях изоляции стали доминирующими.

Голоценовый возраст "типичных" монголоидов подтверждается памятником Чжалайнор (Внутренняя Монголия). Создатели этого памятника имели очень плоское лицо, абсолютно широкое

и высокое, носовые кости выступали слабо, клыковые ямки выражены не резко, предносовые же развиты сильно. Позднее такое население широко распространилось как в Центральной Азии, так и в Сибири (Крюков М.В. с соавт., 1978, с. 52). По мнению этих авторов чжалайнорцы говорили на каком-то палеоазиатском языке.

Исходная популяция, которая в Центральной Азии претерпела столь глубокую трансформацию, не известна. Череп из Верхней пещеры близ Пекина (возраст 18 тыс. лет; Ларичев В.Е., 1978), несомненно, принадлежавшие человеку разумному, обладают так же ярко выраженными монголоидными особенностями (рис. 24). Мужской череп (№ 101) отличается значительной массивностью черепной коробки, крупными абсолютными размерами. Череп резко долихокранный с огромным продольным диаметром и умеренной шириной. Лоб сильно наклонный, надбровье мощное, глазницы прямоугольной формы, абсолютно и относительно низкие. Лицо исключительно высокое и в то же время широкое. Но череп отчетливо прогнатный – явный признак экваториальной расы. Ф. Вайденрайх отметил сходство мужского черепа с черепами верхнего палеолита Западной Европы, с которыми его сближало сравнительно высокое переносье и сильно развитые надбровные дуги и, добавим, низкие прямоугольные орбиты. Однако сильное развитие надбровных дуг свойственно всем древним формам человека. Угадываются признаки экваториальной (австралоидной) расы. Ф. Вайденрайх не сомневался и в монголоидности жителей пещеры: у них были выступающие вперед и в стороны скулы, очень узкие носовые косточки, сильно развитые предносовые ямки.



Рис. 24. Монголоид из пещеры Чжоукоудянь (реконструкция)

Если считать человека из пещеры Чжоукоудянь предком типичных монголоидов, то исходный тип в расовом отношении был протоморфным, когда в одном индивидууме сосуществовали признаки других (современных) рас. В этом отношении "типичные" монголоиды ничем не отличаются от других популяций, имеющих монголоидные признаки. Отличает их лишь интенсивность трансформаций в сторону монголизации, в ходе которой были стерты признаки двух других рас – европеоидной и австралоидной (экваториальной).

Но типичные монголоиды были не единственным в расовом отношении типом населения Гоби. В западной части пустыни люди имели иной антропологический тип. Палеоантропологические материалы провинции Ганьсу (западнее большой излучины Хуанхэ) свидетельствуют о том, что здесь обитали люди монголоидного облика, но с узкими носами. Это были носители неолитической культуры мацзяо (Крюков М.В., 1978, с. 122). Для них было характерны уплощенность лицевого скелета, слабое выступание носовых костей, значительная высота мезодолихокранного черепа. Лицо мезогнатное, имеет большую высоту (71-73 мм) при сравнительно малой ширине (131-132 мм). По большинству краниологических признаков неолитическое население по р. Хуанхэ сходно с современным северокитайским и, несомненно, было предковым для него. Тибетцы провинции Кам и южные китайцы не могут претендовать на такое родство. Северные китайцы входят в группу восточноазиатских (тихоокеанских) монголоидов.

Монголоиды Восточной Азии. Восточное (тихоокеанское) побережье Азии заселено группами, которые включаются в большую монголоидную расу, но отличаются рядом признаков. Эти различия и легли в основу выделения малых монголоидных рас.

Представители южной малой расы (южные китайцы и малые народы Южного Китая) довольно темно пигментированы, но имеют слабо уплощенное лицо, нередко волнистые волосы, относительно широкий нос, заметно прогнатное лицо. Следовательно, наряду с явными признаками монголоидной расы, южные китайцы имеют черты и южной (толстые губы, прогнатность, волнистые волосы).

Дальневосточная раса включает северных китайцев, корейцев. И те, и другие обладают явными монголоидными чер-

тами (скуластость, жесткие волосы, эпикантус и пр.). У корейцев более четко, чем у северных китайцев, проявляются черты южной расы – губы у них толще, ширина носа больше, третичный волосяной покров развит лучше. По этим параметрам корейцы сближаются с южными китайцами.

Современное население Японии обладает смешанным антропологическим типом. По некоторым признакам японцы сближаются с айнами, которые имеют веддо-полинезийский облик, южными монголоидами (относительно широкий нос, толстые губы, малый рост).

Арктическая раса включает эскимосов, чукчей, коряков. Население Северо-Востока имеет элементы, связанные с древним населением Восточной и Юго-Восточной Азии. У чукчей сохранились явные признаки южной расы – большая ширина носа, толстые губы, чаще встречается вогнутая спинка носа.

В эту же восточноазиатскую группу монголоидов можно включить и нивхов. Наряду с явно монголоидными признаками (сильное развитие эпикантуса, плоское лицо, низкое переносье) у них несомненны и южные: сильное развитие бороды, заметный прогнатизм. Однако не исключено, что южные черты являются поздними и генетически связаны с влиянием курильской расы. Нам представляется более вероятной первая версия.

Все расовые группы тихоокеанского побережья Азии имеют смешанные монголо-австралоидные черты, что их и объединяет. Их генетическое единство подтверждается и ареальной непрерывностью. Всю приморскую полосу Восточной Азии можно рассматривать как область формирования особой группы монголоидов. Исходным "материалом" послужило изначально австралоидное население южного (аустрического) миграционного потока. Об этом имеется вполне определенное высказывание: "Характерные черты арктической группы антропологических типов, представленной у эскимосов, чукчей, эвенов, частично, коряков и ительменов, были в наименьшей степени, чем сейчас выражены уже на рубеже новой эры, а само их формирование, по-видимому, относится к гораздо более далекому прошлому. Особенности эти объединяют арктических монголоидов вместе с восточными и южными в одну ветвь монголоидной расы и, стало быть, уводят этнические истоки всех народов – представителей арктической антропологической группы – на юг" (История и культ. ительменов, 1990, с. 21).

Нет оснований считать этих монголоидов метисами – (смешение "чистых" монголоидов с австралоидами): до сих пор на побережье не найдены останки древних "чистых" монголоидов. Известны только "чистые" австралоиды, пришедшие по берегу Индийского океана, у которых где-то в Восточной Азии возникли монголоидные признаки. Произошло это примерно 20 тыс. лет назад, но еще в неолите Юго-Восточный Китай был заселен людьми полинезийско-меланезийского типа.

Американоиды. Некоторыми палеоантропологами (Я.Я. Рогинский, В.П. Алексеев) американские палеоиндейцы воспринимаются как родоначальники монголоидной расы. По их мнению, в Америке сохранилось население с протоморфными признаками, которые (признаки) принесены из Азии. Предполагается, что изначально население Восточной Азии не обладало столь резко выраженной монголоидностью. Люди не имели столь плоские лица, как ныне, и были весьма носатыми. Этот антропологический тип ранних монголоидов Азии был унесен в Америку, где сохранился у нынешних индейцев. Было предложено называть его амеро-азиатским или американоидным.

С современными азиатскими монголоидами американоидов роднит желтовато-бурый цвет лица, прямые и очень жесткие волосы, слабый третичный волосяной покров, заметно выступающие скулы, высокие орбиты, очень часто встречающиеся лопатообразные резцы верхней челюсти, эпикантус у детей. С европеоидами их сближают высокое переносье, сильно выступающий нос и отсутствие эпикантуса у взрослых. Большими размерами коренных зубов, большой шириной рта, значительной шириной носа (до 42 мм), наличием небольшого прогнатизма, удлинённостью предплечья индейцы напоминают некоторые варианты австралоидной расы (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 466). Следовательно, американоиды сохранили в своем облике в полном комплекте, но в разном соотношении признаки всех трех основных человеческих рас. Это признаки древнего человека, еще слабо дифференцированного в расовом отношении.

Все попытки найти "родственников" индейцев в Азии среди современного населения Сибири, в частности кетов, не увенчались успехом и как будто оставлены из-за бесперспективности. Считаю безусловно правильной точку зрения о приходе населения Америки из Азии, тем не менее мы не можем найти в Сибири предков индейцев не только среди современного населения, но и

древнего. Ю.Г. Рычков и Е.В. Ящук (1986) дают следующее объяснение этому феномену. Перебравшись в Северную Америку, предки индейцев надолго, практически до времен Колумба, оставались в изоляции. Иное дело Сибирь, которая по крайней мере с энеолита была доступна для всех народов – восточных и западных. Поэтому здесь длительной, с верхнего палеолита, преемственности в развитии населения не было и можно сомневаться в большой древности народов Сибири, особенно Восточной.

В.П. Алексеев (1989, с. 428) высказался в пользу участия древних европеоидов в формировании морфологических особенностей американоидов. Основанием для такого заключения послужили палеоантропологические материалы из Тувы и Западной Монголии, где в эпохи энеолита, бронзы и раннего железа (5-2 тыс. лет назад) действительно жили европеоиды. Включение европеоидного компонента в американоидный В.П. Алексеев представлял в следующем виде: "Восточноазиатские и дальневосточные популяции эпохи верхнего палеолита, впитавшие в себя значительную европеоидную примесь, двигаясь вдоль Тихоокеанского побережья с юга на север, вступили на Берингийский сухопутный мост и, по-видимому, вдоль его южной кромки около 20000 лет назад начали проникать в Америку" (с. 432).

Это нам представляется невероятным. Европеоиды Тувы и Западной Монголии являются очень поздними насельниками, и в центре Азии их не было даже в неолите. Человек с Алтая (памятник Тыткескень) еще в IV тыс. до н. э. имел уральский тип.

Американоиды пришли в Новый Свет в "гостовом" виде. Об этом свидетельствует большое сходство в строении черепа современных и древних индейцев. Создается впечатление, что индейцы как с неба свалились в Америку. В иных местах нет их корней. Если исходить из нашей версии, то изначальным "материалом" для них были австралоиды. Но не ясно, где у них сформировались европеоидные и монголоидные признаки. От Индокитая до Чукотки нет палеоантропологических материалов, подтверждающих версию о формировании американоидов (американоидов) в Восточной Азии. Их нет или не нашли? Не претендуя на доказательность, предлагаю следующую версию решения этого вопроса.

При миграции по азиатскому побережью Тихого океана протавстралоиды придерживались береговой линии. Это был не только ориентир, но главное - место проживания, более комфорт-

ное. чем горы и место добычи морепродуктов - основного питания. Наиболее вероятное время прохождения протоавстралоидов по берегу Тихого океана – 20000 лет назад. Это было время максимума сартанского оледенения, это было время максимального понижения уровня Мирового океана – по разным расчетам от 80 до 160 м. Естественно, к древней береговой линии были приурочены поселения мигрантов. Ныне эти поселения находятся на значительной глубине и довольно далеко от современной береговой линии. Надеяться на то, что древние строили свои жилища вдали от берега, не приходится. Но обнаружение таких поселений в долинах крупных рек теоретически возможно.

Причины наложения иных расовых признаков (европеоидных и монголоидных) на изначально австралоидные недостаточно ясны. Они явно адаптационные по происхождению. Все они выработаны в ходе приспособления к суровому климату океанического побережья высоких широт. А если сделать поправку на условия максимума сартанского оледенения, то можно говорить об очень суровом климате. И европеоидные, и монголоидные морфологические особенности адаптационно одинаковы: это реакция на суровый климат с морозными зимами, обильным снежным покровом, частую ветреную погоду. Полезные мутации любого направления – монголоидного или европеоидного – могли закрепиться в ходе естественного отбора. По-видимому, здесь "сработали" две группы рецессивных генов и почему-то между рецессивными генами, "ответственными" за монголоидность и европеоидность, не было жесткой конкуренции.

Где же происходило формирование американоидов (американоидов)? На Камчатке и/или на подступах к ней. Нам представляется, что, что путь с Камчатки в Америку (на полуостров Аляска) через Алеутские острова лучше обеспечивал жизненные потребности человека, чем северный, через Берингов пролив. Передовой отряд имел еще преобладающие австралоидные черты (их потомки сохранились в лесах Амазонии). С течением времени у более поздних мигрантов эти черты стирались, стали доминировать монголоидные и европеоидные. И если сравнить выразительность особенностей этих двух ведущих рас, то подавляющая часть коренного населения Америки ближе к европеоидам, чем к монголоидам (Алексеев В.П., 1989, с. 426).

Расовая эволюция народов Африки. Если считать, что Восточная Африка входила в раннюю ойкумену человека разумного,

то неоднородность расового состава этого материка явно указывает на большую сложность эволюции человека и на его родине.

В современной Африке в среде населения выделяются следующие малые расы (Рогинский Я.Я., 1974):

индосредиземноморская (население Южного Средиземноморья),

негрская (Судан, центральная и южная части материка),

негрильская (тропические леса в бассейне Конго),

эфиопская (Абиссиния, Сомали),

бушменская (Юго-Западная Африка).

Первая раса четко разделяется на две подгруппы. Более древней и автохтонной является берберская. Представители ее отличаются более широким лицом, короткими носами, спинка которых не очень выпуклая. Среди берберов отмечается нередко светлоглазость (особенно рифы в горах Атласа). Еще более широкое лицо имеет одна из групп гаунчей – древних жителей Канарских островов. Наряду с большой шириной лица гуанчи имеют низкие орбиты глаз, более сильный надглазничный рельеф. В этом отношении они близко стоят к мезолитическому населению Северной Африки, которое имело палеоевропейский (кроманьонский) тип.

Вторая подгруппа объединяет арабское население и узколиких типов на Канарах. Возможно, что арабское население является пришлым. В таком случае родиной их следует считать Аравийский полуостров или Переднюю Азию в широком понимании. Здесь с давних времен были известны узко- и высоколицые типы. В Западной Африке, от оз. Чад до Атлантики, обитает многочисленный народ фульбе, который говорит на языке, близком к языку сереров – типичнейших негроидов. Но сами фульбе – европеоиды: у них нет прогнатных признаков, а губы тонкие, лицо узкое, нос прямой или слегка изогнутый, волосы длинные волнистые (Козлов С.К., 1982). Чем-то фульби напоминают представителей эфиопской расы. Не ясно, является ли этот европеоидный народ реликтовым островком населения из далекого прошлого, когда шла дифференциация разумного человека на европеоидов и негроидов, или же европеоидные предки фульбе мигрировали в Центральную Африку, где переняли язык аборигенов. О возможности миграции физических европеоидов в Африку писал А.Ю. Милитарев (1985). По его мнению, носители кушитских языков, ныне обитатели Абиссинии и Сомали, ранее жили в Передней

Азии (Аравийский полуостров?). И.М. Дьяконов высказал иную точку зрения. По его мнению, языки кушитские и их носители – европеоиды с негроидными признаками – являются исконными жителями Восточной Африки, по крайней мере, с мезолита.

Негрская группа является типовой для экваториальной (негроидной) расы. У негров мелкокурчавые волосы, очень слабый рост третичного волосяного покрова (как у типичных монголоидов), темная пигментация волос, кожи и глаз, широкий нос, толстые вывернутые губы, широкая глазная щель, небольшая ушная раковина. Голова у негров удлинённая, довольно высокая и неширокая. По сравнению с европейцами негры более длиннорукие и длинноногие. У них более узкий таз по отношению к длине тела, а ширина плеч больше по отношению к ширине таза. Такой расовый тип сформировался довольно поздно – в мезолите, возможно, в неолите. Исходный расовый тип – протоавстралоидный (евро-африканский). Типичные негроидные признаки появились после ухода части населения из Южного Околосредиземноморья в тропики и являются результатом реакции человеческого организма на изменившиеся природные условия. В основном они направлены на борьбу с перегревом тела. В итоге те австралоидные признаки, которыми обладал предок, у негроидов Африки еще более усилились. Темный цвет (как следствие высокого содержания меланина) предохраняет кожу от ожога. Курчавые волосы создают вокруг головы особую воздухоносную прослойку. Узкая, высокая и длинная голова, типичная для негров, нагревается медленнее, чем широкая, низкая и короткая (Алексеева Т.И., 1977). Широкий нос с крупными ноздрями, толстые губы с обширной поверхностью слизистой оболочки усиливают теплоотдачу так же, как и большое количество потовых желез на единицу поверхности тела, что характерно для всех негроидов.

Негрилльская малая раса, или раса пигмеев, сходна с негрской. У пигмеев очень курчавые волосы, темная пигментация волос и глаз. Но в отличие от негров у них тонкие губы, значительная волосатость лица и тела и своеобразный нос, у которого большая ширина сочетается с заметным выступанием из плоскости лица и выпуклой спинкой (Рогинский Я.Я., 1974). Рост пигмеев (негриллей) невелик: мужчины 144-146 см, женщины 136-138 см. Происхождение пигмеев не выяснено. Ясно только, что это не локальные "остатки" былого карликового населения планеты. Ныне более обоснованной является точка зрения о том,

что малорослость и грацильность являются вторичными признаками какой-то группы негров, попавшей в особые условия влажных тропических лесов (см. подробнее: Алексеев В.П., 1974, с. 246 и сл.). Малый рост пигмеев мог быть связан с единообразием пищи только животного происхождения. Возможно, периодические неудачи в охоте могли вызвать замедление развития в детстве. Не исключено, что в условиях влажного тропического климата человек недостаточно получает некоторые микроэлементы, в частности кальций. В качестве еще одной причины рассматривается селективность отбора: малогабаритные формы при высокой влажности являются более "рациональными". Нами приведен этот разнобой во мнениях по происхождению только одного параметра негриллей — их роста. Перечень возможных причин очень велик и разнообразен.

Эфиопская раса занимает промежуточное положение между негроидной и европеоидной, приближаясь по разным показателям то к одной, то к другой. С европеоидной расой эфиопская сближается по форме носа — высокое переносье, среднее выступание на плоскости лица, небольшая ширина в крыльях, прямая форма спинки. Губы имеют среднюю или значительную ширину. Форма головы удлинённая, лицо очень узкое. Версия о метисном происхождении представителей эфиопской расы как будто ныне не имеет сторонников. В долине Нила и районе Великих озёр найдены довольно многочисленные краниологические материалы. Вокруг оз. Танганьика найдены скелеты неолитического, возможно, мезолитического возраста, очень близкие, если не тождественные эфиопским (Алексеев В.П., 1974, с. 256). Древние люди были высокого роста, с прогнатым узким и высоким лицом и узким носом. Мозговая коробка черепа — удлинённая, со слабо выраженным рельефом.

Южнее Танганьики такого рода черепа в древних слоях не были обнаружены. Следовательно, в Южной Африке представители расы не обитали, но в Передней Азии высоколицые европеоиды жили очень долгое время. В частности, такие признаки были у расового типа Серджи. Эти евро-африканские долихоцефалы с узким высоким лицом в Междуречье (Месопотамия) фиксируются в IV-II тыс. до н. э. (Трофимова Т.А., 1962).

Бушменская (южноафриканская, койсанская) раса близка к негрской. У бушменов курчавые волосы на голове, слаб третичный волосяной покров. Но в отличие от негров бушмены имеют

более уплощенное лицо и переносье при меньшей ширине носа и менее толстые губы. Кожа их более светлая, желтовато-бурая. Лицо низкое, иногда встречается эпикантус.

Обзор расовых типов Африки в общих чертах отражает древнюю историю народов, ныне ее населяющих. Северная Африка и ранее была обителью европеоидов кроманьонского типа. Бушменская раса, по-видимому, является самой древней на планете: корни ее уходят в ранние этапы верхнего палеолита. Эфиопская раса является аборигенной и, очевидно, лишь немного уступает бушменской в возрасте. Пигмеи и собственно негры являются самыми молодыми группами африканского населения: они сформировались в мезолите, возможно, в неолите.

Завершая тему, уместно привести фразу Э. Майра (1968, с. 512): "Всякие разговоры о чистых расах и поиски таких рас – абсолютный вздор". Мы не стали бы так категорически утверждать это, хотя в словах исследователя много реального. Если исходить из сложившихся представлений о различительных параметрах (показателях) трех больших рас, то можно найти и чистые типажи. Для европеоидной расы – это некоторые северные народы (норвежцы, исландцы), для монголоидной – северные китайцы, буряты, некоторые группы монголов, для австралоидной (южной, негроидной, экваториальной) – суданские негры и некоторые другие. В этих конкретных группах, похоже, признаки иных рас не обнаружены. Но это крайние точки расового расхождения. Основная же масса людей планеты занимает какие-то переходные зоны (в пространственном отношении) или же образуют переходные расовые типы, имея те или иные в различной степени выраженные признаки нескольких рас – двух и даже трех. Вот при такой постановке вопроса можно согласиться с высказыванием Э. Майра: чистый расовый тип – это аномалия в расовом покрове планеты.

Выше уже многократно приводились примеры европеоидов с признаками негроидности (южные европейцы). Иггораты Филиппин, качинцы Индокитая, туземцы острова Пасхи – эти явные австралоидные типы имеют более высокое, чем у европейцев, переносье. Но Европа так далека от этих мест! Сложнее дело обстоит с определением расовой принадлежности полинезийцев, чему причиной является своеобразие их расовых признаков. Их выделяли в качестве самостоятельного расового ствола, относили к монголоидам, австралоидам и даже европеоидам. Однако

своеобразное сочетание расоопределяющих признаков не позволило отнести их безоговорочно ни к одной большой расе. От европеоидов, даже южных, их отличают более темная пигментация, слабое развитие волосяного покрова, от негроидов, наоборот, - более светлая пигментация, более сильное выступание носа, крупные размеры лица, от монголоидов - сравнительно сильное по монголоидному масштабу выступание носа, от американоидов - волнистоволосость. В.П. Алексеев (1974, с. 275-276) считал наиболее вероятным появление папуасского типа в результате смешения австралоидов в их каком-то протоморфном варианте с монголоидами, которые могли тоже относиться к протоморфному варианту, близкому к тихоокеанским формам. Но... Но время формирования полинезийского типа отстоит от наших дней на 2500-3000 лет. И предполагать, что до столь недавнего времени где-то сохранились протоморфные типы монголоидов и австралоидов просто невозможно. К этому времени (1 тыс. до н. э.) все расовые типы определились. Можно только предполагать, что папуасы—это тоже определившийся неординарный тип, в котором законсервировались полиморфные черты изначальных пришельцев.

Приведем обширную выдержку из работы авторитетного антрополога - М.Ф. Нестурха (1970, с. 385): "Расовые группы характеризуются сильной индивидуальной изменчивостью, и границы между различными расами обычно оказываются выраженными не резко. Так, одни расы незаметными переходами связываются с другими расами. В ряде случаев очень трудно установить расовый состав той или иной страны или группы населения, популяции". Этот вывод перекликается с высказыванием Э. Майра.

Несомненно, ход расовой эволюции был более сложным и более многообразным по способам воздействия на человеческий организм на уровне морфофизиологическом и психическом, с одной стороны, и природно-климатическом - с другой. Выше отмечены лишь вехи этого процесса, каковым он нам представляется. Это всего лишь версия, которая базируется на известном фактическом материале, но рассмотренном в ином ракурсе.

Основные выводы заключаются в следующем.

"Нормальным" (исходным) расовым типом следует считать австралоидный (южный, экваториальный, негроидный в расширенном понимании), возникший в Околосредиземноморье и бас-

сейне Нила. Появление вторичных морфологических черт, которые мы связываем с понятиями "европеоидные" и "монголоидные", - это явление аномальное и вызвано адаптацией к иным природным условиям новых мест обитания и усилением позиции рецессивных генов в условиях изоляции или на окраине ойкумены ("дрейф генов" или генетико-автоматический процесс).

Взаимоотношение основных ветвей древа человечества показано на рис. 25.

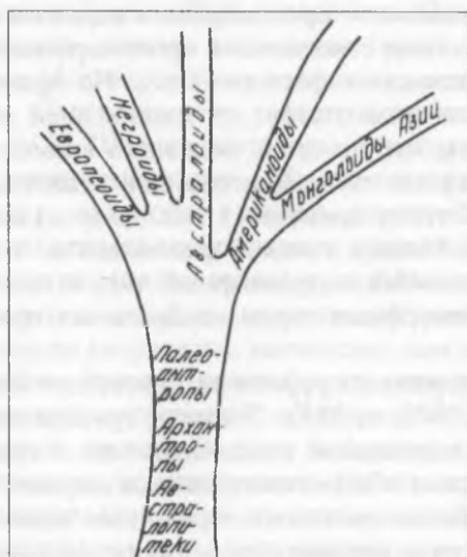


Рис. 25. Древо человечества

территориями. Возникли расовые ареалы. Однако монголоидная раса так и не сумела сформировать свой "типаж". Носители монголоидных признаков визуально очень значительно различались между собой. Дисперсность очагов формирования монголоидных признаков привела к большому многообразию типов монголоидов.

Расовые изменения человека резко ослабли или прекратились примерно 5 тыс. лет назад. Если бы наш предок до этого времени "отселся" в своей родной субтропической зоне, вряд ли планета имела бы сейчас столь неоднородное в расовом отно-

Расогенез эпохи верхнего палеолита был только в начальной своей стадии. Как писал В.В. Бунак (1956, с. 88), "позднепалеолитические типы правильнее определить как смесь разновидностей одного полиморфного подвида, еще не распавшегося на расы". Признаки европеоидных и монголоидных рас проявлялись слабо, преобладали черты южного (экваториального типа). Лишь в мезолите стал постепенно изживаться этот полиморфизм. Конкретные расовые типы стали закрепляться за определенными

шении население. Мы все были бы темнокожими, волнистоволосыми, с широким носом, толстыми губами и белыми ладошками. Но судьба распорядилась иначе, и теперь у ученых имеется повод для выяснения причин такой расовой пестроты, а у политиков и государственных мужей – подогревать или гасить расовые конфликты.

Пять тысяч лет назад расовая эволюция сменилась метисацией. Охота к перемене мест заставила людей совершать далекие миграции, внедряться в иные в расовом отношении людские коллективы. А там... Наши предки были лишены расовых предрассудков (а может другого выхода не было?), вступали в беспорядочные браки, порождая не только детей со смешанными расовыми признаками, но и ожесточенные научные споры, результатом которых не всегда бывает истина.

Почему-то в этих спорах не всплывает вопрос о расовом атавизме, когда инорасовые гены через тысячелетия вдруг заявляли о себе. Не связано ли с проснувшимися южными генами появление единичных представителей южного расового ствола среди древнего европеоидного и слабо монголоидного населения в бассейне Енисея? Неолитический череп из-под Красноярска имел полный набор негроидных признаков: малая высота черепа, уплощенность и резкая прогнатность лица, широкая форма грушевидного отверстия при слабом выступании носовых костей. Сходные признаки имеет череп из неолитического погребения у Батеней. В ящичном погребении карасукской культуры (эпоха поздней бронзы) в черте г. Абакан был обнаружен скелет негроидного облика. Среди множества черепов эпохи раннего железа были обнаружены три черепа с негроидными признаками (Дрёмов В.А., 1988)

Вопрос этот, насколько нам известно, в литературе не рассматривался. Может быть, в связи с непривычностью его постановки?

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ ЯЗЫКА

Еще в античное время человеческие умы занимала проблема происхождения слов и речи. И до наших дней эта проблема не сходит со страниц научной печати. Множество гипотез и теорий рождено и похоронено, ожесточенные споры и критика не утихают и по сей день, но до выработки единого мнения по этим вопросам еще далеко. Автор не собирается давать исторический обзор эволюции взглядов в научном мире и тем более предлагать читателю свою версию решения этой проблемы. В нашу задачу входит краткое изложение основных взглядов, устоявшихся или спорных, которые известны узким специалистам, но для большинства читателей еще не изложены в достаточно популярной форме.

Биологические основы механизма речи

Почти все животные организмы способны издавать звуки: львы и суслики, горбатые киты и синички и даже рыбы, которые по ошибке попали в поговорку "нем, как рыба". Не лишен был этой способности и человек, даже в самую раннюю стадию своего развития

В речеобразовании участвуют три основных органа:

органы речи, которые обеспечивают артикуляцию. Это язык, губы, голосовые связки, нёбная занавеска с язычком (увулой);

резонаторы (гортань, глотка, нос);

органы дыхания, в особенности легкие и диафрагма.

Для образования разных звуков требуется разное давление воздуха, подаваемое в полость рта. Для взрывных звуков (*п, б, т, д, к, г, м, н*) давление требуется больше, для щелевых (*в, з, с, ж, ш*) меньше. Любопытно, что громкие звуки *а, у, л* произносятся с минимумом подаваемого воздуха по сравнению с неслышными *к, т, и*. Поэтому для выработки дальней голосовой связи активно вырабатывались определенные звукосочетания. Так, для переключки в лесу используется классическое *ау*, но не, допустим, *кики*. Регулируется давление воздуха глоткой, которая через дыхательные центры головного мозга передает сигналы бронхам и диафрагме.

Строение черепа наших очень далеких предков просто физически ограничивало их в воспроизводстве столь разнообразных звуков, на что способен современный человек (рис. 26). Даже непосредственный предшественник человека разумного был ограничен в этом. У неандертальца звуки речи образовывались в самой гортани и в задней части полости рта.



Рис. 26. Речевой аппарат шимпанзе и человека
(Филлип Либерман: из: Росс Ф.Е., 1991)

Он не мог произносить целый ряд звуков, в образовании которых требовалась артикуляция (соответствующее движение) губ и зубов. Для такой ртовой артикуляции необходимо, чтобы полость рта с гортанью образовывала единую "емкость". Однако голова неандертальца была выдвинута вперед и гортань с полостью рта соединялась узким проходом. Неандерталец легко мог произносить "в нос", так как нёбная занавеска отстояла у него дальше от задней стенки гортани, чем у современного человека

(Леонтьев А.А., 1963). Классические (типичные) неандертальцы не различали звуки *д*, *н*, *б*, *м*. Из гласных были только *а* и *о*, зачаточно произносились *и*, *у*, более чисто *э*. Из согласных довольно легко давались губные и зубные звуки: *д*, *б*, *с*, *з*, *в*, *ф* и некоторые другие. Звуки *к* и *г* они не могли произносить (Донских О.А., 1983).

Важную роль в развитии речи сыграла эволюция нижней челюсти и зубного аппарата. В результате преобразования из вытянутой в подковообразную челюсть получила возможность двигаться в новых направлениях в связи с уменьшением размера клыков. Увеличился объем ротовой полости, в которой движется язык.

Для развития членораздельной речи необходима была согласованность работы речевого аппарата и определенных участков коры головного мозга, а именно лобного отдела больших полушарий, наряду с височным и теменным (Нестурх М.Ф., 1970, с. 351).

Членораздельная речь не заложена в человеке от рождения. Об этом свидетельствуют примеры реальных маугли. Для развития речи необходимо было коллективное участие в этом процессе. Наибольшее значение имели те связи и взаимоотношения группового характера, которые формировались в ходе трудовых процессов: "...различные звуки, а также связанные с ними мимика и жесты становились для них жизненно важными, показывая в общепонятной форме необходимость тех, а не иных поступков, полезных актов, так или иначе согласованных между членами первобытного стада. Особое значение звуки голоса имели в условиях темноты..." (Нестурх М.Ф., 1970, с. 352).

И еще один аспект, не прямой, а опосредствованный, биологической обусловленности развития речи можно привести из истории неандертальца.

Известно (см. выше), что прямым предком человека разумного был неандерталец. Но не поздний типичный (Ла-Шапелль), а более ранний (атипичные неандертальцы Палестины). Рука типичного неандертальца не была приспособлена к выполнению тонких трудовых операций, так как большой палец не был противопоставлен другим. На примере неандертальца из пещеры Киик-коба "козья пещера" в Крыму Г.А. Бонч-Осмоловский так описывает руку типичных неандертальцев: "Она была относительно крупной, мощной, грубой и неуклюжей, с широкими как

бы обрубленными пальцами, заканчивающимися чудовищными ногтями. Толстая в основании, она клинообразно утончалась к относительно плоским концам пальцев. Мощная макулатура давала ей колоссальную силу захвата и удара. захват уже был, но он осуществлялся не так как у нас. При ограниченной противопоставляемости большого пальца (отсутствовал седловидный сустав – А.М.), при необычной массивности остальных нельзя брать и держать пальцами. Киик-кобинец не брал, а "сгребал" предмет всей кистью и держал его в кулаке. В этом зажиме была мощь клещей" (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 269).

Рука атипичного (палестинского) неандертальца была приспособлена к трудовым операциям: большой палец был противопоставлен другим вследствие развития седловидного сустава. Этот неандерталец мог производить большое количество разнообразных инструментов. В свою очередь, это вызывало потребность в создании новых "терминов" для обозначения предметов, трудовых операций и взаимоотношений между членами стаи. Кроме того, новые трудовые процессы вызвали развитие головного мозга. В отличие от типичных неандертальцев, атипичные имели небольшой по объему головной мозг. Но мозг обладал более прогрессивным развитием отдельных областей, имел более сложное расположение борозд и извилин на поверхности. Череп этих неандертальцев отличался высоким сводом, меньшим наклоном лба, большей округленностью затылка (Леонтьев А.А., 1963, с. 75). Эти признаки позволяют предполагать, что неандерталец уже был способен производить осмысленные (не рефлекторные) выкрики, которые, однако, были слабо выразительны, так как язык древнего человека содержал 10-15 звуков (для сравнения укажем, что у шимпанзе восемь, у ревуна и гамадрилы по девять).

Совершенствовался и слуховой аппарат человека. По сравнению с некоторыми животными (летучие мыши, дельфины) у человека он был не столь утонченным в отношении различения высоты тона и тембра звуков человеческой речи. Но слуховой анализатор человека был устроен несомненно сложнее, и человек мог лучше понимать внутренний смысл звуков, особенно их сочетаний, различать большее число и значение звуков, чем это могло делать любое животное. И это связано не с усовершенствованием самого слухового аппарата, а с качественно более высоким развитием специального отдела коры головного мозга.

Примерно 250 - 150 тыс. лет назад началось раздвоение речевой эволюции неандертальца. Классический (типичный) неандерталец был лучше приспособлен к выживанию. Он лучше пережевывал пищу и усваивал на 10 % больше питательных веществ. Но выиграл и выжил его соперник по эволюции – атипичный неандерталец. Эта ветвь обладала рядом биологически более совершенных черт (строение кисти, лучшее развитие лобных отделов головного мозга, иное строение черепа, в частности нижней челюсти и верхнего нёба). Это позволило атипичному неандертальцу усовершенствовать звуковой язык. Он мог говорить относительно быстро и оперировать более сложными звукосочетаниями, расширить тему для разговора. Возможность создавать в большом количестве и более сложные каменные орудия компенсировала те 10 % питательных веществ, которые он не получал: он был более удачлив в охоте. Ранний (атипичный) неандерталец, как показали исследования черепа из пещеры Схул (Палестина), уже мог свободно произносить все звуки современных языков (Донских О.А., 1988, с. 173). Следовательно, в это время (50 - 40 тыс. лет назад), была уже подготовлена база для развития речи человека разумного.

В.В. Бунак (1951) предложил схему развития речи на основе сравнительного изучения периферических органов речи, нижней челюсти, и слепков мозговой полости обезьян, ископаемого и современного человека:

высшие обезьяны – доречевая стадия (звуковые сигналы);
переходные формы (неизвестны) – предречевая стадия (разнообразные и более связанные с актами повседневного шума);

архантропы (питекантропы) – выкрики, призывы (слабо дифференцированная артикуляция);

переходные формы (мало известны) – многозначимые, не связанные слова-предложения;

палеоантропы (неандертальцы) – более многозначимые слова-предложения (начало освоения переднеязычных артикуляций и развитие среднеязычных);

неоантропы (кроманьонцы и другие представители человека разумного) – связанные речения (уточнение артикуляций выработанных звуков и дифференциация их по звонкости и способу произношения).

Общественные стимулы развития речи

Давние предки человека разумного всегда жили стаями и для общения друг с другом пользовались звуками. Но звуки издавались инстинктивно и вызывались чисто эмоциональными причинами. Были какие-то звуки-сигналы, предупреждающие об опасности, были звуки-призывы или устрашающие крики самцов-конкурентов в брачный период, крики ярости, радости и пр. Потерявшийся малыш в поисках мамы издавал какие-то звуки. Найдя маму, малыш издавал звуки радости. Удобности в изучении такого языка не было. Но усложняется образ жизни, осваиваются новые хозяйственные навыки и процессы, расширяются новые территории обитания. Накопленный жизненный опыт нуждается в создании новых соответствующих слов-сигналов. Переход к коллективной охоте требует скоординированных действий, появляется вожак, который "командует" членами стаи, используя как жесты, так и звуковые командные знаки. Очевидно, в это время возникли звуковые сигналы, которые мы позже обозначим как глаголы повелительного наклонения ("ударяй", "окружай" и др.). Чтобы исполнить "приказ" лидера, его речь должна быть узнаваемой. "Слова" перестали быть инстинктивными. Появляется преемственность, языку надо было учиться.

Навыки труда продолжают совершенствоваться. Потребность в общении друг с другом в ходе трудовой или иной деятельности возрастает. Человек вырабатывает ряд речевых особенностей: способность подражать голосам сородичей, способность комбинировать в уме различные образы, воссоздавать ситуации прошлого или будущего (Донских О.А., 1988, с. 178). Возникают слова-знаки, формируются несложные слова-предложения. Произошло это в начальную эпоху верхнего палеолита.

Эдинбургский профессор Джеймс Барнет Монбоддо считает, что язык мог развиваться при обязательном присутствии следующих условий:

- достаточно развитые общественные отношения;
- сформировавшиеся органы произношения;
- длительный опыт общественной жизни;
- возникновение комплекса устоявшихся идей;
- высокая развитость ума, сообразительность.

Словотворчество

Современный человек в своей речи сохранил некоторые звуко сочетания ("слова"), произносимые далекими нашими предками миллионы лет назад. Это первый крик младенца, это инстинктивные (безусловнорефлекторные) возгласы типа *ай* при испуге, *ой* при чувстве боли, *эй* – в качестве звательного возгласа-междометия. В глубокую древность уходят детские (лепетные) слова типа *мама*, *баба* (слово *ляля* навязано детям взрослыми). Но необходимо сказать, что лепетные слова у разных народов имеют различные значения:

- русск. <i>мама</i> "мать",	<i>деда</i> "дед",
- груз. <i>мама</i> "отец",	<i>дэда</i> "мать",
- англ. <i>мам</i> "мать",	<i>дэдди</i> "отец"
- цыган. <i>мама</i> "мать",	<i>дадо</i> "отец".

Но это уже "перевод" взрослых.

Другую группу составляют звукоподражательные слова. Это обычные детские слова "гав-гав", "му-у-у", "хрюшка" (от "хрю-хрю"). Удивительно сходство названий кукушки у разных народов:

русск. <i>кукушка</i>	тур. <i>гугук</i>
чеш. <i>кукачка</i>	алт. <i>куук</i>
болг. <i>кукувица</i>	ног. <i>коькек</i>
нем. <i>кукук</i>	перс. <i>куку</i>
фр. <i>куку</i>	арм. <i>кэку</i>
исп. <i>куко</i>	монг. <i>хохоо</i>
ит. <i>куколо</i>	котт. <i>кукука</i>

В алтайском языке сдвоенное звукоподражание *кур* в форме *куркуре* означает "гремящая" и является иногда гидронимом (р. Куркуре, впадает в Телецкое озеро с запада). В языке пуштунов звукоподражательными словами являются *джурджурай* "водопад" и *джур* "бурление, клокотание, журчание ручья". В арм. *джур* "вода" также является звукоподражательным термином, сравнительно недавним. Более ранним было индоевропейское *uagá*. Да и русские слова *свист*, *шуриание*, *грохот*, *рокот*, *журчание* также родились из подражания голосу стихий.

Сложнее дело обстоит с созданием "искусственных" слов, не подсказанных животными или стихией. Очевидно, создание первых слов контролировалось артикуляционными возможностями

органов речи – подвижностью языка, нижней челюсти, голосовых связок и пр.

Первобытный человек мог произносить щелкающие звуки – "кликсы". Это согласные звуки, ныне сохранившиеся в речи бушменов и готтентотов, древнейшего населения планеты. Если обычные звуки произносятся на выдохе, то щелкающие – на частичном вдохе с помощью губ и языка, когда в полости рта создается вакуум. При заполнении вакуума происходит "взрыв", сопровождающийся щелчком. Образно это можно сравнить со звуком чмокающего поцелуя или звуком *ц-ц-ц*, который мы издаем, выражая сожаление. Был ли этот способ в прошлом универсальным в раннем словотворчестве, не известно.

Второе предположение о возможном "стиле" раннего словообразования – это создание моновокалических (с одной гласной) слов. Не исключено, что часть языков прошла через такую начальную форму. Нам даже представить трудно всю сложность произнесения слова из сочетания согласных, так как это требует очень тонкой работы гортани и органов артикуляции. Нам трудно воспроизвести армянские слова *Мкртчян* (фамилия) и *джрвеж* "водопад".

Моновокализм предполагает стечение согласных, которые могут быть разделены одной (по типу) гласной и заканчиваться гласной: *пасака*, *тамала* и пр. Это так называемый банановый язык (англ. *banana* "банан"). Такой язык существовал в древней Месопотамии (V тыс. до н.э.). Он зафиксирован в клинописных таблицах в виде топонимов: *Забаба*, *Билулу*, *Бунене*. Дело в том, что носителями языка согласные воспринимались с гласными как единое целое. Так, в недалеком прошлом не очень грамотные люди произносили аббревиатуру СССР как *СэСэСэЭр*. Для таких говорящих гласный *э* воспринимался как компонент согласного.

Ныне нечто подобное мы наблюдаем в арабском. Корень слова в этом языке состоит только из одних согласных звуков – чаще всего из трех, реже из четырех. Например, корень КТБ означает "письмо", но *КаТаБа* "написал". Возможно, в давнюю пору, когда артикуляция органов речи не позволяла произносить гласные (отделяя их от согласных), модель такого словообразования была распространена шире. При ограниченных возможностях звуко сочетания разграничение слов с разным значением могло осуществляться тональностью произношения. Тональ-

ность, в той или иной мере выраженная, характерна для языков китайского, кетского, готтентотского (нама), суданских, шари и некоторых языков индейцев Америки. Возможность, что эта тоналность сохранилась с тех времен, когда человек не обладал еще быстрой артикуляцией и она (речь) была похожа на речитатив.

В китайском сам корень слова ничего не значит. Но произнесенный в определенной тоналности он будет иметь какое-то конкретное значение. Вот пример, заимствованный из книги Л. Успенского (1960, с. 301):

- МА¹ – произнесенное в первом тоне означает "мать",
- МА² – произнесенное во втором тоне означает "конопля",
- МА³ – произнесенное в третьем тоне означает "агат" или "муравей",
- МА⁴ – произнесенное в четвертом тоне означает "браниться".

Западноафриканское племя *ю* также со сменой тоналности получает иное смысловое содержание слов (Фолсом Ф., 1975):

- ду – в высокой тоналности имеет смысл "говорить",
- ду – в средней тоналности имеет смысл "спать",
- ду – в низкой тоналности имеет смысл "грустить".

Когда отпала надобность в различении слов по тоналности, они стали выражать эмоциональный уровень сказанного. Например, русск. *да*, произнесенное в разной тоналности, может отразить эмоциональную реакцию говорящего: просто (утвердительно), вежливо, иронично, рассеянно, задумчиво. Дальнейшее развитие тоналности привело к возникновению музыки (Леонтьев А.А., 1963).

Невозможно полно реконструировать способы образования основного словарного запаса человека разумного в первые этапы его становления. По этому вопросу есть много точек зрения (см. об этом: Якушин Б.В., 1985). Мы отметим лишь некоторые, в той или иной степени относящиеся к нашей теме.

Не исключено, что на первом этапе создания лексического фонда в последнем отсутствовали родовые термины типа "лес", "хребты", "море". Термины были более конкретными. В качестве примера сошлемся на термины, обозначающие формы рельефа, используемые ненцами-оленеводами (см.: Терещенко Н.М., 1982). Эта дробная терминология микро- и мезоформ рельефа создана сравнительно поздно, когда ненцы ушли из лесов в тун-

дру. Причина создания такой сложной и дробной терминологии проста: попав в новые природные условия, ненцы выработали, исходя из жизненной потребности, только те термины, которые могли им помочь в повседневной жизни (для лучшей ориентировки на местности). Надобности в обобщающих терминах у них просто не было.

Аборигены Австралии знают слова, обозначающие конкретное дерево (пальма, казуарина и пр.), но не имеют в своем лексиконе обобщающего понятия "дерево". Австралийцы не могут сказать "На дереве сидит птица", но скажут "Стоит эвкалипт, а на нем сидит кокаду" (Успенский Л., 1960, с. 174). Дальневосточные нивхи имеют слова, обозначающие отдельно высокие деревья и низкие деревья. Саамы Кольского полуострова, ненцы Сибири и чукчи не знают обобщающего слова "снег", но имеют слова для отдельных его разновидностей (наст. крупа, поземка и пр.).

Немецкий ученый Л. Гейгер, изучая корни слов индоевропейского языка, пришел к заключению, что различные слова возникли из глагольных основ, то есть более ранними были глаголы, а затем из них развились другие имена.

Латинское слово aqua "вода" (отсюда "акватория", "аквариум" и пр.) имело исходную форму в индоевропейских языках Малой Азии: в палайском *ahu-*, хет. *aqu-//equ-* "пить". Кушитская праформа **Акк* дала лексемы со значением "вода", а в языках ямма *ak(ka)* "вода", аака- "пить" и хадиия *ag-* "пить". Очевидно, латинская лексема уходит корнями в далекое время языковой общности Околосредиземноморья.

Еще один пример, более разительный, перехода глагола в имя существительное и расширения значения последнего.

В древнем языке Восточного Околосредиземноморья реконструируется корень **kad* (А), где А – произвольный гласный, со значение "плести" (Долгопольский А.Б., 1972). В прошлом плели корзинки, затем стали их обмазывать для водонепроницаемости глиной, строили плетеные шалаши из камыша и прутьев, обмазывая стены глиной. В сельской местности такие жилища-"мазанки" и плетеные кошары для овец сохранились до наших дней. В ходе развития технологии плетеных изделий, обмазанных глиной, на базе корня "плести" возникли новые термины: лат. *catinus* "род миски", ассирово-вав. *kadu* "формовать горшки", дравид. (курукхский) *kattu* "горшок", укр. *хата* "жилище", сельк. *мыг-кат*, *тон-кат* - типы жилищ, *кетты* "город", хант. *кат* "дом", саам. *ку-*

эти "примитивное жилище для длительного пребывания", в кушитских: омета keta, чара kietaa, воламо kietta "дом", сомали katama "город". Мы не включили в этот перечень индоиранские соответствия: согд. kt "дом", авест. kata "комната, так как в иранских они могли быть образованы от другого глагольного корня – кан/кат "копать" (ср. санскр. khata "вырыто" от khaп "копать" и авест. kan "копать, рыть"). Связь здесь реализуется через технологию строительства землянок.

Приведем еще пример такого рода. Слово "керамика" образовалось от индоевропейского глагола *ker- (*k^or-, *k^or-) "жечь, обжигать, палить, разжигать". Термин возник в неолите, когда человек научился производить керамическую посуду из глины с применением термической обработки.

Иранский глагол *рез/рехтан* (rez/rextan) "литься" дал термин *рез* "река", который вошел в имена многих рек Сибири, Урала и Европейской России: р. Рез в Башкирии, рр. Урез в бассейнах Оми и Кондомы, рр. Сереж на Урале, в Хакасии, в Поволжье. Глагол известен из письменных источников среднеиранского времени, термин *рез/реж* "река", возможно, связан с сарматами.

В тюркских языках глагол со значением "отделять(ся), разделять(ся)" представлен формами: алт., кирг., караим., *айыр*, хак., желто-уйг., шор. *азыр*, тув., туркм. (диал.), др.-тюрк. *адыр*, гагауз. *айыры*, тоб.-тат. *аир* (<*айыр*). От этого корня образованы термины "ответвление, вилы, рогатина". Дихотомическое ветвление речных систем и деревьев было наиболее ярким воплощением этого изначального понятия и привело к появлению географического термина "река", который вошел в имена многих рек Западной Сибири, Алтая, Шории, Хакасии: Адыр, Алгаир, Йолдоайры, Кошайры, Албагаир, Еланаир, Янтаир и др. Аналогично образован другой тюркский термин *чар* "река", "приток" из глагольной основы *чар* "колоть, разъединять, расщеплять" (р. Чар в Казахстане и р. Чар - приток Башкауса на Алтае).

В старом русском языке слово *пиво* означало не только хмельной напиток, но и все, что можно пить – квас, молочные напитки, воду (если она в ендове, кувшине, а не в озере или реке). В XVII в., когда на Руси распространилась пагубная привычка курить табак, говорили "табак пить". В "Уложении" 1649 г. сказано (гл. XXV, ст. 11): "...чтоб табаку у себя не держали и не пили". По-видимому, слово "пить" обозначало процесс втягивания в себя чего-то – жидкости, воздуха, табачного дыма. Возможно, в

русском языке это слово является звукоподражательным: попробуйте втянуть в себя воздух или горячий чай с блюдечка через почти сжатые губы, и у вас получится свист "фить", а это почти "пить" и произносится это слово не на выдохе, как обычно, а на вдохе. Не только на Руси табак "пили", но и в Турции, где и ныне говорят *tütün içmek* "табак курить" (досл. "табак пить", *içmek* – "пить"). Любопытно, что М. Горький (Полн. собр. соч., 1953, т. 27, с. 164) также считал, что в языке сперва развились глагольные и измерительные формы (тяжело, далеко) и только потом наименования труда.

Приведенные примеры свидетельствуют в пользу более раннего происхождения глагольных форм, нежели имени существительного. Это положение может оспариваться: не исключено, что некоторые существительные могли быть созданы одновременно с глаголами.

Известны примеры образования имен существительных от имен прилагательных. С понятием "верхний, высокий" связано формирование термина "гора". Так, авест. *буруз, барс*, согд. *brz* "высокий", пушту *бар* "верхний" в ходе субстантивации трансформировали свое содержание: перс. *burg* "гора", ир. *бараз* "возвышенность". Эти термины были использованы в топонимике: Альбурз – хребет в Сев. Афганистане, Эльбурс – хребет в Южном Прикаспии, Эльбрус – вершина Кавказа, Брус (хак. Пурус) – горный массив по правому берегу Енисея. В языке алеутов слово *к'айах* означает "гора" и "высокий".

Необычайно популярна в самых различных языках мира модель образования географических терминов по уподоблению. Здесь принимаются во внимание внешнее сходство географического объекта с давно и хорошо знакомым житейским объектом. Особенно широко образуются такие уподобительные термины на основе анатомической лексики. Специально и подробно этот вопрос рассмотрел Э.М. Мурзаев (1974, с. 126 и др.), который привел более 80 таких терминов из языков народов Евразии. Мы дадим для иллюстрации только некоторые группы таких терминов:

спина, позвоночник – горная гряда, горный хребет

латин. *dorsum*

тур. *sirt*

англ. *back*

лак. *барх*

болг. *гръб*

монг. *нуруу*

каз. *арка*

осет. *раг*

*газ - родник*араб. *айн*перс. *чешме*арм. *акн*туркм. *гѣз**голова – вершина горы, исток реки, начало*эвенк. *дыт*лакск. *бак*монг. *толгой*вьетн. *нгуэн*тюрк. *баш, бас, паш, пас*чук. *левит*коряк. *левит*тадж. *сар*

Нам представляется, что географические термины, созданные на основе уподобления, являются весьма поздними.

В последнее тысячелетие в связи с развитием производственных отношений, созданием и усложнением орудий труда, появление новых материалов и их изготовление, развитие новых мировоззренческих представлений и пр. и пр. словотворчество резко увеличило свои темпы. Появилось множество терминов, которые "обслуживали" различные потребности человека. Трудно понять механизм создания и первоначального появления слова. Возможно, кто-то произнес его впервые. Им стали пользоваться в узком кругу, поскольку оно было удобно и являло собой "знак" предмета, события, состояния, явления. Затем круг пользователей расширился, термин стал общепринятым в этом языке, мог быть заимствованным и стать международным. Большинство авторов остались неизвестными. Но авторство некоторых терминов установлено, как и время их появления. Так, известно, что термин *газ* в XVII в. предложил физик из крошечного фламандского городка Вильварде – Ван-Гельмонт. Н.М. Карамзин, современник А.С. Пушкина, подарил нам такие слова, как *влияние, занимательный, трогательный*. М.В. Ломоносов, которого не надо представлять, впервые в России употребил слова *кислота, диаметр, квадрат, минус, горизонт*. Но авторство большинства терминов, появившихся даже сравнительно недавно, вряд ли кому известно.

Имена собственные появились позднее имен нарицательных. Очевидно, это были антропонимы, так как в людском коллективе возникла необходимость различения индивидуумов, за которыми и закреплялось определенное имя. Значительно позже стали возникать имена собственные географических объектов – гор, ручьев, озёр, урочищ и т.п. Потребность в создании топонимов была вызвана расширением территории обитания и необходимостью

различения сходных географических объектов. Первые топонимы были, очевидно, созданы из географических терминов. И до сих пор большинство крупных объектов природы носят имена, образованные от имен нарицательных. Вот лишь некоторые из них:

Альпы	- кельт. <i>альп</i> "гора"
Апеннины	- кельт. <i>пен</i> "вершина (горы)"
Бырранга	- нганас. " <i>горы</i> (с долинами)"
Гыдан	- эвен. <i>гидян</i> "хребет"
Карпаты	- алб. " <i>скалы</i> "
Кордиллеры	- исп. <i>кордиллерас</i> "цепи (гор)"
Кух, хр. у оз. Ван	- ир. <i>кух</i> "гора"
Хинган	- монг. <i>хянган</i> "гребень горы"
Амур	- эвен. <i>омар, амар</i> "река"
Аган, приток Оби	- хант. <i>аган, юган, йоган</i> "река"
Би(я)	- южно-самод. <i>би</i> "вода"
Дон	- алан. <i>дон</i> "вода, река"
Шари, приток оз. Чад	- сари <i>шари</i> "река"
Амочь, оз. у Енисея	- тунг. <i>амут</i> "озеро"
Лама	- эвенк. <i>лама</i> "озеро (большое), море"
Тениз, оз. в Казахстане	- тюрк. <i>тенгиз, тениз</i> "озеро (большое)"

Дальнейшее освоение территории поставило перед человеком задачу создания новых топонимов. Родовых понятий ("гора", "река" и др.) стало недостаточно для разграничения сходных объектов. Необходимо было привлечь дополнительные признаки. Гора стала не просто Горой, но получила имя Дальняя гора, в отличие от Ближней горы. В топоним включалось определение, которое отражало какие-либо особенности конкретного объекта, отличающие его от других им подобных.

За длительный период именованя географических объектов была разработана сложная методика образования их собственных имен. Даже трудно перечислить все принципы номинации различных объектов. Упомянем только такие: размеры (большой, малый, высокий низкий и пр.), ориентировка в пространстве (верхний, нижний, левый правый, центральный, западный и пр.), качественная характеристика (песчаный, крутой, горький, глубокий, вонючий и пр.), животный мир (лисий, волчий, лебяжье, щу- чье и пр.), характер растительности (голый, сосновый, степной, лесной, болотный и пр.). Производственная деятельность, рели- гиозные, идеологические, мифические, мемориальные, волюнта-

ристические и другие "позывы" необузданной человеческой фантазии нашли отражение в именах географических объектов.

Число фонем в любом языке сравнительно невелико. Поэтому можно создать из них лишь ограниченное число звукосочетаний. В связи с эти различными языками могли быть созданы слова, сходные по звучанию и смыслу, но не связанные единством происхождения. Мы приведем лишь примеры из топонимики:

- р. Бауда на Салаире и р. Бауда в системе р. Шари (Африка),
- р. Канзас в Горной Шории и р. Канзас в Сев. Америке,
- р. Умба в Якутии и р. Умба в Кении (Африка),
- р. Дарья, приток Кумы (Предкавказье) и р. Дарья – приток Алдана,
- р. Ко в бассейне Чулышмана (Алтай) и р. Ко в бассейне р. Шари.

Такого рода топонимические схождения являются подводным камнем при использовании топонимических материалов для этногенетических и миграционных реконструкций.

Человек в своем стремлении обрести лучшую долю совершал столь дальние и подчас необъяснимые миграции, в которые мы с трудом верим. И это касается не только рискованных путешествий от устья Меконга до Аляски и от Аляски до Огненной Земли. Это не только рискованное и трудно технически выполнимое путешествие из Азии в Австралию. И в более позднее время человек торил тропы внутри материков, осваивая сырые низменности и сухие пустыни, холодные плоскогорья, таежные дебри и подоблачные выси гор. И уносил он с собой не только предметы материальной культуры, семена злаков и религиозные представления. Он уносил с собой и язык. Вступая в контакт с иноплеменниками, человек обогащал свой язык в первую очередь путем заимствования лексики. Он не оставался в долгу, передавая часть своего языкового достояния иноязычным соседям. Могло возникнуть двуязычие, особенно, если отношения между разноплеменниками были дружескими.

Но двуязычие – явление коварное: в результате дружеских контактов один язык выходил победителем, а другой исчезал. Но исчезал не бесследно. Он оставлял следы в виде слов, обозначающих культовые действия, предметы, природные объекты. Эти слова побежденного языка сохранялись в языке-победителе и воспринимались даже народом-победителем, как свои родные. Особенно явным были такие реликты в тех случаях, когда язык победитель, язык пришельцев, не имел соответствующих обозна-

чений. Так, в Средней Азии сравнительно недавно тюркский язык вышел победителем в соревновании (неравном) с иранским языком. Пришлые тюрки-кочевники заимствовали от побежденных иранцев термин *мираб* "распорядитель воды на землях орошения" (ир. *мир* "народ", *аб* "вода"), так как своего термина у них не было. В языке сибирских татар неожиданно были обнаружены слова кетов, которых татары во II тыс. н.э. частично вытеснили, частично ассимилировали. В языке тобольских и барабинских татар сохранилось слово *есь* "дух", которому соответствует кетское слово *есь* "бог", "небо". Зафиксирован также термин *ыскеи* "дождь", в котором первый компонент соответствует тому же кетскому слову (дождь – это божья или небесная вода). В языке хакасов и шорцев в качестве иранского наследия сохранилось слово *сарны* "песнь", наравне с тюрк. *ир*.

Помимо слов, оставленных исчезнувшими народами, сохранились и географические названия, созданные ими. Эти топонимы прошли через столетия и тысячелетия, обслуживая население, которое и представления не имеет о людях, создавших эти названия. Примеров миграций, отмеченных топонимами, немало. Вот некоторые из них.

В северных предгорьях Восточных Саян еще в историческое время жили самодийцы (камасинцы, койбалы и др.), которые в качестве термина со значением "река" использовали слово *чага*. В левобережье Томского Приобья сохранились до наших дней гидронимы с этим термином: две реки Чага и р. Двойчага. Эти гидронимы создали, по нашему мнению, носители кулайской культуры, языком которых был ранний камасинский. Примерно на рубеже эр кулайцы из левобережья Оби мигрировали на юг, в сторону Алтая. Южный путь их прослеживается по археологическим и топонимическим материалам. В частности, имена рр. Би (ныне Бия), Чага, Ашкычага в прителецком районе подтверждают их пребывание в Северо-Восточном Алтае. Далее мигранты пошли на восток, в Шорию, а затем перешли в бассейн Абакана и далее прошли по Саянам до нынешней Тофаларии. Этот путь подтверждается топонимическими материалами. В Шории, в горном массиве Патын известна вершина – г. Койбал. В бассейне р. Абакан известно несколько населенных пунктов, имена которых образованы от этнонимов *койбал* и *матор*. На правобережье Енисея (система р. Туба) также имеются села, в именах которых сохранился этноним *койбал*. В Восточном Саяне имена рр. Два-

чага (ср. р. Двойчага в Томской области), Кучагина (руссифицированная форма), Боранчага, Кемчага подтверждают приход мигрантов именно из Томского Приобья и четко трассируют их путь.

Еще пример. От дальнего Востока (оз. Удыль) до междуречья Днепра и Днестра (местность Ателькуза) прослеживается цепочка топонимов типа Итиль (Волга), Идиль, Адель и их фонетических вариантов. Эти топонимы фиксируют маршрут переселения тюркоязычного населения, очевидно, еще в докаганатское время. Причем создатели этих топонимов говорили на тюркских языках *p*-группы (современный чувашский, болгарский, хазарский). Несомненно, на столь долгом и длинном пути эти тюрки вступали в контакт с иноязычным населением, одаривая их язык своими словами и воспринимая некоторые слова контактёров. Выделить эти заимствования вполне возможно. В рамках такого взаимообмена лексикой и обеспечивается передача субстратных топонимов языку-пришельцу и долгая жизнь самих топонимов. А это, в свою очередь, позволяет использовать топонимы для этногенетических реконструкций вообще и для определения языковой принадлежности создателей этих топонимов в частности.

Число языков только исторически известных и ушедших в небытие очень велико. А люди разумные начинали говорить на одном языке или на нескольких, каждый на своем?

Современные языки с различных точек зрения

Лингвисты рассматривали современные языки с различных точек зрения, стремясь найти в них признаки родства или типологического сходства. На основе различных характеристик и признаков были сделаны классификационные схемы, которые преследовали цель – выявить нечто общее в языках и их группах – в лексическом составе, морфологии, фонетике и фонологии, способах образования и словоизменения и пр. Делались попытки увязать группы языков с ранними популяциями человека.

Старый Свет уже в нижнем палеолите довольно четко делился на две провинции – западную с преобладанием рубил и восточную – с преобладанием чопперов. На полуострове Индостан эти типы орудий перемежались, что свидетельствует о контакте этих культур (см. рис. 5).

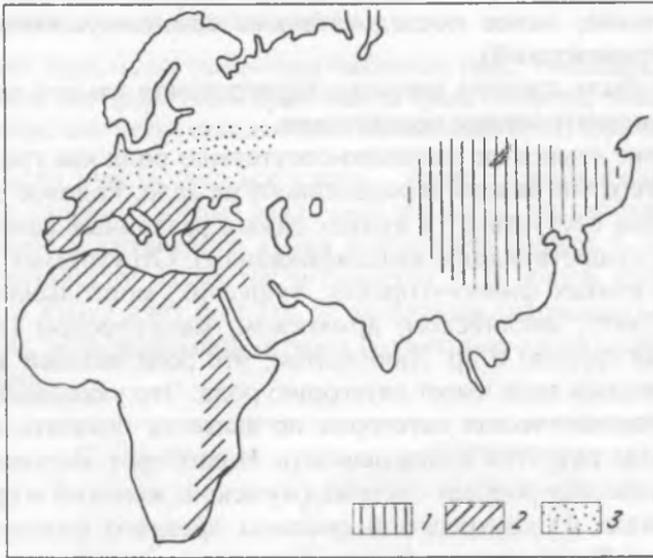


Рис. 27. Провинции верхнепалеолитической культуры
(по: Замятнин С.Н., 1946, с дополнениями)

- 1 – Сибирско-Китайская; 2 – Средиземноморско-африканская;
3 – Европейско-приледниковая

В верхнем палеолите различия эти сохраняются. С.Н. Замятнин (1951) выделил сибирско-китайскую область (соответствует культуре чопперов) и западную средиземноморско-африканскую (соответствует ареалу ручных рубил), а также новую – европейско-приледниковую, недавно освободившуюся от ледникового покрова (рис. 27). С.П. Толстов (1946) оконтурил два ареала языков, типологически различных по синтаксически-морфологическому строю:

- юго-западный афроевразийский – последовательно префиксирующий,
- северо-восточный амероазиатский – последовательно суффиксирующий.

Промежуточную зону (Аравийский полуостров, Сомали Эфиопия, южное побережье Средиземного моря) занимают языки, непоследовательно префиксирующие. Представителями первой группы являются урало-алтайские, дравидские, мунда, японский, а также менее последовательно суффиксирующие палеоазиатские языки (кроме кетского) и большинство языков амери-

канских индейцев. Для второй группы (банту, полинезийские, мон-кхмерские, менее последовательны семито-кушитские, суданский, тлинкитский).

Нами была сделана попытка картирования языков мира по другим лингвистическим показателям.

Деление языков по наличию-отсутствию рода как грамматической категории ничего определенного не дало. Родовое обозначение имени отсутствует в языках самых различных семейств и групп (по существующим классификациям). Отсутствует эта категория в языках финно-угорских, тюркских, монгольских, тунгусских, банту, английском, армянском, манипурском (тибето-бирманская группа) и др. Любопытно, что родственный английскому немецкий язык имеет категорию рода. Это указывает на то, что эта грамматическая категория не является показательной и может в ходе развития языка исчезать. И наоборот, индоевропейская трехклассная родовая система (мужской, женский и средний род) возникла из двухродовой системы древнего индоевропейского языка. В другом случае происходит усложнение в ином направлении. Так, в русском выработана система из трех пар родов, каждый род делится на подрод по принципу одушевленности-неодушевленности. Это отражается в их падежных системах (отмечается в типах склонения именительного падежа единственного числа и винительного падежа множественного числа).

Следовательно, категория рода (наличие или отсутствие его) не является существенным показателем далекого родства и, естественно, не может быть использована для объединения языков в какие-то родственные группы.

По принципам словообразования все языки принято делить на группы: изолирующие (аморфные), агглютинативные (склеенные) и флективные. Иногда выделяют четвертую группу – инкорпорирующие, или синтетические.

Изолирующие языки. К их числу относятся китайский, тибето-бирманские, бушменский (Африка), некоторые языки Индокитая. Слова краткие, состоят из одного-двух слогов, редко больше. Каждый слог является самостоятельным (корнем), никогда не изменяющимся, но способным менять свое положение в слове. Некоторые слова самостоятельно не употребляются и присоединяются к слогу (корню), который что-то обозначает. Это напоминает словообразование с помощью суффиксов. Подобные образо-

вани встречаются и в неродственных языках иных типов (агглютинативных или флективных):

кит. *тянь+шань* (небо+гора=небесные горы; Тяньшань, хр.),
англ. *окс+форд* (бык+брод=бычий брод; Оксфорд, топоним),
тюрк. *ат+кечу* (лошадь+брод=лошадиный брод; термин).

А если учесть, что все слоги имеют тональность, которая придает слогам (словам) различное значение, то изобразительная возможность китайского языка достаточно велика. С учетом тонов в китайском языке насчитывается 1324 слога. Развитие китайского языка идет по пути от аморфных (корневых) к аффигирующим; роль аффиксов играют служебные слова *сю-цзы* "пустые слова".



Рис. 28. Языковые группы по морфологическому сходству (словоизменение и словообразование): доколумбово и доермаково время:

1 – флективные; 2 – агглютинативные; 3 – изолирующие

Агглютинативные языки. Это наиболее многочисленная группа языков, носители которых занимают огромные территории на планете (рис. 28):

Европа – баскский, абхазо-адыгские, грузинский, финно-угорские и др.,

Азия – дравидские, индонезийский, кетский, корейский, маньчжурский (тибето-бирманская группа), монгольский, самодийские, тунгусские, тюркские, чукотско-камчатские, юкагирский, японский и др., а из вымерших – хаттский и хурритский,

Африка – банту, готтентоские, догон, конголезские и др.,

Австралия – языки аборигенов и папуасский,

Америка – языки американских индейцев (ато-ацтекские, сиу и др.), эскимосо-алеутские.

В языках этой группы словообразование происходит в результате присоединения (приклеивания) к корню, обычно неизменяемому, определенных суффиксов и в определенной последовательности. Причем эти суффиксы также являются постоянными. Вот несколько примеров из алтайского языка:

тал+ду=тальник+аффикс обладания="тальниковая (речка)",
аю+кеч +пес =медведь+брод+аффикс отрицания= "медведь не переправится",
сал+чак=плот+ аффикс уменьшительности="плотик",
кам+лар=шаман+аффикс множественного числа="шаманы",
балык+чи=рыба +аффикс профессии="рыбак",
балык+чи+лар=рыбы+аффикс профессии+аффикс множественного числа="рыбаки".

Сложные слова также образуются путем приклеивания неизменяемых корней:

алтын+ту=золото+гора=золотая гора; топоним,
йол+ду+айры=дорога+аффикс обладания+речка=речка с дорогой.
темир+йол=железо+дорога=железная дорога.

Агглютинирующие языки являются технически более совершенным орудием, чем флективные. Их характеризуют:

неизменяемые корни, обязательно расположенные в начале слова,
 суффиксы, причленяемые в определенной последовательности,
 однозначность суффиксов и окончаний.

Очевидно, рациональность этого типа словообразований привлекла носителей языков другой группы – флективной. Английский язык явно приближается к строю агглютинативных языков, как и китайский. Некоторые агглютинативные языки обладают признаками флективности (чеченский, прибалтийско-финские, саамский, банту и др.) или синтетизма (кетские, чукотско-корякские, эскимосо-алеутские).

Флективные языки. К их числу относятся индоевропейские (кроме французского, английского и отчасти болгарского), готтентотский (имеет признаки агглютинативного строя), семитские. Одной из особенностей таких языков является совмещение в словоизменительном аффиксе нескольких грамматических показателей. Например, в русском языке падежные окончания существи-

тельных распознают число и падеж, окончания прилагательных – падеж, число и род (пример, *милой* – дат. пад., ед. ч., жен. род). Наряду с изменением префиксов, суффиксов и окончаний для флективных языков допустимо изменение корня. Особенно характерно это для арабского языка. В нем между согласными корня могут быть вставлены различные гласные, что меняет смысловое значение данного слова.

Кавказские (чеченский и др.) языки включены в группу агглютинирующих, но имеют признаки флективности. Н.С. Трубецкой (1951, с. 77) отмечал у восточно- и северокавказских языков явные признаки гипертрофии флексии. Это он образно описал: "...неуловимые корни, постоянно меняющие огласовку, теряющиеся среди префиксов и суффиксов, из которых одни наделены определенным звуковым обликом при совершенно неопределенном и неуловимом смысловом содержании, другие же при определенном смысловом содержании или формальной функции представляют несколько разнородных, не сводимых друг к другу звуковых видов".

В качестве примера приведу способ образования слова "человек" в горско-дагестанских языках:

арчин. *бушор* (*бу* – префикс, *ш* – корень, *ор* – словообразовательный суффикс),

агул. *шуй* (*ш* – корень, *уй* – суффикс),

удин. *ишу* (*и* – префикс, *ш* – корень, *у* – суффикс).

Более удивительный пример приводит Л. Успенский (1960, с. 309) из языка индейцев чинук. В слове *ишалюдам* один корень *д*, шесть префиксов и один суффикс. Из префиксов каждый имеет свое значение: *н* выражает понятие объекта (я) и местоименный объект "это", *а* третий объект (ей) и т.д. Всё вместе имеет перевод: "Я прибыл, чтобы отдать ей это". Все понятие выражено одним словом.

По мнению С.Н. Трубецкого, индоевропейские языки пережили стадию гипертрофии флексии и теперь стремятся приблизиться к рациональной агглютинации, что прослеживается на примере английского. Но им еще далеко до достижения этой цели.

Географическое положение флективных языков более или менее компактное: все они тяготеют к Средиземноморью. Готтентотский язык (Южная Африка) имеет признаки агглютина-

тивного строя, поэтому флективность, возможно, это далеко зашедший в позднее время процесс трансформации грамматического строя. Например, язык саамов, агглютинативный по строю, имеет признаки флективности, однако менее развитые, чем у готтентотов.

На наш взгляд, географическое распространение групп языков, различающихся способами словообразования и словоизменения, не дает достоверных данных о родственной соподчиненности их.

Большой интерес, по нашему мнению, представляет группирование языков по контенсивной типологии, ориентированной на семантические категории. По этой типологии все языки мира объединяются в три группы по типам конструкции строя: активного, эргативного и номинативного. Не вдаваясь в детали этой очень тонкой и сложной типологии, отметим лишь особенности этих групп.

Активный строй. Этот строй имеет другие названия – деятельный, действительный. Он ориентирован на противопоставление активного и инактивного начал. Существительные делятся на активные (одушевленные) и инактивные (неодушевленные), глаголы – на классы активных (идти, резать) и глаголы состояния (например, "я голоден"); класс прилагательных отсутствует. Активный строй ныне представлен только в языках индейцев Америки (сиу, на-дене, тупи-гуарани, мускочи или галф, повидимому, ирокуа-каддо). Предполагается, что языки ранних эламитов, хурритов и урарту (Малая Азия) также имели этот строй (Климов Г.А., 1977).

Эргативный строй. Название получил от греч. *эргатос* "действующее лицо". Ориентирован на семантическое (смысловое) противопоставление агентива (производителя действия) и фактитива (носителя действия). Пример: "Он поймал рыбу". Лексический строй проявляется в распределении глаголов переходных (агентивных) и непереходных (фактивных). В синтаксисе строй выражается использованием абсолютной и эргативной конструкций: "я уронил книгу" (эргативная конструкция), но "книга упала" (абсолютная конструкция). В морфологии эргативный падеж противопоставляется абсолютному. Эргативный строй имеют языки баскский, большинство кавказских, бурушаски в горах Северной Индии, большинство австралийских, многие тибето-бирманские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские, папуас-

ские, некоторые мертвые языки Передней Азии (хурритский, урарту), языки островов Тонга и Самоа, в Америке – языки альгконские, майя, пано-такане (рис. 29).

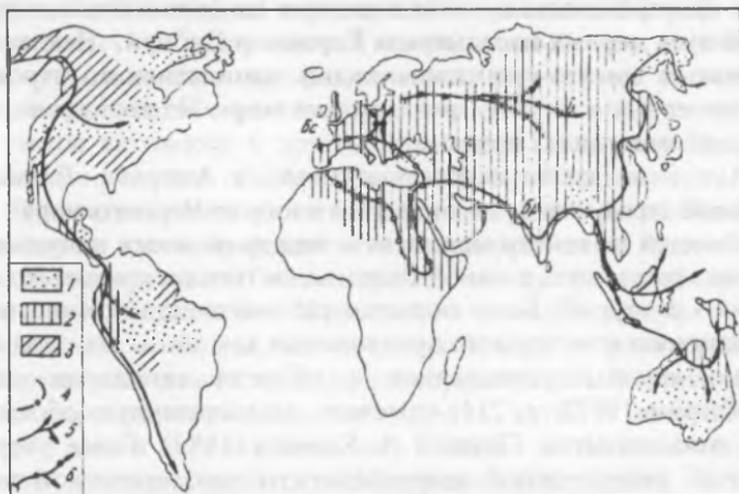


Рис. 29. Языковые группы по типам грамматического строя (доколумбово и доермаково время):

строй: 1 – эргативный. 2 – номинативный. 3 – активный; 4 – ареал околосредиземноморской языковой общности;

миграционные пути: 5 – южный (аустрический), 6 – северный (бореальный). Бс – баски, Бр – бурушаски

Номинативный строй. Ориентирован на семантическое противопоставление субъекта и объекта. На лексическом уровне выражается в распределении глаголов на переходные и непереходные, в синтаксисе характерна номинативная конструкция, дифференцированность прямого и косвенного дополнений. Номинативным строем обладают индоевропейские, уральские, алтайские, семито-кушитские (афразийские), большинство китайских, часть австралийских, в Америке – языки кечумара, хокальтекские.

Своеобразно географическое распространение языков рассмотренных типологий. Языки эргативного строя прослеживаются от Пиренеев (баски) через переднюю Азию и Кавказ (кавказские неиндоевропейцы и нетюркские языки) в Южную Азию (бурушаски, некоторые тибето-бирманские языки), далее на юг в Австралию (и Океанию) и на север (чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские), в Америку. Но ведь это аустрический (см.

выше) миграционный путь околосредиземноморцев по берегу Индийского океана и далее в Австралию и Америку!

Номинативные языки тяготеют в основном к Северной Евразии и пространственно накладываются на бореальный миграционный путь первых насельников Европы и Сибири. Исключение составляют семито-кушитские языки номинативного строя, сосредоточенные к югу от Средиземного моря. Но этот ареал, вероятно, сформировался недавно.

Активные языки встречены только в Америке. Возможно, что такой строй имели языки хаттсов к югу от Черного моря.

Имеется ли генетическая связь между ранними популяциями человека разумного, с одной стороны, и типами языковых конструкций - с другой? Были попытки рассматривать номинативную и эргативную конструкции предложения как этапы его эволюции. Однако крупный специалист в области типологии языков Г.А. Климов (1973, с. 211) отмечал недостаточную обоснованность этих попыток. Позже Г.А. Климов (1983) более уверенно пишет об определенной направленности типологической эволюции. Не известны активные языки, которые сохранили какие-либо черты номинативного или эргативного строя. Очевидно потому, что последних еще не было. Но инновации, отмечаемые в активных языках, могут найти себе объяснение в системах эргативного и номинативного строя. Однако в структуре номинативного строя имеются некоторые явления, которые объяснимы с позиций эргативного и номинативного строя. Исходя из этого, возрастная иерархия описываемых конструкций образует определенную последовательность (от старших к молодым): активная → эргативная → номинативная. Графически взаимоотношение этих конструкций показано на рис. 30.

Пережитки активного строя отмечены в эргативных (адыго-абхазские и нахско-дагестанские) и номинативных (индоевропейские, семито-кушитские, тюркские, дравидийские) языках. Кетский язык, который ныне признается номинативным, имеет черты активного (Климов Г.А., 1973, с. 6). Следы эргативного прошлого отмечаются и в германских языках (Кацнельсон С., 1936, с. 93).

Абсолютная хронология языков различных конструкций не ясна. Но очевидно, что эти конструкции должны были оформиться в языках довольно развитых, когда уже сформировалась связная речь. Г.А. Климов (1983, с. 169) отмечал, что 50-25 тыс. лет назад связная речь отсутствовала. Это были жесты, сопровож-

даемые выкриками. Следовательно, рассматриваемые конструкции, в первую очередь активная, "ушли" с человеком довольно поздно (25 тыс. лет назад). Только в таком случае можно считать, что активный и позднее народившийся эргативный строй языков, "насаженных" на австрийский миграционный путь, имеют генетическую связь. Если же предполагать, что человек по этому пути ушел раньше, чем развилась связная речь, то следует признать, что черты активного и эргативного строя были выработаны на различных участках планеты вполне самостоятельно.

В пространственном размещении языков с различными конструкциями строя намечается четкая корреляция. Языки с эргативной конструкцией "нализываются" на австрийский миграционный путь: баскский на Пиринеях → доиндоевропейские языки Малой Азии → бурушский на севере Индии → некоторые тибето-бирманские языки → палеоазиатские языки Востока Азии и языки американских индейцев (другая ветвь – австралийские языки и языки народов Океании). Языки с номинативной конструкцией концентрируются на бореальном маршруте. Активный строй у некоторых групп индейцев Америки указывает на значительную давность прихода в Новый Свет носителей языков этого типа.

Автор считает, что эти три категории языков (с активным, эргативным и номинативным строем) имеют свои хронологические рамки со скользящими границами (рис. 30).

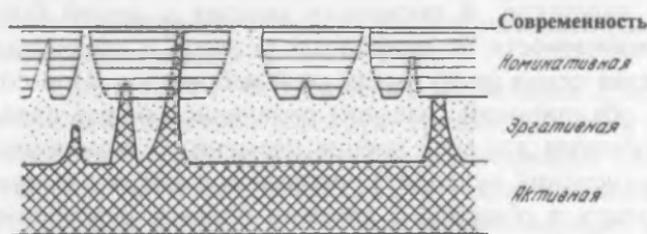


Рис. 30. Взаимоотношения типологических конструкций

Всё это наводит на мысль о том, что изначальной родиной развитого языка человеческого был единый, но обширный центр, который приурочен к побережью Средиземного моря (Околосредиземноморье) и бассейну Нила.

Праязык – миф или реальность?

В среде лингвистов ныне существует две точки зрения по этому вопросу:

праязык – это абстрактная модель, которая носит гипотетический характер и которую можно восстановить лишь по сумме доступных на данном этапе языковых реконструкций, но не как реальное языковое состояние;

праязык – это реально существовавшее в прошлом языковое состояние (язык-основа, язык-предок).

Отвлечемся от понятного скепсиса одних ученых, с недоверием отнесемся к оптимизму других и попытаемся восстановить языковую ситуацию тех далеких времен, когда человек формировал свою связную речь. Исходить будем из предпосылок о широком ареале сапиентации (не было у человечества одной праматери-Евы!) и о том, что формирование языка было подготовлено долгой эволюцией речевого аппарата, социальными условиями и развитием мыслительной способности, которая, в свою очередь, была связана с развитием головного мозга, особенно его лобных долей. Человек объективно обязан был заговорить.

Вряд ли человек разумный изначально плотно заселял свою Родину – Околосредиземноморье и бассейн Нила. Здесь, очевидно, обитали разобщенные коллективы (стаи?), каждый из которых мог развить свой "семейный" примитивный язык. Но у всех семей были сходные слова, выработанные из рефлекторных и эмоциональных выкриков. А поскольку занятия у людей были различными в зависимости от природных условий и природных ресурсов, – каждая семья (род) имела свой набор слов. При создании родовых объединений (племен) появлялись новые слова, которые были общими для всех членов племени. С возникновением экзогамии (поздний палеолит) родовые коллективы вынуждены были вступать в общение с другими родами, формировались фратрии, первоначально на брачной основе. Это также являлось стимулом для взаимного общения, обмена лексикой. Появлялись новации, которые становились языковой нормой. Несколько фратрий могли создать племя. Это уже тип этнической общности в доклассовое время. Ей была свойственна единая территория освоения, общность занятий, эндогамия. Зародилось самосознание, вырабатывался единый язык, который мог иметь ранг диалекта: язык соседнего племени был в чем-то похож. Языки (диалекты) соседних племен, родственные или неродственные,

как бы заражают друг друга (выражение С.Н. Трубецкого, 1958). В результате создается набор общих черт в области лексики и грамматических структур, количество которых (общих черт) зависит от длительности и "тесноты" контакта.

Соседние языки могли иметь достаточно много общих черт, в связи с чем могла возникнуть цепочка языков. Но через несколько звеньев цепочки эта схожесть уменьшалась. Если же сравнить крайние звенья-языки цепочки, степень схожести будет равна нулю или почти нулю. Общими могли быть только рефлексорные и эмоциональные слова (слова-звуки). Можно предполагать, что все языки-звенья в этой цепочке могли изначально возникнуть в различных районах самостоятельно и даже одновременно. В случае возникновения контакта (в ходе миграций) из разрозненных звеньев могла создаваться языковая цепочка. Какие-либо житейские события и причины (далекие миграции, физическое истребление членов одного из коллективов, эпидемии и пр.) могли прервать эту цепочку. Но, расширяя свою территорию, в прошлом не соседствовавшие звенья смыкались, и непрерывность цепочки восстанавливалась.

Миграции групп населения на территории "цепочки", такое броуновое движение в человеческом обществе, могло привести к усреднению языковой ситуации. Этот вариант более вероятен для населения ограниченной территории. В ином случае, когда рассматривается уровень родства языков-диалектов большой территории, можно говорить только об языковой общности. Такая общность формировалась на родине человека разумного – в Околосредиземноморье.

Еще в 1884 г. Ф. Гоммель (см.: Бокарев Е.А., 1954) выделил алародийские языки в особую группу, включив в нее доиндоевропейские мертвые языки Средиземноморья (эламский, митаннийский, хеттский, критский), а также кавказские и баскский. В. Георгиев (1954) в круг средиземноморских языков включал баскский, хаттский, этрусский, хурритский, урартский. Несколько позже Н.С. Трубецкой (1958) в средиземноморскую группу языковых семейств включил кавказские, семитские, баскский, хаттский, этрусский, хурритский, урартский. Все три автора дружно включают в число древних языков Околосредиземноморья мертвые языки (хаттский, хурритский, урартский, этрусский), а из живых – баскский и кавказские.

Идея околосредиземноморской языковой общности перекликается с гипотезой Н.Я. Марра о том, что яфетические языки (языки Кавказа) являются самыми древними и что все остальные языки пережили стадию яфетических. Эта гипотеза еще в не столь далеком прошлом принималась большинством отечественных лингвистов, но позже подверглась жестокой критике. Более объективная и, можно сказать, доброжелательная оценка построений этого выдающегося лингвиста была сделана В.И. Абаевым (1960).

С наших позиций, яфетическая гипотеза (теория) Н.Я. Марра являет собой пример смелого предвидения и может быть оценена очень высоко. Если... Если ее лишь слегка уточнить. Мы считаем правильным отнесение кавказских (яфетических) языков и родственных им вымерших языков Передней Азии к наиболее древним из доступных нам языков мира. Они зародились в Околосредиземноморской ойкумене раннего человека разумного. Здесь формировалась ранняя языковая общность, на базе которой развились все остальные языки мира. Именно отсюда ранние мигранты унесли в разных направлениях языковое достояние раннего человека разумного. И оставшаяся часть околосредиземноморцев сохранила, может быть, в наибольшей полноте состояние этой языковой общности. Среди оставшихся были и предки кавказских народов. Яфетические (кавказские) языки – это осколок, реликт древней языковой общности населения планеты.

В гипотезу Н.Я. Марра о большой древности кавказских языков можно внести лишь две несущественные поправки:

Северный Кавказ не входил в далеком прошлом в яфетическую сферу: носители нахско-дагестанских, адыго-абхазских и, возможно, мегрельского языков на Кавказе появились сравнительно недавно (эпоха бронзы). Ранее их предки жили в Малой Азии и глубококом Закавказье.

Яфетические языки – это, несомненно, не единственные "родоначальники" языков мира. Они составляют лишь восточный фланг древнейшей языковой общности. Западный фланг представляют докельтские языки Пиренейского полуострова. На всем этом пространстве – от истоков Тигра и Евфрата и долины Нила до Пиренеев по северному и южному побережью Средиземного моря древнейшее население побережья пользовалось языками, находившимися в различной степени родства между собой.

Эта идея родства языков Околосредиземноморья не нова. Еще Н.Я. Марр пытался доказать родство баскского и кавказских (особенно абхазского). Мнения по этому вопросу разделились – от положительного (Чирикба В.А., 1985) до отрицательного (Бокарев Е.А., 1954). Нам думается, что истина где-то посередине. Если рассматривать кавказские и баскский языки конечными звеньями языковой цепочки, то вряд ли можно считать их родственными. Но поскольку они входят в единую древнейшую языковую общность Околосредиземноморья, их следует рассматривать как "кирпичики" этого общего языкового здания.

В околосредиземноморскую общность можно включить следующие языки и языковые группы:

мертвые – языки касков, хаттов, касситов, луллубеев, хурритов, урарту, пиктский, догреческие, гуанчский, иберские и др.;

живые – кушитские, чадские, берберские, нахско-дагестанские, адыго-абхазские, баскский, буришский (?), мегрельский (?).

Глубина зарождения околосредиземноморского языка около 40-50 лет. Но вряд ли какой-либо из живых или ныне изученных мертвых языков Околосредиземноморья имеет такую древность. Все они являются потомками (в каком колене?) языков этой общности.

Обычно кушитские (и чадские) языки, как и семитские, не включаются в число древних средиземноморских (за исключением Н.С. Трубецкого). Их причисляют к языкам ностратической макросемьи. Чадские и кушитские с нашей точки зрения сближаются между собой и отдаляются от семитских. Это напоминает ситуацию с кавказскими языками. Последнее название имеет географическое содержание, а не генетическое. Кавказские в широком понимании включают две группы неродственных языков: околосредиземноморские (нахско-дагестанские и адыго-абхазские), с одной стороны, и индоевропейский картвельский (грузинский, сванский, лазский, мегрельский?) - с другой. Второе название семито-кушитских языков – афразийские – также имеет географическое содержание. В Северо-Восточной Африке длительное время, с мезолита, формировался своеобразный расовый тип, который получил название эфиопского (см. выше). Естественно полагать, что этот тип людей, формировавшийся автохтонно, создал и свой язык, который дошел до наших дней в заметно трансформированном виде. Трансформация его произошла под

семитским влиянием: в VII-X вв. н.э. из Южной Аравии в Африку пришли арабы, которые оттеснили аборигенов в горы и оказали языковое влияние на них (Райт М.В., 1956). Нельзя оставить без внимания и исследования А.Ю. Милитарева (1985) о возможном изначальном обитании предков кушитов в Передней Азии (Аравия?), откуда они мигрировали в Африку довольно поздно. Согласно этому автору, межъязыковые контакты кушитов (и чадцев) с другими народами Передней Азии осуществлялись еще в IV-III тыс. до н.э.

Где бы ни обитали в прошлом предки кушитов - в Передней Азии или Восточной Африке - языки их входили в околосредиземноморскую общность.

Можно предполагать, что в результате многократных миграций население Околосредиземноморья в позднем палеолите и мезолите приобрело уже некоторые черты языковой близости, что, конечно, не привело к созданию единого языка. Черты сходства в первую очередь проявились в лексике, которая наиболее легко поддается заимствованию. Вот некоторые примеры:

лиса - исп. *zotgo* (из баск. *axeri*); кушит: *горова sorari*, бойко *solale* "хищный зверь"; дагест.: *гинух. zegu*, цезск. *ziri*, хварш. *зор, зару*, тинд., ботл., годоб. *сари* "лиса";

река, вода - баск. *ур, хур* "вода"; куш.: *кимант кураа* "река"; дагест.: *крыз. кур* "река", *гуниз. куро* "ручей", *гинух. кора* "ручей".

У баскского и северокавказских языков имеются некоторые лексические сходства, которые признаются реальными (Георгиев В., 1954):

<i>Баскский</i>	<i>Кавказские</i>
jo "стучать"	- черк. o "стучать"
jaio "рождаться"	- убых. i "рождаться"
(h)ala "балка"	- лакск. oula "балка"
eder "красивый"	- сван. ezer "красивый"
(h)azi "питать"	- абхаз. adz(a), az(a) "питать"

Конечно, трудно ожидать обильных и полных сходств в лексике столь отдаленных языков, проживших долгу самостоятельную жизнь. Несомненно, языковая общность Околосредиземноморья была неоднородной. Огромное протяжение ареала, различные природные условия, неодинаковая плотность населения, относительная разновременность "созревания" сапиентного человека в регионе - все это накладывало отпечаток на всю

структуру общности. Но в любом случае языки, даже типологически непохожие, имеют исторические корни в этой языковой общности.

Родство языков мира исходит априорно из самого факта моногенеза человека. Человек разумный сформировался в Околосредиземноморье, здесь научился говорить, отсюда началось его расселение по планете. Вместе с человеком расселялись языки. Языки, мигрируя с человеком, саморазвивались, обогащались в результате контакте с другими языками различной степени родства. Трансформация далеко ушедших (пространственно!) языков была столь значительной и разнонаправленной, что типологически становилось невозможно подтвердить это родство. Оно подтверждается лишь преемственностью развития человеческого общества по мере освоения новых территорий. А эта преемственность предполагается на огромном миграционном пути, например, от Средиземноморья до Магелланова пролива. Эти преемственно-родственные коллективы создали языки, которые не похожи на их исходный, но могли сохранить какие-то элементы его лексики, словообразования, синтаксиса и пр.

При оценке преемственности развития языков следует исходить из двух версий.

Первая версия. Миграция населения из Околосредиземноморья началась на ранней стадии развития речи, когда не было связного речения, развитого синтаксиса (развитой грамматики). Это был уровень эмоциональных и повелительных выкриков-сигналов, жестов, сопровождавшихся звуковыми сигналами. Уйдя с таким "багажом", человек по мере своего развития постепенно формировал свой язык (или диалект). Возникли гнезда языков-диалектов, которые развивались конвергентно. Такие спонтанно возникшие языки (диалекты) объединялись в группы на основе выработки в ходе тесных и длительных контактов какой-то общей языковой нормы. Возникли союзы языков не на основе родства (преемственности), а на основе типологического сходства (сродства). В этом случае нельзя говорить о родстве всех языков и их связи с единым языком-предком (праязыком).

Первая версия, таким образом, предполагает давний исход из Околосредиземноморья человека, который уже был подготовлен к связному речению, но приобрел это качество самостоятельно и в отрыве от своей родины. Возникло множество сходных и не-

сходных языков, которые по формальным признакам могли быть объединены в группы и семьи.

Вторая версия. Миграция населения из Околосредиземноморья началась на стадии развития человека, уже обладавшего связной речью. По пути движения шло непрерывное развитие речи - ее лексическое обогащение, морфологическое и синтаксическое усложнение. Язык уже не был похож на язык источник - он являл собой непрерывную линию изменения, развития. И какие-то элементы языка-источника он мог сохранять еще очень долго. Мигранты, конечно, могли задержаться в пути или прорваться вперед, а также уйти в сторону от основного маршрута. В этих случаях происходил и отрыв языка этой группы людей от языка-источника. Язык-мигрант постепенно развивался по мере удаления от родины, всё более уклоняясь от языка-предка. Таким образом, родство языков предполагается не из их формально-типологического сходства, а из физического родства их носителей. История языка неотрывна от истории человека.

Первая версия предполагает полный хаос в формировании языков. Формально сходные показатели языков могли возникнуть самостоятельно и в различное время. При достаточном наборе таких формальных показателей в одной семье могли оказаться языки, носители которых физически не были родственниками. Разработанные типологические классификации таких языков являются формальными и не раскрывают их генетических связей. Вторая версия исходит из представления об обладании человеком связной речью еще на своей прародине, в Околосредиземноморье. Она жестко "привязывает" языки к ранним популяциям человека (околосредиземноморская, евро-азиатская, азиатско-австрало-американская, африканская). Формирование языков она рассматривает как преемственный процесс, развивающийся в рамках этих популяций. Все языки, возникшие в раннем ареале этих популяций, согласно этой версии являются в различной степени родственными, даже если в ходе своей эволюции они стали до неузнаваемости типологически различными. Языки популяций генетически связаны с изначальной околосредиземноморской языковой общностью. Следовательно, все современные языки мира в какой-то мере родственны между собой, даже если ныне они типологически различны. Мы придерживаемся второй версии. Околосредиземноморская языковая общность далекого прошлого - явление вполне реальное, существование еди-

ного (одного) языка, как и единой Евы, праматери человеческой – миф.

Миграции человека и языковые семьи

Родство языков предполагает родство народов. В этом изречении В.П. Алексеева (1986, с. 111) поменяем объекты местами. Сделаем попытку увязать физический тип ранних разумных людей с языковыми данными. Неординарно решался вопрос этот в далеком прошлом: человек разумный (евро-африканец, или протоавстралоид), еще не дифференцированный в расовом отношении, говорил на несходных языках околосредиземноморской языковой общности. Корреляция системы "расовый тип – языковая группа" была невозможной. На более поздних этапах развития речи человека, уже дифференцированного в расовом отношении, была более строгая привязка языка к антропологическому типу. Ныне такая связь коррелируется плохо. Европеоиды-азербайджанцы говорят на тюркском языке, как и якуты, явные монголоиды. Молодые ханты Васюганья говорят только по-русски... "Гены не влияют на язык, – писал генетик из США Л.Л. Ковали-Сфорца, – но то, каким языком вы владеете, зависит от места вашего рождения и вашего окружения, семьи и окружающей среды. Если какая-то группа изолируется от других, происходят расхождения как генетического фонда, так и языка, так что *история генов и языка во многом едина* /выделено нами – А.М." (Росс Ф.Е., 1991, с. 76).

Изначальное расселение человека разумного из своей ойкумены привело к отрыву от единой околосредиземноморской популяции групп населения, которые пошли по разным путям (рис. 31). Каждый из этих миграционных путей привел человечество к формированию неоднородных в расовом и языковом отношении популяций (см. выше). Это и определило изначальную этническую картину мира (Если позволительно для того времени использовать термин "этнос").

Различные по физическому типу люди, говорившие на языках разной степени родства, рассеялись по планете, чтобы продолжить процесс антропологического многообразия и многообразия языков. Не все языки дошли до наших дней, некоторые не оставили прямых потомков, поэтому реконструкция этнической (языковой) ситуации того далекого времени не может быть сделана с желаемой детальностью и доказательностью. А "то время"

отстоит от нас на десятки тысяч лет. Завершающий этап верхнего палеолита, мезолит и неолит – вот время, когда происходили эти события. Думается, что современные и недавно исчезнувшие языки околосредиземноморской общности являют собой результат не самого раннего языкотворчества.



Рис. 31. Пути миграции и популяции в верхнем палеолите и мезолите:

1 – прародина человека разумного и околосредиземноморской языковой общности; миграционные пути: 2 – южный (аустрический), 3 – в северные районы Европы, 4 – северный (бореальный), 5 – африканский (две волны);

популяции: 6 – евроазиатская (ПЕ – палеоевропейцы, С – саамы, ФУ – финно-угры, И – ительмены?), 7 – переходного типа, 8 – аустрическая (ЮА – южноазиатская, АН – австронезийская, АП – австралопапуасская, ВА – восточноазиатская. Ам – амерингская),

центры монголизации: 9 – восточноазиатские, 10 – провинция Кам, 11 – центральноазиатский (высоколицый тип), 12 – южноафриканский (бушмены и готтентоты), 13 – Южная Германия, 14 – Норландия, 15 – восточноевропейский (уральский тип), 16 – сибирский (низколицый тип); 17 – "людораздел"

Аустрический путь. Народы и языки. Этот путь освоил человек, который представлял собой тип первочеловека разумного. Это был представитель экваториальной расы, но не столь ярко выраженной, как у современных негров. Такой расовый тип

древнего населения зафиксирован археологическими памятниками позднего палеолита и мезолита в Южной Азии по всему побережью Индийского океана. Потомками этого населения ныне являются ведды Цейлона (Шри-Ланка), многие группы Индокитая, жители Австралии, островов Зондского архипелага и Океании. Все они говорят (или говорили) на языках аустрической макросемьи, в которую некоторые лингвисты включают языки аустроазиатские (группы мон-кхмер, вьетнамский-мьюнг, палаунг-ва, мунда, нагали, др.) и австронезийские (индонезийские, включая малагасийский, полинезийские, микронезийские, меланезийские). Правда, лингвисты осторожно пользуются этим названием, так как возможные кандидаты в эту семью – современные аустроазиатские и австронезийские языки – резко различаются между собой. В эту макросемью (аустрическую) лингвисты не включают вообще семью австралийских (аборигенных) языков, несмотря на географическую и расовую близость этого населения с населением носителей аустрических языков.

Если учесть близость физического типа носителей аустрических языков и исходного населения Околосредиземноморья, то невольно встает вопрос: не являлся ли язык околосредиземноморцев, пустившихся в путь по побережью Индийского океана, изначально также аустрическим? Естественно, на уровне тех времен. Если это так, то возникают дополнительные вопросы:

не являются ли современные и исторически известные древние языки (баскский, хаттский, хурритский, другие неидоевропейские языки) производными древнего аустрического языка?

не был ли околосредиземноморский гипотетический язык (языковая общность) уже в то время дифференцирован на диалекты (языки) южные (аустрические), бореальные (нотратические)?

Нам думается, что оба вопроса могут быть решены только на основе точного определения времени начала центробежных миграций из ойкумены человека разумного. Ранние даты (50 - 40 тыс. лет) явно не позволяют принять такую дифференциацию языковой общности. Интервал 30-20 тыс. лет вполне мог бы вмещать коллективы с развитыми языками, имеющими зачаточную дифференциацию по типам. Но в таком случае нельзя признать реальными ранние сроки заселения Австралии и тем более Америки.

У веддов, тайцев, австралийцев, айнов (?) и др. совпадают южный (австралоидный) расовый тип и аустрический тип языка. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда при сохранении некоторых признаков австралоидной (южной) расы язык явно не вписывается в типы аустрических языков. Это касается языков корейского, японского, чукотского, корякского. Можно высказать предположение, что эти языки столь сильно изменились, что бывшая принадлежность их к языкам аустрического типа уже не проявляется в материалах самого языка.

Выше упоминалось, что для древнейших неиндоевропейских языков Околосредиземноморья были предложены названия яфетические (Н.Я. Марр), алародийские (Ф. Гоммель), средиземноморские (В. Георгиев, Н. Трубецкой). Долгое время существовало понятие сино-тибетские (китайско-тибетские) языки. Последние объединяют свыше ста национальных и племенных языков (китайский, бирманские, тибетские, мяо-яо, каренские и др.). Сравнительно недавно (конец 70-х годов) тогда еще молодые ученые С. Старостин и И. Пейрос выявили удивительные сходения лексики сино-тибетских и кавказских языков. Анализ полученных сравнительных материалов утвердительно ответил на вопрос о родстве этих языковых групп. С. Николаев неожиданно для себя и науки выявил родство языка индейцев на-дене (Калифорния) с сино-тибетскими (Милитарев А., 1985). Идея о сино-кавказских (шире-дено-кавказских) языках нашла признание за рубежом (Росс Филип Е., 1991). В последнем варианте в ее состав включены языки баскский, этрусский, хурритский, северокавказские, китайско-тибетские, енисейские (кетские) и хеттский (очевидно, протохеттский или хаттский). Сравнительно недавно таинственный язык этрусов включен в группу хуррито-урартских и северокавказских (Иванов Вяч. Вс., 1988). Включение же енисейских (кетских) в эту макросемью подтверждается их родством с кавказскими (кроме картвельских) языками. Эта идея родства ныне принята большинством исследователей. Сами же енисейцы принесли в Сибирь свой язык поздно – примерно 4 тыс. лет назад), но успели освоить огромную территорию от р. Камы на западе до р. Селенга (Монголия) на востоке и от устья Иртыша до Алтая и Тувы.

Проследим дальнейшее становление языков мигрантов, устремившихся по берегу Тихого океана на север, к Камчатке и Бе-

рингову проливу (рис. 32). Здесь находятся языки, генетическая принадлежность которых лингвистами не определена.

Это палеоазиатские языки (нивхский, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и айнский), а также корейский и японский, условно относимые к алтайским. Типологические схождения между языками твердо не установлены. Более определенно усматривается расовая принадлежность носителей этих языков.

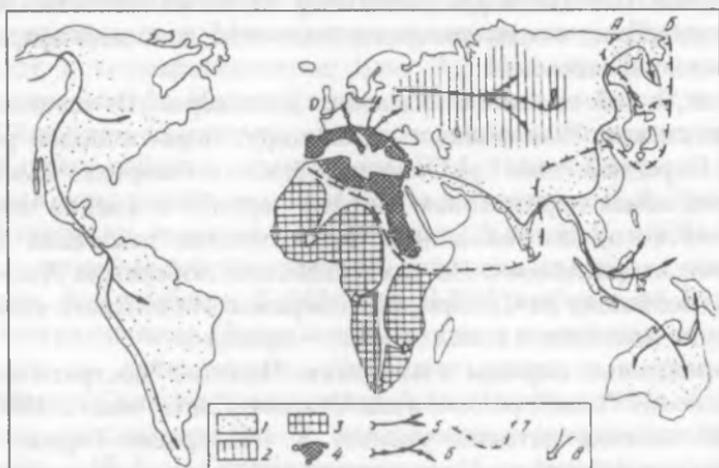


Рис. 32. Основные группы языков (верхний палеолит-мезолит):

1 – языки южных (аустрических) мигрантов; 2 – языки бореальных мигрантов; 3 – африканские языки; 4 – околосредиземноморская языковая общность; 5 – аустрический маршрут; 6 – бореальный маршрут; 7 – граница ностратических языков в современном понимании (А – без палеоазиатских языков, Б – с палеоазиатскими языками); 8 – миграция негроидов

Все они являются монголоидами с некоторыми признаками реликтовой австралоидной расы (см. выше). Уместно вспомнить слова А.П. Окладникова и З.А. Абрамовой (1974) о том, что население тихоокеанского побережья Сибири генетически издавна тяготеет к Юго-Восточной Азии (Индокитай и др.), а население Сибири, включая Забайкалье, тяготело к Европе.

В статье Н.Ф. Яковлева (1947), написанной, правда, под сильным влиянием Н.Я. Марра, сообщается, что яфетические (Кавказ) языки и палеоазиатские имеют много грамматических сходений, которые не могут быть объяснены только случайным

совпадением. Наиболее вероятной, по мнению Н.Ф. Яковлева, представляется гипотеза о единстве происхождения человека Евразии (Европы, Африки и Азии) и Америки.

Антропологические исследования аборигенов Америки показали, что некоторые их группы имеют явные черты экваториальной (австралоидной) расы, особенно индейцы Амазонии. Можно предполагать, что, по крайней мере, первые мигранты имели язык, близкий к аустрическому. И носил этот язык черты активного строя, следы которого отмечены довольно широко у современного населения.

Итак, с той или иной степенью достоверности установлено родство языков, "нанизанных" на маршрут первых людей разумных от Передней Азии до Огненной Земли в Америке. Ныне эта предполагаемая неразрывная цепочка народов и языков южного (аустрического) потока в некоторых местах разорвана более поздними вторжениями. На тихоокеанском побережье Азии сказалась экспансия из Сибири, на побережье Индийского океана – вторжение дравидов и вслед за ними – арийцев.

Бореальные народы и их языки. Понятие "ностратическая" (от лат. *poster* "наш", то есть язык Старого Света) ввел в 1903 г. в научный обиход датский ученый Х. Педерсен. Термин был встречен неодобрительно, так как представлялось неэтичным делить языки по принципу "наши и не наши". Он был заменен другим "бореальные языки", что для нас более предпочтительно, но не все это принимают. По современным представлениям, в бореальную входят афразийский (он же семито-хамитский, семито-кушитский), индоевропейские (германские, славянские, романские, балтские, кельтские), картвельские (грузинский, мегрельский, сванский, занский), уральские (финно-угорские и самодийские), алтайские (тюркские и монгольские, тунгусо-маньчжурские), дравидийские, или дравидские (каннара, или каннада, телугу, малаям, тамильский и др.). Бореальная (ностратическая) гипотеза предполагает родство всех этих языков и наличие у них общего праязыка (положение, не всеми принимаемое). Родство языковых семей устанавливается на общности корнеслов для всех или части языков, входящих в эти семьи. Гипотеза родства языков ностратической семьи активно разрабатывается вот уже несколько десятилетий. Хотя идею о ностратической макросемье языков Х. Педерсен высказал почти 100 лет назад, разработчиком ее можно считать талантливого советского

лингвиста Владислава Марковича Иллич-Свитыча, на 32-м году ушедшего из жизни. Именно ему принадлежит заслуга в разработке сравнительной грамматики ностратических языков. Огромный материал, тщательно обработанный, позволил молодому ученому высказать положения, которые сразу же привлекли внимание многих исследователей, не только в СССР, но и за рубежом. Параллельно этой же проблемой занимались А.Б. Долгопольский (ныне работает в Израиле), В. Шеворошкин (ныне преподает в Мичиганском университете). Продуктивно работает в компаративистике Вяч. Вс. Иванов. Неоконченные исследования В.М. Иллич-Свитыча обработал и издал В.А. Дыбо. В 1972 г. при Институте славяноведения и балканистики АН СССР начал работать семинар им. В.М. Иллич-Свитыча. Среди молодых участников семинара особо выделялись С.Л. Николаев, С.А. Старостин, ныне крупные ученые (Дыбо В.А., 1978). На западе развитие ностратической гипотезы связано с именами А. Кюни, А. Тромбетти, Г. Мёллера, Д.Х. Гринберга, М. Рулена.

Ностратическая (бореальная) гипотеза имеет как сторонников, так и противников. Особенно резко в адрес работ В.М. Иллич-Свитыча высказался А.М. Щербак (1984). Критически она рассматривалась с привлечением материалов финно-угорских (Б.А. Серебренников, П. Хайду), тюркских (А.М. Щербак), дравидских (М.С. Андронов), кавказских (Г.А. Климов). Речь шла в основном о надежности методики реконструкции палеоязыковых состояний. Можно согласиться, что не все примеры межъязыковых сопоставлений безукоризненны, но сама идея поиска языкового родства правильна. Базируется она на (почти) общепризнанной парадигме моногенеза человека, если исходить из концепции, что бореальные (ностратические) языки связаны с людским потоком, который пошел на север от Околосредиземноморья, затем перевалил через Уральские горы и ушел в Сибирь до Байкала. Н.Д. Андреев (1986) сделал попытку обрисовать состояние первоязыка бореальных мигрантов на период выделения из него индоевропейского языка. По его мнению, ностратический (бореальный) язык имел изолирующий строй (по морфологической классификации), подобно китайскому (см. выше). Корневые основы состояли из двух согласных. Гласный внутри таких слов-слогов характеризовался заданным тембром. Частей речи не было, единственным способом словообразования было корнесложение. Слова аффиксально не оформлялись. Уда-

рение ставилось на одном слоге. Бореальный язык оформился, по мнению Н.Д. Андреева, на обширных пространствах от Рейна до Алтая. Часть племен, превратившихся в носителей уральских языков, обитала между Днестром и Уралом, носители будущего алтайского языка освоили пространства между Уралом и Алтаем. Индоевропейский язык формировался между Рейном и Днестром. Время существования языка определялось концом верхнего палеолита. В.П. Нерознак (1988, с. 37) назвал фантастической попытку Н.Д. Андреева реконструировать как фонологическую, так и морфологическую систему и семантический уровень бореального состояния языка. В опыте критик увидел неудержимый произвол. Однако В.П. Нерознак допускал возможность реконструкции до глубины V-II тыс. до н.э. при условии, что будет воссоздана система закономерных соответствий на всех уровнях – от фонетико-фонологического до лексико-семантического. Нас в оценке опыта Н.Д. Андреева интересуют два момента:

является ли идея реконструкции праязыка сама по себе нереальной или

использованные автором методы реконструкции недостаточны для достижения этой цели.

Судя по отзыву, В.П. Нерознак склонен ко второму варианту ответа.

Не обладая столь глубокими лингвистическими познаниями, чтобы ревизовать реконструкции корней-слов ностратического языка, сделаем некоторые замечания по его ареалу.

Восточная граница ареала ностратического (бореального) языка должна быть отнесена, по нашему мнению, к Забайкалью. В Предбайкалье имеются памятники Мальта и Буреть (20-24 тыс. лет), оставленные выходцами из Европы. Естественно ожидать, что эти стоянки (поселения) не были последними по маршруту. Западная граница ностратических языков доходила до Атлантики на широте Средней Европы. Носителями ностратического языка были, очевидно, палеоевропейцы (кроманьонцы) в их нескольких вариантах.

С.П. Толстов (1946) предполагал, что палеоевропейцы в Северной Европе поздно сошли со сцены. В условиях болотно-лесного окружения в междуречье Рейна и Эльбы, в Ютландии, на юге Скандинавии группы палеоевропейцев (кроманьонцев) – охотников и рыболовов сохранились дольше, чем в других регионах. Не раньше второй половины I тыс. до н.э. это население

европеизировалось (по языку) пришлыми с юга и запада кельтами и с востока иллиро-фракийцами.

В системе ностратических языков рассмотрим его "производные".

Индоевропейские языки. Вычленение индоевропейского из ностратического (бореального) языка, по разным сведениям, произошло во время от конца палеолита (9-10 тыс. лет) до начала II тыс. до н.э. По мнению Н.Д. Андреева, ранний индоевропейский язык долгое время сохранял типологию, унаследованную от бореального. Н.Д. Андреев реконструировал 203 двусогласных корневых слова, которые образуют несколько семантических групп с общими понятиями. Эти "поля" позволяют раскрыть некоторые стороны жизни ранних индоевропейцев. Они занимались охотой и рыболовством, но уже перешли на оседлый образ жизни, так как некоторые корни обозначают "огороженное стойбище", "жить оседло". Известны и трудовые процессы: "срубить дерево", "бить", "оббивать". Выявляется употребление орудий: "широкий каменный топор", "скребок", "тесло". В семейственных отношениях была свойственна матрилокальность. Элементы ландшафта, выражены корне-словами, характеризуют пересеченную местность, залесенную, заболоченную, богатую водами. Место появления индоевропейских языков не известно. Предлагаются варианты: Передняя Азия (Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., 1984), Европа от Рейна до Днепра (Андреев Н.Д., 1986), Балканы. Нами также предложена упрощенная схема размещения основных этнических (языковых) групп раннего населения Европы (рис. 33).

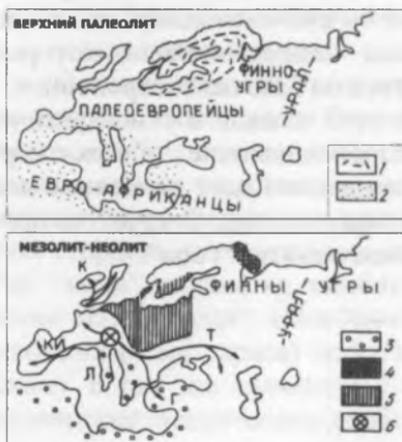


Рис. 33. Древнее население Европы и Западной Сибири:

1 – ледник; 2 – околосредиземноморское население; 3 – потомки околосредиземноморцев (евроафриканцев); 4 – палеоевропейцы (по языку); 5 – германо-балтославяне, 6 – родина кельтов (стрелками показаны пути миграции кельтоязычных групп: Т – тохары, Г – галаты, Л – лигурийцы, КИ – кельтоиберы, К – кельты Британских островов и Ирландии)

Наиболее ранней группой из исторически известных индоевропейцев, очевидно, были кельты. В Северной Евразии кельты занимали обширные пространства – от Иберийского (Пиренейского) полуострова до северных предгорий Кавказа. Есть сведения, что кельтоязычные галаты проникали через Балканы в Малую Азию. Ныне сохранились только ирландский, гальский, валлийский и бретонский языки. Недавно исчезли языки мэнский, корнский, кельтиберский, лепонтийский, галльский. Предположительно к группе кельтских языков относится и древний тохарский. Есть предположение, что в Северном Прикаспии и Причерноморье на кельтском-тохарском языке говорили носители древнейшей культуры (IV-III тыс. до н.э.). Наиболее архаичными являются континентальные кельтские языки (кельтиберийский, лепонтийский, галльский). Они сохранили элементы, которые позволяют выявить последовательность изменений во всей группе кельтских языков.

Является ли кельтская группа прямой наследницей палеоевропейского (ностратического) языка – сказать трудно, так как письменные памятники на их языке сохранились только с V в. до н.э. Однако кельты, носители латенской культуры (V-I вв. до н.э.), в пределах Германии (Баден, Вюртемберг, Бавария, Южн. Саксония, Силезия) в своем антропологическом типе повторяют кроманьонцев: у них также невысокое лицо, сильно выступающий нос. И даже было отмечено, что древние кельты имели голубые глаза (Чебоксаров Н.Н., 1946). Кельты вышли, возможно, из Богемии (Нерознак В.П., 1988, с. 41) и расселились на огромной территории. И селились они, конечно, не на пустой. В пору своей максимальной экспансии они наслоились на доиндоевропейцев и/или другие группы индоевропейцев, которые могли к тому времени сформироваться на базе палеоевропейцев.

Семитские языки. Положение этих языков в ностратической семье нам не ясно. С одной стороны, наличие общих с корнями в словах других ностратических языков дает основание для включения семитского языка в эту макросемью. В качестве примера можно привести общебореальное понятие "гора":

Кушитские

- сомали *кар*
- квара *гарра*
- анфилла *гура*
- талама *гуараа*
- оромо *гааро*
- бворо *гууроо*

Финно-угорские

- саам. *кар*
- коми *гера*

Кетские

- арин. *кар*

Тюркские

- казах. *кара* "каменная сопка"

Семитские

- иврит *хар*
- араб. *кар, кара*
- Сахара (язык неизвестен)
- *гара* "скалистый останец"

Индоевропейские

- санскр. *гири*
- др.-инд. *гирис*
- авест. *гири*
- тадж., афг. *гар*
- язгул. *гар* "скальная вершина"
- слав. *гора*
- груз. *гори*
- арм. *кар* "камень".

Но с другой стороны, семитские языки были изолированы от основного ареала бореального мира Европы и Сибири: между ними компактно проживали древние неиндоевропейские народы околосредиземноморской общности (хатты, хурриты, урарту и др.). При такой изоляции семитские языки не могли непосредственно контактировать с другими языками бореальной (ностратической) семьи. Возможны два объяснения сложившейся ситуации:

индоевропейцы изначально жили в Передней Азии, где предки семитов могли контактировать с ними (гипотеза Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова),

индоевропейские языки Европы и семитские языки Передней Азии, развиваясь конвергентно, приобрели типологические признаки, которые позволили включить их в ностратическую макросемью.

Если исходить из того, что физические европейцы являются потомками выходцев из Околосредиземноморья, то можно предположить, что ряд корней слов, лексем околосредиземноморских языков вошли в состав индоевропейских. Нами уже приводился пример соответствия лат. *aqua* "вода", хетт. *equ, aqu* "пить", с одной стороны, и кушитские: праформа **Ak^w*, билин *°Ak^w*, хамир *Ak^w* "вода", сидамо *ag*, комбатте *ag*, арборе *iki*, галеба *ik* "пить", ямма *ak(ka)* "вода", *akka* "пить" - с другой. Удивительно в кушитских (язык дараса) *vode* "вода", столь близкое индоевропейскому с тем же значением. Не менее удивительны тюркско-шумерские лексические схождения (Сулейменов О., 1975), из-

вестные и ранее, однако лингвистами всерьез не воспринимаемые (Немет Ю., 1963).

Объективно первая версия более предпочтительна, хотя и не вписывается в нашу парадигму ранних миграций человека разумного. Любопытно, что, по данным С.П. Толстова, в германских языках есть хамито-семитские (афразийские или кушито-семитские – по поздней терминологии) и урало-алтайские признаки. Если это действительно так, то германские языки сохранили некоторые архаичные признаки более раннего состояния индоевропейских языков. Очевидно, переднеазиатским (кушитским) наследием являются в германских: нем. Mann, англ. man "человек" (ср. сомалитип "самец", камбатта таппа "человек, мужчина", сидамо таппа "человек", хадийя манчо "люди", тамбаро тапа "человек, мужчина"). Сюда же можно включить и дравид. тапе "человек".

Финно-угорские языки. Включение финно-угорских в бореальную макросемью вполне правомерно и подтверждается этногенетическими реконструкциями. Физические предки их связаны с бореальным миграционным потоком (см. выше).

Алтайские языки. Немало исследователей твердо убеждены в родстве уральских и алтайских языков и существовании в прошлом урало-алтайской общности. Это автоматически и положительно решало бы вопрос о включении алтайских языков в бореальную языковую макросемью. Более того, имеются суждения о родстве индоевропейских и урало-алтайских языков. Так, К.И. Петров (1969) считал, что это родство бесспорно и уходит в далекие времена становления речи человека разумного на доагглютинативной и дефлективной стадии языков, а по относительной хронологии – ко времени пастушеско-охотничьей стадии хозяйства и первобытнообщинного строя. А.П. Дульзон (1969) также благосклонно относится к идее родства индоевропейских и урало-алтайских языков и, даже, кетских и индоевропейских (Дульзон А.П., 1971).

На наш взгляд, вопрос о включении алтайских языков (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) в бореальную языковую семью не решается однозначно. И сложность решения этого вопроса заключается в несоответствии физического типа носителей этих языков с физическим типом участников бореального миграционного процесса. За малым исключением, все "алтайцы" являются представителями большой монголоидной расы, но

ее центральноазиатского варианта. Это высоколицые монголоиды, которые имеют иные генетические корни, нежели сибирские (таежные) монголоиды с низким лицом (см. выше). Низколицые монголоиды, говорящие на языках алтайской семьи (тувинцы-тоджинцы, тофалары, чулымские тюрки, западные эвенки), еще в недавнем прошлом говорили на языках неалтайского типа. Если появление в Азии монголоидов с высоким лицом (центральноазиатский тип) связывать с южными (аустрическими) мигрантами, то и язык их не должен изначально относиться к бореальным (ностратическим). Да и история свидетельствует о том, что носители всех трех алтайских языков (тюрки, монголы, тунгусы) являются недавними насельниками Сибири. Тюрки появились в Сибири примерно 2 тыс. лет, тунгусы к Енисею вышли и того позже. Родина всех этих групп была в Восточной Азии (Восточная Маньчжурия, долина р. Хуанхэ). А это уже сфера влияния южных (аустрических) мигрантов.

В связи с этим особый интерес вызывает публикация А.Г. Каримуллина (1976). Автор обратил внимание на удивительное сходство, даже полное тождество некоторых слов в языках майя (Центральная Америка) и тюркских:

<i>Язык майя</i>	<i>Тюркские языки</i>
<i>йаш</i> "зеленый, новый"	- <i>яшь</i> "молодой"
<i>ош</i> "3"	- <i>өч</i> "3"
<i>ах-че</i> "охотник"	- <i>аучи</i> "охотник"
<i>к'ун</i> "солнце"	- <i>көн</i> "солнце"
<i>аак</i> "светлый"	- <i>ак</i> "белый"
<i>бака</i> "жаба, лягушка"	- <i>бака</i> "лягушка"
<i>ик</i> "2"	- <i>ике</i> "2"

Швед Стиг Викандер также считает родственными языки майя и тюркские (языки майя произошли от алтайских). Мы даем иную интерпретацию данных сходжений. Наша версия исходит из того, что носители алтайских языков и сами языки сформировались в зоне влияния северной (тихоокеанской) ветви южного (аустрического) потока первых мигрантов. Сравнительно недавно они мигрировали на север, в Сибирь. В Сибири они ассимилировались в языковом отношении низколицых монголоидов, имевших совершенно иное происхождение и иной язык. Именно это освоение языка высоколицых монголоидов низколицыми (сибирскими) и создало ложное представление о родственности - физической и изначальной языковой - всего современного монголо-

идного населения Сибири. Большинство исследователей, особенно археологами, это, к сожалению, не учитывается, что приводит к неверным этногенетическим построениям.

Картвельские языки. Эти языки некогда объединялись с горско-дагестанскими и адыго-абхазскими в кавказскую группу. Ныне они образуют самостоятельную семью и включаются в бореальную макросемью. Мегрельский и лазский образуют занскую группу и иногда рассматриваются как единый занский язык. Сванский обладает рядом архаизмов. Близость ареала картвельских языков к ареалу неиндоевропейского населения Малой Азии в древности требует обоснования включения их в бореальную макросемью.

Река Кызыл-Ирмак в Малой Азии в глубокой древности носила имя Галис, что может восходить к мегр. *yal* "ручей", груз. *yelo/yele* "речка". Это наводит на постановку вопроса, не с территории ли древних хаттов пришли на Кавказ предки картвельцев? И не являются ли они потомками этих неиндоевропейцев, с которыми в родственных отношениях находятся нахско-дагестанские и адыго-абхазские народы? К тому же в картвельских языках известны заимствования (или реликты?) древних языков Малой Азии.

Однако антропологические исследования, обобщенные В.П. Алексеевым (1989, с. 280 и др.), показывают, что древнее население Кавказа имело кавкасионский тип, сближающий его с палеоевропейским типом населения Западной Европы эпох верхнего палеолита и мезолита. В Восточной Европе этот тип сохранился еще в неолите и эпоху бронзы. Для палеоевропейского, кроманьонского в широком понимании этого слова, были характерны широкое лицо при небольших высотных диаметрах и некоторая уплощенность лицевого скелета на уровне назомаллярных точек. Для кавкасионского типа были характерны эти же признаки. Особенно ярко эти особенности выражены у хевсуров, которые в наиболее чистом виде сохранили кавкасионские черты. Антропологические данные показывают, что предки картвелов в древности являлись частью бореальной популяции и язык их позволяют включить картвельские в состав бореальной (ностратической) макросемьи. Древнее население Малой Азии на территории хаттов обладало иным антропологическим типом. Это были европеоиды с высоким и очень узким лицом, выступающим носом (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 418). Избежать этого

противоречия (малоазиатское происхождение языка и палеоевропейский физический тип его носителей) можно лишь предложив версию о заимствовании палеоевропейским населением Кавказа языка пришельцев из Малой Азии. Но эта версия требует дополнительных исследований и новое осмысление идей Н.Я. Марра.

Объем бореальной макросемьи. В классическом представлении бореальная (ностратическая) макросемья включает индоевропейскую, афразийскую, картвельскую, уральскую, алтайскую и дравидскую языковые семьи. Исследования зарубежных лингвистов в последнее время изменили объем макросемьи. Бывший советский лингвист А.Б. Долгопольский предложил дополнить её эламским, нивхским и чукотско-камчатскими языками. Американец Дж. Гринберг на базе бореальной (ностратической) макросемьи предложил сформировать евразийскую. Он исключил из ностратической макросемьи афразийские, картвельские и дравидские языки и включил японский, айну, нивхский, чукотско-камчатские и эскимосско-алеутские (Рулен М., 1991).

Согласно нашей версии о формировании первых макропопуляций человека, бореальная макросемья может включать только языки индоевропейские, уральские, ительменский, возможно, картвельские и юкагирский. Носители этих языков и физически составили в прошлом бореальную популяцию.

Дравидские языки. Принадлежность дравидских языков к бореальной макросемье требует особого критического осмысления. С одной стороны, сходства лексические достаточно многочисленны и убедительны, особенно при сравнении с финно-угорскими. Но с другой - физические дравиды, носители этого языка в Передней Азии, не участвовали в создании бореальной популяции. Включение дравидских языков в бореальную группу оправдано только с формально-типологической стороны. Возможно, что его следует включить в предковую группу околосредиземноморских языков, наравне с кушитским, горско-дагестанскими и др.

Африканская макросемья. Ныне в Африке насчитывается от 1100 до 1700 языков, в разной степени изученных. Произвести генетическую классификацию этих языков, конечно, очень нелегко. Тем не менее усилия ученых завершились созданием классификации, которую лингвисты восприняли очень хорошо. Американский лингвист Дж. Гринберг в 1949-1954 гг. опубликовал несколько статей, а затем и книг, в которых предложена генети-

ческая классификация языков Африки. Наиболее полно она рассмотрена на русском языке В.Я. Порхомовским (1982). В этой классификации выделены языковые семьи (рис. 34):

афразийская (семито-кушитская, семито-хамитская), включающая языки семитские, берберские, кушитские, чадские и вымершие древнеегипетские,

нило-сахарская, в которую входят шесть языковых групп (сонгаи, сахарская, маба, фур, шари-нильская, кома),

конго-кордофанская (нигеро-кордофанская), которая объединяет кордофанские языки (пять групп языков населения Республики Судан), и нигеро-конголезские (шесть групп языков населения обширной территории южнее Сахары, за исключением Центрального Судана, Восточной и Юго-Западной Африки),

койсанская, в которую входят языки бушменов и готтентотов Юго-Западной Африки и языки сандава и хатса в Танзании.

Эти языковые семьи хорошо увязываются с основными группами населения, сформировавшимися на территории Африки в разное время.

Афразийская семья очень неоднородна по составу и обоснованно вызывает недоверие в правомочности её выделения. Кушитская группа языков очень древняя. Как и берберская, она является осколком самой древней языковой общности – околосредиземноморской. Язык берберов тоже очень древний, как и потерянный язык гуанчей Канарских островов. Еще сложнее обстоит дело с чадской группой языков. Здесь возможны две версии:

чадцы говорят на языке ассимилированных пришельцев с севера,

чадцы со своим языком оттеснены Сахарой в зону саванн.

Но в любом случае их следует рассматривать как языковый (возможно, и физический) компонент околосредиземноморского наследия. Арабы являются, по нашему мнению, сравнительно недавними пришельцами из Передней Азии (Аравия?) и инородным элементом среди древнего населения Северной Африки.

Конго-кордофанская и нило-сахарская семьи принадлежат населению собственно негроидного типа. Они выделились из средиземноморской общности сравнительно недавно, в неолите, возможно в мезолите. Это те группы, которые В.П. Алексеев сближает с европеоидами (по происхождению; см. выше). Само-

зародился очаг монголоидного расообразования, конкурирующий с негрским очагом. Так здесь возникли негро-монголоиды или, наоборот, монголо-негроиды.

Пространственно-генетическое соотношение языковых групп показано на рис. 35.

Еще о языке

"Все языки родственны, и вопросом, нуждающимся в выяснении, выступает не факт родства, а его степень" – так написал американский лингвист М. Рулен (1991, с. 16). Нетрудно произнести эти слова, столь приятные моему сердцу, трудно привести доказательства сказанному. Большинство исследователей решают эту проблему на основе анализа общих лингвистических данных. Чаще всего исследуются корни слов в сравниваемых языках, так как "...тотальное распространение какого-либо корня, а не простое его наличие в той или иной семье языков определяет его таксономическую значимость" (Рулен М., 1991, с. 16).

Вернемся к уже изложенному. Наш сапиентный предок имел внешний вид, который в наибольшей полноте сохранился у современных австралийцев. Все народы мира – индеец американских прерий и хант с Васюгана, якут из Восточной Сибири и "друг степей калмык", негр из Африки и кавказский горец должны смотреть на австралийца как на своего далекого дедушку. И пытаться поговорить с ним. Состоится ли разговор? Поймут ли потомки своего предка, сохранили ли потомки кое-что из того языка, на котором говорил далекий предок? М. Рулен оптимистично смотрит на этот эксперимент. И предлагает конкретные примеры из разных языковых семей, в том числе из австралийской.

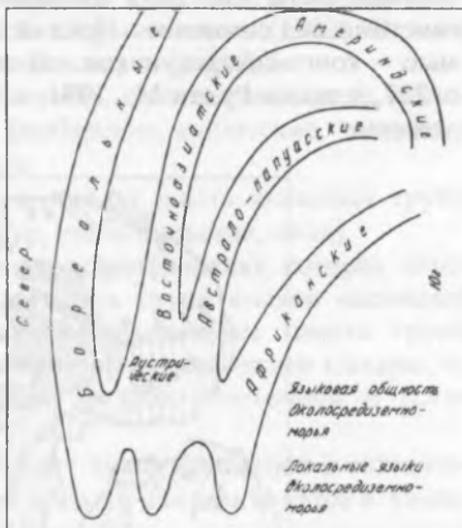


Рис. 35. Пространственно-генетическая схема языков

В австралийском реконструируется *bungu "колени" с семантическим расширением – понятиями о предметах, которые сгибаются (излучина реки, волна и пр.) в современных различных языках:

- *buku - протоавстронезийск. "сустав, сочленение, узел",
- *wVnk *wV - протокавказское "угол, изгиб",
- *bük(ä) - протоалтайское "склоняться" (уйг. bük "согнуть колени", якут. бүк "сгибаться", халха-монг. бoх(оn) "горб верблюда", эвенк. buku "склоненный, изогнутый"),
- *bheug(h) – протоиндоевр. "склоняться",
- *bóngó – протобанту "колени" (идентично протоавстрал. корню!),
- (si)-buk – чумаш (сев.-амер. индейцы) "локоть",
- (mi)-puk – валапай (сев.-амер. индейцы) "колени",
- buka – гуамака (южноамер. индейцы) "колени, локоть",
- roku – иранше (южноамер. индейцы) "поклон".

Еще примеры из межязыковых соответствий, по материалам В.М. Иллич-Свитыча, П. Бенедикта, М. Рулена, Р. Диксона, Б. Блейка для понятий "два", "близнецы", со сдвигом "половина, доля, сторона":

- *bula – протоавстр. "два",
- *pula - пама-ньюнган (австрал.) "они-двое",
- boula, roalih – тасман. "два",
- *?(m)bar – протоавстроазиат. "два" (сантали bar, йех bal, кхму bar),
- *(a)war – протомяо-мяо "два",
- bala – нимбари (нигеро-конгские языки) "два",
- *badi – протобанту "два",
- bar-(si) – нубийск. (нило-сахарские языки) "близнецы",
- warē – мерарит (нило-сахарские языки) "два",
- bara - кунама (нило-сахарские языки) "пара",
- *pal – протоиндоевроп. "половина" (алб. "сторона, часть, пара", русск пол "половина", санскр. (ka)-palam "половина"),
- *pāñ/pole – протоур. "половина" (нен. peele "половина", сельк. пe-ле "половина", венг. fele "половина, одна из двух сторон", манси pāñ "сторона, половина, удм.pal "сторона, половина"),
- *pal – протодравид. "часть, порция" (тамил. pal "часть, порция, доля", телугу pālu "доля, порция", парджи rela "порция"),
- palo(-l) – винтун (амер. индейцы) "два",
- p'ala – ваппо (амер. индейцы) "два",
- apool – хуаве (амер. индейцы) "расколоть надвое",
- palu – колорадо (амер. индейцы) "два",
- pa?lin – сабане (амер. индейцы) "два".

М. Рулен считает, что число таких совпадений достаточно для суждения о родстве всех языков. Обычно же исследователь оперирует меньшим числом корневых схождений, что не всегда дает желаемые результаты: возможные заимствования не могут подтвердить родство языков. Показательны заимствования понятия "зверь" в языках пространственно удаленных:

Индоиранские

джанвар – перс.
чанвар – курд.
джанавар – хинди
джунавар – бенг.

Тюркские

джанавар – туркм.
зынувар – тоб. тат.
зenuар – бараб. тат.

Нахско-дагестанские

джанавар "волк" – хина-луг., цахур.
жанавур "волк" – лезг.
жанавар "волк" – табасар.

Предполагается заимствование из индоиранского. Этот же термин "зверь" в других, но также неродственных языках представлен иными близкими лексемами: араб. *гайвань*, хив. (ир.) *хайвань*, ног. *айван*, чечен. *хейбань*. Предполагается заимствование из арабского. Территориально функционирование термина приурочено к региону с сильным мусульманским влиянием.

О возможности широкого заимствования слов и далекого их путешествия может служить пример "расселения" слова *арака* "водка":

Картвельские

агаq – груз.
hагаq – сван.

Горско-кавказские

агаq – лакск.
агаq – авар.
qhагаqh – ингуш.
агаk – тушет.
агаqа, аqа – каб.-черк.
аьрaкъи – удинск.

Индоевропейские

ракия – болг.

Кетские

арага – арин.

Айнский

аракке – айну

Финно-угорские

арака – марийск.

Нивхский

арак – нивх.

Алтайские

агака – балкар.
арак – кирг., кара-калп., ног.
арага – тув.
арагы – алт.
арк – калм.
архи – монг.
арки – маньчж.
араки – ульч., нанайск.

Нельзя признать удачным этот пример, так как анализируемый термин является культурным (если только употребление алкоголя можно отнести к явлениям культуры). Само слово *арака* и другие варианты его являются, по мнению большинства лингвистов, арабским по происхождению: "пот", "испарина", продукт перегонки. Однако и в иранских оно известно в том же значении: ишкaшим. *арка* "пот", вахан. *арак* "пот, испарина". Такого рода лексические схождения могут быть отнесены к разряду блуждающих терминов. Они свидетельствуют о давних контактах и передаче термина через несколько языков. В частности, нивхи и

айны название алкогольного напитка получили от тунгусо-манчжур, которые заимствовали его от монголов, а те, в свою очередь, от тюрков, которые долгое время контактировали в Синьцзяне с иранцами. Последние были авторами термина или заимствовали его от арабов. Заимствования неравнозначны по "весу": финно-угорские языки практически избежали заимствования термина *арака*. Наиболее широко он использован тюрками.

Другим примером заимствования "культурного" термина является появление в лексиконе сибирских народов китайского названия курительной трубки *ганза/хангса/хамса*:

- канса* – ительмены,
- ганча* – тунгусы,
- канса* – эвены (схот. диалект),
- кан'ча*, - курейские кеты,
- канса* – кеты-имбаки,
- канцан* – селькупы,
- känsä, käsnä* – ваховские ханты,
- kasna* - васюганские, аганские ханты,
- канъза* – кумандинцы,
- каңза, таңза* (кангза, тангза) – сойоты
- кан(г)за* – алтайцы,
- даңза* – тофалары, тувинцы,
- хан(г)за* - хакасы,
- кан(г)за* – зап.-сиб. татары.
- ганза, кан(г)за* – уйгуры Синьцзяня,
- кан(г)за* – желтые уйгуры,
- гаансиан* – совр. монголы.
- ганса* – буряты,
- ханз* – калмыки,
- қаңса* – ойраты,
- үаңса* – монголы средневековья.

Пример с заимствованием из иранских в языки некоторых народов Сибири культурного термина "хлеб" (см. стр. 180).

Конечно, явные заимствования играют ограниченную роль в решении вопросов этногенеза и выявления близких родственных связей языков и народов. Большой интерес представляют сходжения в базовой лексике, как это показали некоторые примеры, приведенные выше (понятия "колени", "два" < из понятия "двойственность"?).

Вернемся к утверждению М. Рулена, с которого мы начали этот раздел: "Все языки родственны". Уверенность в этом

М. Рулена (M. Ruhlen) основана на представлении о живучести основных элементов языка – корнеслов. Сравнительный анализ корней базовых слов, по его мнению, является достаточным для поисков далекого родства языков и народов. На основании этого исследователь пришел к выводу о существовании в далеком прошлом праязыка, который протоавстралоидами был разнесен по всей планете. Языки австралийцев, наиболее близко стоящих к первопредкам, в силу изоляции на материке изменялись в меньшей степени, чем другие, и сохранили больше черт праязыка (Р.М.У. Диксон). Поиски корней, общих для языков всех семей, конечно, метод более перспективный для установления их родства, нежели классификации языков по формально-типологическим признакам. Достаточно сказать, что углубленный анализ формальных признаков языков привел к тому, что ставится под сомнение родство алтайских языков (монгольского, тюркского и тунгусо-маньчжурского), ставится под сомнение былое единство, а следовательно, и родство индоиранских языков (Макаев Э.А., 1970).

Автор к проблеме поисков изначального и раннего родства народов и языков подошел с иных позиций. Членение человечества на мегапопуляции (бореальную, аустрическую и африканскую) является первым опытом дробления единого антропологического поля на ареалы, в которых уже самостоятельно протекали процессы расообразования и языкотворчества. Ареалы мегапопуляций в ходе миграций расширялись, связи между людскими коллективами ухудшались или прерывались. Это привело к дальнейшей локализации групп населения в различных природных условиях и возникновению инноваций в языках. Эти инновации в ряде случаев были столь велики, что прежде узнаваемые языки разошлись так далеко, что возникла иллюзия полного отсутствия недавнего родства.

Вместо заключения

Автор не тешит себя надеждой, что его взгляды на ранние миграции человека и формирование популяций, развитие языка и связь языковых семей с этими популяциями будет благожелательно принята специалистами, особенно палеоантропологами. Всегда можно найти, ссылаясь на недостаточность фактов, слабую доказательность выводов и построений. Всё это, как говорится, имеет место, и я не буду пытаться вступить в полемику с

оппонентами. Я позволю себе только привести обширную выдержку из первой лекции ботаника С.И. Коржинского, прочитанной им студентам Томского университета 1 сентября 1888 г. - в день его открытия. Лекция называлась "Что такое жизнь?". Но не содержание лекции нас интересует. В данный момент, больший интерес представляют взгляды лектора на суть науки. "Таково уж свойство человеческого ума, что как только удовлетворены все насущные житейские потребности, человек стремится постигнуть смысл окружающих явлений, подметить законы, по которым они совершаются. Он делает наблюдения, собирает факты, выводит заключения; но чем глубже проблема, тем слабее, ничтожнее кажутся фактические знания, которыми обладает человечество, и страстная потребность ума найти решение волнующих его вопросов удовлетворяется иным путем - тем полетом мысли, который называют воображением.

Таким образом, два орудия находятся у человечества - факты и гипотеза; два направления - эмпиризм и философия... Факты есть основа науки; они лежат и в основе всякой гипотезы... Факты имеют значение абсолютное, теории и гипотезы - лишь относительное. Однако одни факты еще не составляют науки. Грубый эмпиризм не может удовлетворить запросов ума. Работа ученого не может состоять лишь из собирания фактов. Для него необходимо возвышаться над фактами, осматривать их с высоты птичьего полета, стремиться уловить внутреннюю связь явлений, восполняя пробелы воображением, намечая пути новых исследований. Если рассматривать вблизи какую-нибудь картину, то мы увидим лишь мазки кисти и грубые очертания. Чтобы уловить идею картины, чтобы постичь ее красоту, нужно отойти на некоторое расстояние. Факты есть строительный материал, теория - план будущего здания. Во время постройки план может много раз меняться, строительный материал идет в дело так или иначе, но без плана нельзя вывести здание. Так без теории не может существовать наука" (с. 23-25).

Автор привел столь обширное заимствование из чужой работы не потому, что не смог написать нечто подобное. Просто примечательно, что более 100 лет назад была четко сформулирована идея о соотношении фактов и теоретических построений.

В завершение, еще некоторые чужие мысли. Тур Хейердал, помнится, в какой-то из своих книг писал, что нынешний исследователь похож на рудокопа, который копает выработку в глубь,

не видя, что делается рядом с ним, и выкладывает аккуратно на поверхность добычу. И необходим еще один человек, который ходил бы по поверхности, собирал добытое, и из него создавал бы общую картину. Автор уподобился этому человеку.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* Н.Я. Марр (1864-1934). К 25-летию со дня смерти//Вопр. языкозн. 1960. № 1. С. 91-97.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука. 1969. 324 с.
- Алексеев В.П.* В поисках предков. Антропология и история. М.: Сов. Россия. 1972. 303 с.
- Алексеев В.П.* География человеческих рас. М.: Мысль, 1974. 325 с.
- Алексеев В.П.* Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль. 1985. 239 с.
- Алексеев В.П.* Этногенез. М.: Высшая школа. 1986. 176 с.
- Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. М.: Наука. 1989. 446 с.
- Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. М.: Высшая школа. 1990. 251 с.
- Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. М.: Мысль. 1977. 304 с.
- Андреев Н.Д.* Раннеиндоевропейский праязык. Л.: Наука. Ленигр. отд-ние. 1986. 328 с.
- Андронов М.С.* О характере декано-уральских аналогий//Языковые универсалии и лингвист. типология. М.: Наука. 1969. С. 308—321.
- Ануфриева З.П.* Субстратная топонимия угорского происхождения в бассейне Печоры//Мат-лы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. Т.2. М.: Наука. 1980. С.11-13.
- Бадер О.Н.* Человек, его культура и природная среда северного края европейской ойкумены//Первобытный человек, его матер. культ. и природн. среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 117-125.
- Бокарев Е.А.* Задачи сравнительно - исторического изучения кавказских языков//Вопр. языкозн. 1954. № 3. С. 41-53.
- Бунак В.В.* Происхождение речи по данным антропологии//Происх. человека и древнее рассел. человечества: Тр. Ин-та этногр. 1951. Т. 16. С. 205-290.
- Бунак В.В.* Человеческие расы и пути их образования//Сов. этногр. 1956. № 1. С. 86-105.
- Валуа А.В.* Палеоантропологические материалы из мезолитических могильников в Бретани//Кратк. сообщ. Ин-та этногр. 1958. Вып. 28. С. 98-102.
- Войно М.С.* Речь как одна из важнейших специфических особенностей//У истоков человечества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. С. 244-280.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультур. Ч. 2. Тбилиси, 1986. С. 433-1330.

- Георгиев В. Вопросы родства средиземноморских языков//Вопр. языкозн. 1954. № 4. С. 42-75.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 582 с.
- Герасимов М.М. Люди каменного века. М.: Наука, 1964. 170 с.+XVI табл.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов//Сб. Музея антропол. и этногр., 1980. 36. С. 5-34.
- Гражданников Е.Д., Холушкин Ю.П. Системно-хронологическая модель антропогенеза//Методы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С.22-32.
- Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 280 с.
- Давыдова Г.М. Формирование северных манси как народа уральской расы//Этнич. связи народов Сев. Азии и Америки по данным антропол. М.: Наука, 1986. С. 174-197.
- Дебец Г.Ф. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошково//Сов. этногр.1955. № 3. С. 63-73.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Афганистане//Сов. этногр. 1967. № 4. С. 75-93.
- Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А., Чебоксаров Н.Н. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным//Тр. Ин-та этногр. 1951. Т.16. С. 409-460.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение. Введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.
- Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и верхней Колымы. М.: Наука, 1977. 392 с.
- Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб., 1993. 304 с.
- Долгопольский А.Б. Какие языки родственны европейским?//Наука и человечество. 1971/1972. М. 1972. С. 106-119.
- Долгопольский А.Б. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М.: Наука, 1973. 398 с.
- Донских О.А. К истокам языка. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 192 с.
- Дремов В.А. Антропологические данные о южных связях населения Сибири в эпохи неолита и бронзы//Хронология и культ. принадл. памятников камен. и бронз. веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 41-43.
- Дульзон А.П. Гипотеза об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими//Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 108-110.
- Дульзон А.П. О некоторых общностях енисейских языков с индоевропейскими// Уч. зап. Том. гос. ун-та. 1971. № 74. С. 173-175.
- Дыбо В.А. Ностратическая гипотеза (итоги и проблемы)//Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1978. № 5. С. 400-413.
- Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М.: Наука, 1967. 492 с.
- Замятин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода//Тр. Ин-та этногр. 1951. Т. 16. С. 89-152.
- Зубов А.А. Человек заселяет планету. М.: Географгиз, 1963. 175 с.
- Иванов Вяч. Вс. Древневосточные связи этрусского языка//Древний Восток. Этнокульт. связи. М.: Наука, 1988. С. 208-218.

- История и культура ительменов. Историко-этногр. очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 208 с.*
- Кабо В.Р.* К вопросу о происхождении австралийцев и древности заселения Австралии (по антропологическим материалам)//*Вопр. антропол.* 1961. Вып. 7. С. 77-94.
- Каримуллин А.Г.* К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими//*Вопр. геогр. США. Л., 1976. С. 114-122.*
- Кацнельсон С.* К генезису номинативного предложения. М.-Л., 1936. 112 с.
- Климов Г.А.* Общий очерк теории эргативности. М.: Наука, 1973. 264 с.
- Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. 320 с.
- Климов Г.А.* Принципы континентальной типологии. М.: Наука, 1983. 224 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.А., Степанова Н.Ф.* Погребение из Нижнетыткескенской пещеры I (Алтай)//*Палеозкол. и расселение др. человека в Сев. Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 282-286.*
- Козлов С.К.* Одиссея народа фульбе//*Глазами этнографов. М.: Наука, 1982. С. 76-100.*
- Кордратов А.* Адрес – Лемурия? Л.: Гидрометеиздат, 1978. 136 с.
- Коржинский С.И.* Что такое жизнь? Вступительная лекция. читанная 1-го сентября 1888 года при открытии преподавания в Императорском Томском Университете. Томск, 1888. 48 с.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древний Китай. Проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. 343 с.
- Ларичев В.Е.* Верхнепалеолитические памятники Китая, датированные радиоуглеродом//*Изв. СОАН СССР. Сер. обществ. наук. 1978. № 1. Вып. 1. С. 122-135.*
- Лаухин С.А.* История геологического развития Северной Азии в плиоцене-плейстоцене и этапы заселения палеолитическим человеком. Автореф... дисс. докт. г.-м. н. М., 1996. 67 с.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Древнее расселение человечества в Вост., Юго-Вост. Азии//*Тр. Ин-та этногр., 1951. Т. 16.*
- Леонтьев А.А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 140 с.
- Липский А.Н.* Ямки-кладовочки костенковского типа на р. Абакан//*Мат. и иссл. по археол., этногр. и истории Краснояр. кр. Красноярск, 1963. С. 11-26.*
- Лисицын Н.Ф.* О "трансконтинентальных" и "местных" миграциях в позднем палеолите Южных районов Сибири//*Палеодемогр. и миграц. процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 27 – 29.*
- Лисицын Н.Ф., Лисицын С.Н.* К вопросу о миграциях из Восточной Европы в Сибирь в позднем палеолите//*Там же. С. 29 – 31.*
- Майр Э.* Зоологический вид и эволюция. М.: Мир, 1968. 598 с.
- Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 384 с.
- Макаев Э.А.* Проблема индоиранского единства//*Актуальн. вопросы иранистики и сравнит. индоевроп. языкозн.: Тезисы докл. М., 1970. С. 4-7.*
- Малолетко А.М.* Опыт реконструкции языковой принадлежности носителей культур эпохи бронзы Западной Сибири//*Методич. пробл. реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 191-206.*

Малолетко А.М. О языке и самоназвании андроновцев-федоровцев в свете миграционных процессов//Палеодемогр. и миграц. процессы в Зап. Сибири в прошлом. Барнаул, 1994. С. 59-60.

Малолетко А.М. Переднеазиатские истоки некоторых народов Сибири//Вопр. геогр. Сибири. Томск. Вып. 20. С. 91-113.

Малолетко А.М. Монголоидность как антропологический феномен самоорганизации//Самоорганизация в природе: Мат-лы семинара "Поиск связей между разными способами построения систем". Вып. 2. Пробл. самоорг. в природе и обществе Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 61 – 76.

Матвеев А.К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии//Ономастика Евр. Севера СССР. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1982., с.48-58.

Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. 248 с.

Милитарев А. Услышать прошлое//Знание-сила. 1985. № 7. С. 9-12.

Мяль Л. Дравидийские и финно-угорские языки (гипотеза родства или далеких контактов)//Финно-угорские народы и Восток: Тезисы докл. Тарту, 1975. С. 51.

Напольских В.В. Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-угров//Indo-germanica. Ч. 2. М., 1990. С. 128-134.

Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания//Вопр. языкозн. 1963. № 6. С. 121-125.

Нерознак В.П. Праязык: реконструкт или реальность?//Сравн.-историч. изучение языков разных семей. Теория лингвистич. реконструкций. М.: Наука. 1988. С. 26-43.

Нестурх М.Ф. Проблема первоначальной родины человечества//У истоков человечества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. С. 7-32.

Нестурх М.Ф. Человеческие расы. М.: Просвещение, 1965. 106 с.

Нестурх М.Ф. Происхождение человека. М.: Наука, 1970. 440 с.

Окладников А.П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита//Древняя Сибирь (Макет I тома "Истории Сибири"). Улан-Удэ, 1964. С. 51-

Окладников А.П. Абрамова З.А. Первоначальное освоение палеолитическим человеком Сибири и Дальнего Востока//Первобытн. человек. его матер. культура и прир. среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 184-188.

Ошибкина С.В. Древнейшие этнокультурные образования севера Восточной Европы//Indo-germanica. Ч. 2. М., 1990. С. 119-127.

Палеолит Африки. Возникновение человеческого общества. М.: Наука, 1977. 212 с.

Пестряков А.П. Эволюционная изменчивость размеров и форм мозгового черепа человека//Хроностратигр. палеолита Сев., Центр. и Вост. Азии и Америки (Доклады Междунар. симп.). Новосибирск, 1990. С. 249-253.

Петров К.И. Генетическое родство алтайских и индоевропейских языков//Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во том. ун-та, 1969. С. 110-112.

Порхомовский В.Я. Проблемы генетической классификации языков Африки//Теорет. основы классиф. языков мира. Проблема родства. М.: Наука, 1982. С. 195-257.

Райт М.В. Народы Африки. М.: Наука, 1965. 259 с.

Ранов В.А. О восточной границе мустьерской культуры// Хроностратиграфия палеолита Сев., Центр. и Вост. Азии и Америки (Доклады Междунар. симп.). Новосибирск, 1990. С. 262-268.

Решетов Ю.Г. Природа Земли и происхождение человека. М.: Мысль, 1966. 376 с.

Рогинский Я.Я. Антропологический состав населения Африки// Расы и народы. М.: Наука, 1974. Вып. 4. С. 43-64.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.

Росс Филип С. Трудные слова// В мире науки. 1991. № 6. С. 66-76.

Рулен М. Происхождение языка: ретроспектива и перспектива// Вопр. языкозн. 1991. № 1. С. 5-19.

Рычков Ю.Г., Ящук Е.В. Генетическая память об этногенезе// Этнич. связи народов севера Азии и Америки по данным антропологии. М.: Наука, 1986. С. 149-166.

Семенов С.А. О сложности защитного аппарата глаз монгольского расового типа// Сов. этногр. 1951. № 4. С. 156-179.

Симченко А.Н. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке// Эргативная констр. предл. разл. типов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 74-79.

Сулейманов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазуши, 1975. 303 с.

Тереженко Н.М. Некоторые особенности ненецкой топонимии// Ономастика европ. севера СССР. Мурманск, 1982. С. 39-48.

Тернер Кристи Г. Ребенок верхнепалеолитической стоянки Мальта// Изв. СОАН СССР. Сер. истор., филос. и филол. 1990. Вып. 2. С. 50-55.

Толстов С.П. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика// Кр. сообщ. Ин-та этногр. 1946. Вып. 1. С. 3-13.

Трофимова Т.А. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы// Кр. сообщ. Ин-та этногр. 1962. Вып. 36. С. 82-94.

Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме// Вопр. языкозн. 1958. № 1. С. 65-77.

Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 143 с.

Урысон М.И. Начальные этапы становления человека// У истоков человечества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. С. 83-151.

Успенский Л. Слово о словах. М., 1960. 391 с.

Фальк И. Записки путешествия академика Фалька// Полн. собр. путешествий по России. Т.6. СПб., 1824, с. 546.

Фолсом Ф. Как самому придумать язык// Наука и жизнь. 1975. № 4. С. 102-107.

Форсиус Х. Исследование глаза в антропологическом аспекте// Финно-угорский сб. М.: Наука, 1982. С. 179-187.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 432 с.

Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Германии// Кр. сообщ. Ин-та этногр. 1946. Вып. 1. С. 55-62.

Чебоксаров Н.Н., Трофимова Т.А. Антропологическое изучение манси// Кр. сообщ. Ин-та матер. культуры. 1941. Вып. 9. С. 28-39.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.

Чирикба В.А. Баскский и северокавказские языки//Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 95-105.

Шербак А.М. О ностратических исследованиях с позиций тюрколога//Вопр. языкозн. 1984. № 6. С. 30-42.

Эйгнер Д. Биокультурная эволюция в Китае в эпоху палеолита//Палеолит Ср. и Вост. Азии. Ист. и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 96-120.

Эндрюс Дж. Современный ледниковый период: кайнозойский//Зимы нашей планеты. М.: Мир, 1982. С. 220-281.

Юкагирь. Историко-географический очерк. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 244 с.

Якимов В.П. О древней "монголоидности" в Европе//Кр. сообщ. Ин-та этногр. 1957. Вып. 28. С. 86-91.

Яковлев Н.Ф. Древнейшие языки Кавказа, Азии и Америки//Тр. Ин-та этногр. 1947. Т. 2. С. 196-204.

Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1985. 137 с.

... У меня сегодня... (The text is very faint and mostly illegible, appearing to be a preface or introductory text.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уральцы... (The text is very faint and mostly illegible, appearing to be the beginning of a section.)

УРАЛЬЦЫ

Уральцы... (The text is very faint and mostly illegible, appearing to be the beginning of a section.)

Уральцы... (The text is very faint and mostly illegible, appearing to be the beginning of a section.)

В науке устоялись два понятия, имеющие разный смысл — уральцы как расовый тип и уральцы как носители языковой семьи. В расовом отношении уральцы очень неоднородны. Их физический тип варьирует от типичных европеоидов (эстонцы, некоторые группы финнов и карел) до явно выраженных монголоидов (нганасаны Таймыра). Это свидетельствует с исключительно сложном процессе формирования носителей уральского языка.

Уральская языковая семья включает языки следующих народов и народностей, как ныне живущих, так и исторически известных:

финно-угорская группа

финская подгруппа: *карелы, эстонцы, суоми или собственно финны, лэвы, воль, вепсы, ижорцы, саамы, коми, удмурты, марийцы, мордва, (сумь, емь, меря, мещера, мурома),*

угорская подгруппа: *венгры, манси, ханты, (югра);*

самодийская группа

ненцы, нганасаны, селькупы, энцы, (камасинцы, тайгинцы, койбалы, маторь, карагасы).

Примечание. В скобках указаны исчезнувшие народности.

Несомненно, не все представители языковых групп известны истории. Некоторые, очевидно, исчезли в разное время и по разным причинам, так и не оставив следов в памяти человеческой. Уже в историческое время были ассимилированы мурома, мещера и меря, югра, а в самодийской группе — все саянские племена.

Нами самодийцы рассматриваются как самостоятельная группа уральцев. По нашему мнению, они имеют свои и только свои генетические истоки и не являются физическими и языковыми родственниками финно-угров. Поэтому описание этой группы дается отдельно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФИННО – УГРЫ

Среди финно-угорских народов выделяется несколько групп, различающихся по антропологическим признакам, местам проживания и языку:

прибалтийско-финская – финны, карелы, вепсы, ижорцы, воль, эстонцы, ливы,

саамская – саамы (лопари),

волжская – мордва-мокша, мордва-эрзя, марийцы,

пермская – коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты,

угорская – обские угры (ханты и манси), венгры.

Расселение финно-угров

Трехтомное издание «Основ финно-угорского языкознания» (М.: Наука, 1974, 484 с.; 1975, 348 с.; 1976, 464 с.) дает сводные данные по этому вопросу.

Расселение финно-угров показано на карте (рис. 1).

Прибалтийско-финская группа. Карелы заселяют Карелию, известны в Тверской (поселились в XVII в.), Новгородской, Ленинградской, Мурманской областях. Вепсы живут в прионежском районе Карелии, на востоке Ленинградской и в небольшом количестве в Вологодской области. Воль проживает в Кингисеппском районе Ленинградской области, а ливы - в некоторых районах Латвии. Финны (самоназвание *суомайсет*) в основном сосредоточены в Республике Финляндия. Значительные группы их проживают в Швеции, Норвегии, США, Канаде, Австралии, а также в Карелии.

Саамская группа. Поселения саамов разбросаны по обширной территории Норландии – Северной Швеции, Северной Норвегии и большей части Кольского полуострова (Россия).



Рис. 1. Расселение финно-угров

Волжская группа. Мордовский народ состоит из двух подгрупп – мокша и эрзя. Даже в национальной республике мордва не образует компактных ареалов расселения. Мордва проживает в основном в сельской местности на западе и северо-востоке республики. При этом мокша обитает в основном в западных районах, а эрзя – в северо-восточных. Мордовское население известно и в других регионах Поволжья – в Самарской, Пензенской, Оренбургской, Ульяновской, Горьковской и Саратовской областях, в республиках Башкортостан, Татарстан и в Чувашии. В меньшем количестве они проживают на Урале и на юге Сибири. Марийцы сосредоточены в основном в национальной республике. Их "землячества" нередки также в республиках Поволжья и в Челябинской, Саратовской, Самарской и Новосибирской областях.

Пермская группа. В отечественной литературе принято выделять в составе коми самостоятельные подгруппы – коми-зырянскую и коми-пермяцкую. Зарубежная традиция сохраняет единство этого народа, разделяя его на эти подгруппы по диалектам. Коми-зыряне, более многочисленные, образуют компактный ареал в верховьях Печеры, Вычегды, Мезени. Коми-пермяки проживают в пределах разорванного ареала в верховьях р. Кама.

Удмурты компактно проживают в пределах своей республики. В меньших количествах они живут в Свердловской, Кировской, Пермской областях, в соседних национальных республиках. Переселенцы известны в Сибири. Среди удмуртов выделяется особая этническая группа – бессермяне (несколько южнее г. Глазов). Язык бессермян признается как диалект удмуртского.

Угорская группа. Манси живут разрозненными группами на огромной территории Северо-Запада Западной Сибири по левобережью Оби в пределах Ханты-Мансийского и частично Ямало-Ненецкого автономных округов. А.К. Матвеев (1982), основываясь на топонимических данных, категорически отвергал давнее и постоянное обитание в манси в Предуралье. Он допускал лишь возможность кратковременных заходов манси из-за Урала. Однако известны исторические и топонимические свидетельства пребывания манси на обширной территории в бассейне верхнего течения р. Печоры и, даже, по Каме. И. Фальк (1824, с. 193, 268), посетивший Предуралье в 1771 г., отмечал вогуличей в Пермской области, в том числе и среди жителей Огурского Завода на Каме. А. Туркин (1986) и З.П. Ануфриева (1990) отметили немалое число гидронимов мансийского и хантыйского происхождения. К числу их можно отнести имена рр. Лопья, Лая (?), Унья с притоками Онья и Хосья, Кисунья. Известны (Ануфриева З.П., 1990) гидронимы, образованные от этнонимов: Йёгра ёль "угорская лесная речка", Йёгра яг "угорский бор" (в обоих случаях апеллятив имеет коми происхождение). Присутствие в Предуралье мансийских топонимов, особенно названий рек, может служить доказательством длительного и постоянного проживания манси на этой территории.

Ханты живут в своем автономном округе, а также в Ямало-Ненецком и в северных районах Томской области.

Помимо упомянутых народов и народностей финно-угорской языковой группы в пределах ареала уральцев жили финноязычные ямь (емь, хаме) в Прионежье, заволочская чудь между современными ареалами карел и коми. В русских летописях и других письменных документах средневековой Руси имеются сведения о меря, мещере и муроме, говоривших на финно-угорских языках. В Зауралье обитало племя югра, которое уступило на исторической арене место родственному племени маньси.

Финно-угры оставили многочисленные топонимы на обширной территории Евразии. Некоторые из топонимов искажены до

неузнаваемости и в языковом отношении не диагностируются, другие относятся к ним условно, третьи позволяют оконтурить пределы обитания в прошлом носителей тех или иных языков. По топонимам очень четко определяется восточная граница распространения финно-угорских народов и народностей. Менее определена она на западе. Западная граница ареала финно-угров может быть восстановлена по именам озер, включающим в финальной части географический термин *то* или *до* "озеро". Все топонимы такого рода, известные нам на западе ареала, вынесены на карту (рис. 2).



Рис. 2. Ареал уральских топонимов:

1 – граница ареала; 2 – группы топонимов (Фин - финская. Угр - угорская. Сам - самодийская); 3 – южная граница культур ямочно-гребенчатой керамики (III тыс. до н. э., по: Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977); 4 – озерные названия с формантом *то/до* (1 – Куйто, 2 – Кенто, 3 – Тунгудское, 4 – Куйто, 5 – Тунгудо, 6 – Нерето, 7 – Берешто, 8 – Нещердо, 9 – Нобисто, 10 – Полисто); 5 – пещерное захоронение Тыткескен на Алтае

Часть озер с окончанием имен на *-до* и *-то* находится за пределами ареала финно-угорских топонимов, показанного в работе Р.А. Агеевой (1985), но в пределах былого распространения племен с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой (III тыс. до н. э.; Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977). Именно с носителями этих археологических культур большинство исследователей связывают древний финно-угорский этнос (Седов В.В., 1990; Хартанович В.И., 1991; др.), хотя имеется и противоположная точка зрения (Напольских В.В., 1990).

Прафинно-угорским термином со значением "озеро" является **towe* (Основы финно-угор. языкозн., 1974). Близкую форму имеют коми и удм. *ты*, венг. *to*. Термин саам. *явр*, *яврь*, *яврэ*, эст. *jugv*, карел., вод. *jarvi*, суоми *jarve*, морд.-эрзя *эрьке*, мар. *ер* и *йар* является праславянским заимствованием (j)ezero "озеро", которое восходит к авест. (др.-ир.) *zrayah* "озеро". Не исключено, что в прошлом могло быть самостоятельное заимствование этого слова из древнеиранского как славянскими, так и прибалтийско-финскими языками. Озерные названия на *-то*, *-до* среди гидронимов на *-ярви* и др. являются реликтами исконно финно-угорской топонимии, позднее забытой прибалтийско-финскими племенами.

Антропологический тип

В составе финно-угров присутствуют расовые типы от европеоидов до монголоидов. Усиление монголоидности возрастает с запада на восток.

На западном фланге финно-угров находятся эстонцы. По данным К.Ю. Марк (1956), это типичные европеоиды, несколько различающиеся между собой. На западе Эстонии это высокорослые, массивные люди, длинноголовые, с высоким лицом (западно-балтийский тип атланти-балтийской группы). На востоке Эстонии жители ниже ростом, более грацильные, круглоголовые, с более низким и слегка уплощенным лицом. Это европеоидный тип со слабыми следами древнего (неолит) смешения с монголоидами (восточно-балтийский тип беломорско-балтийской группы).

Восточный фланг финно-угорского ареала занят обскими уграми – хантами (самоназвание ханты носителями языка не склоняется по падежам) и манси. У них сравнительно слабый рост бороды, расположение оси глаз часто наклонное, встречается эпикантус, лицо уплощенное, скулы выступающие. Эти монголоидные признаки характерны для всех угров, хотя имеются некоторые отклонения, требующие особого объяснения. Обобщающую краниологическую характеристику обских угров дал В.А. Дремов (1973, с. 100): "Череп обских угров довольно длинные, но неширокие, мезокранные. Высота мозговой коробки обычно варьирует от грани малых до очень малых величин. Лоб среднеширокий, наклонный с умеренно развитым рельефом надпереносья. Ширина и высота лица средние, по фацио-

церебральным индексам сравнительно крупные. Указатель выступления и углы вертикального профиля выявляют ясную тенденцию к мезогнатии. Орбиты среднеширокие, мезоконхные, пропорции носа несколько увеличены в ширину. При средней уплощенности переносья угол носа малый. Горизонтальная профилировка лица умеренная. Вычисленный в четырех сериях обобщенный показатель условной доли монголоидного элемента (Дебец Г.Ф., 1968) колеблется от 78,7 (сургутские ханты) до 89,7 (манси). В целом краниологическая характеристика обских угров соответствует характеристике уральской расы, типичными представителями которой они являются. Наиболее существенное отличие угорских групп от других групп уральской расы наблюдается в абсолютных размерах и пропорциях трех основных диаметров мозговой коробки". Предками обских угров являются носители культуры Шигирского торфяника (V-IV вв. до н. э.) недалеко от Екатеринбургa (рис. 3).



Рис. 3. Женщина Шигирского поселения, предок обских угров (реконструкция)

Такой же физический тип (европеоидный с признаками слабой монголоидности и явно выраженным прогнатизмом) имели древние жители быв. Миасского округа на Урале (рис. 22 в первой части). Описание этого древнего субуральского типа по данным М.М. Герасимова (1964) приведено выше, в части первой.

Имея немало общих черт, обские группы обладают и различиями определенного территориального характера.

Ханты неоднородны по физическому типу. Иртышские и обские ханты имеют мезодоліхокранную черепную коробку, чем приближаются к манси Сев. Сосьвы. Восточные ханты (васюган-

ские и ваховские) мезобрахикранны. Лицо умеренно-уплощенное, мезогнатное, нос широкий и невысокий. У восточных хантов лицо более широкое, выступание носовых костей более сильное. Для манси характерна мезокранность, прямые, но мягкие волосы пониженная растительность на лице и теле, умеренно-темная пигментация. Лицо небольшое умеренно-уплощенное, средне выступающий нос с вогнутой спинкой и приподнятым кончиком. Ивдельские манси в верховьях р. Лозьва (Зауралье) при широком уплощенном монголоидном лице имеют сравнительно выступающий нос, часто с выпуклой спинкой и опущенным кончиком и основанием. Ивдельские манси монголоиднее всех остальных групп по горизонтальной профилировке и ширине лица, но эпикантус у них развит слабо. По мнению Н.Н. Чебоксарова и Т.А. Трофимовой (1941), характерные особенности ивдельских манси связаны с вхождением в их состав расовых элементов, близких к андроновцам эпохи бронзы.

Между типичными европеоидами на западе (эстонцы) и наиболее монголоидными обскими уграми на востоке остальные финно-угорские (по языку) группы представлены следующими антропологическими типами (Марк К.Ю., 1969).

Северные европеоиды делятся на два типа: 1) атланти-балтийский и 2) беломорско-балтийский. Первый включает финнов Западной и Юго-Западной Финляндии и жителей западной части Эстонии. Для представителей этого типа характерна слабая пигментация (блондинистость), большая длина тела (высокий рост), массивность, мезокефалия, сравнительно высокое лицо и узкий нос с прямой спинкой. Признаков монголоидности нет. Представителями этого типа являются также группы мордвы-эрзя по р. Сура. Беломорско-балтийский тип несет следы слабой монголоидности. В большинстве случаев это брахикефальные (круглоголовые) типы, у северных коми-зырян отмечается тенденция к мезокефалии (незначительной удлинённости головы).

Лапаноидный тип характерен для саамов (лопарей). Происхождение этого типа является большой и трудно объяснимой загадкой. Всеми без исключения исследователями саамы рассматриваются как изолированный антропологический тип, не имеющий себе подобных ни в Европе, ни в Азии. Длина тела у саамов небольшая – 163 см у инварских и северных и 158 см у скотлов – самых северных групп Финляндии. Саамы брахикефальные (круглоголовые), лицо очень низкое. По этому показателю они

отличаются от всех других групп финно-угров. Лицо уплощенное. встречаются как широколицые, так и относительно узколицые (сколты, кольские саамы). Присутствие монголоидных признаков бесспорно. В этом отношении они близки жителям Поволжья (марийцы, удмурты), но значительно отличаются от обских угров.

Если оценить по степени монголоидности все финноязычные группы: Восточной Европы, то вырисовывается следующая картина. Монголоидная примесь отсутствует у значительной части финнов, западных эстонцев и части мордвы-эрзя. Незначительная монголоидность отмечается у коми-зырян, южных групп мордвы-мокши, части мордвы-эрзя, карел, ижорцев, вепсов, финнов Восточной Финляндии и восточных эстонцев. Заметной монголоидностью обладают марийцы, коми-пермяки, южные коми-зыряне, удмурты, северные мордва-мокша, кольские лопари (саамы).

Нет единого мнения о происхождении монголоидной примеси у финно-угров. В 1941 г. была выдвинута гипотеза о метисном происхождении уральского типа, которая нашла поддержку у ряда антропологов (Г.Ф. Дебец, Т.А. Трофимова, Н.Н. Чебоксаров, В.П. Алексеев). В.В. Бунак отрицательно отнесся к этой гипотезе, считая, что уральская раса имеет древний возраст и отражает изначальный недифференцированный расовый тип. Э. Майр (1968, с. 511) писал о саамах Скандинавии, что по группе крови, высоте лицевого скелета и другим признакам их можно отнести к европеоидной расе. В результате жизни в арктическом климате они путем конвергентной эволюции приобрели многие черты монголоидных рас, живущих в сходных климатических условиях. Г.Л. Хить (1982) считает, что по данным дерматоглифики саамы Финляндии сближаются с монголоидным населением Сибири.

Происхождение финно-угорских этнонимов

Пожалуй, лишь немногие этнонимы финно-угров легко раскрываются и их этимология прозрачна. Обычно же суть этнонимов затемнена и противоречива. Причин тому несколько: большая давность происхождения и неясность причин именования (номинации) групп населения.

Карелы (корелы). Основой их сложения явились древние племена также финно-угорского происхождения. Р IX в. карелы заселили Карельский перешеек, через два века достигли провин-

ции Финмарк и вышли к берегам Ледовитого океана. Возможно, в основе этнонима лежит фин. *karja* «скот» (Попов А.И., 1973, с. 84). Принцип создания этнонима по роду занятий нередок (Никонов В.А., 1984): *мурчены* – забайкальские эвенки (букв. «конные»), *орочи* – тунгусы Сахалина (букв. «оленные»).

Вепсы. Это потомки финноязычного населения, некогда широко расселившегося между Волховом и Свирью, у Онежского и Белого озёр, в Заволочье (Попов А.И., 1973). В прошлом оно было более известно как *весь*. Этимология этнонима не выяснена, но, безусловно, не связана со старорусским словом *весь* "деревня".

Ижорцы. Происхождение этого этнонима не вызывает сомнений: он образован от имени р. Ижора, притока Невы. Финское название ижорцев – *ingrikot* – приводит нас к былому названию р. Ижора – *Inkeri* "извилистая река". Второй вариант этимологии имени р. Инкери предлагает М. Фасмер (см.: Агеева Р.А., 1990, с. 57). По его мнению, имя реки связано с северогерманским антропонимом *Ingrid, Inga* (фин. *Inka, Inkeri*). Таким образом, если происхождение этнонима от названия притока Невы несомненно, то этимология имени реки остается загадкой. Шведское и немецкое название земли, занимаемой в прошлом ижорцами, – Ингрия. Ингерманландия (русс. Ижорская земля). Смена фонемы *g* на *ж* в этих именах типична для русского языка (ср. Ладога – Ладожское).

Ливы. В прошлом многолюдное племя дало название Водской, или Вотской, пятине Великого Новгорода. Возможно, что в настоящее время уже не сохранилось ни одного представителя этой группы, так как, по сведениям А.И. Попова (1973), в те годы (70-е) ливов было всего лишь десяток человек и среди них не было ни одного моложе 60 лет. Племенное имя *водь* восходит к древнему балтийскому слову *vakja*, заимствованному финнами (латыш. *vadzis* "клин"), и связано с тем, что некоторые группы прибалтийских финнов украшали одежду кусочками ткани в виде клина или треугольника. Эту гипотезу предложил финский ученый Э. Итконен (см.: Агеева Р.А., 1990, с. 56).

Эсты. Это очень древний этноним. Об эстах (эстии, айстии) писал Тацит (I-II в. н. э.). Предполагается, что это изначально были пруссы или какая-то часть их (Агеева Р.А., 1990, с. 49). Позже имя перешло на финно-язычную группу или же последняя асси-

милировала часть балтов, но восприняла их название. Этимология этнонима *эсты* неизвестна.

Ливы (либь, любовь древнерусских летописей). Были некогда весьма многочисленны в Прибалтике. Ныне их всего лишь несколько сот человек на балтийском побережье Латвии. Они дали обобщающее название территории – Ливония, Лифляндия. Называют себя ливы чаще *randali* "береговой житель" или *kala mies* "рыбак", реже *Libi*, *Lib*.

Финны. Этноним этот известен с I в. н. э. в форме *Fenni* (Тацит). Этноним имеет германское происхождение. Древнескандинавское слово *fīnnaǵ* выводится из готского слова со значением "находить" с первоначальным значением "охотник". В русских летописях долгое время упоминались финские племена *сумь* (*суоми* "финны"), *емь//хаме*, *квены//каяны*, вошедшие в финскую народность. Современное самоназвание финнов *suomalainen* (мн. ч. *suomaleiset*). Финляндия по-фински называется *Suomi*. Это имя имеет несколько объяснений: 1) *suo* "болото", 2) *suoda/suoma* "желанный, ниспосланный, дарованный" (ср. *jumalan suoma* "богом ниспосланный"). Это изначально личное имя могло позднее стать названием древнего собственно финского племени *суоми* (Основы финно-уг. языкозн., 1975, с. 127). Еще один этимологический вариант связывает название *суоми* (и *саамы*, см. ниже) с балтийским заимствованием: латыш. *zeme*, лит. *zeme* "земля" (Агеева Р.А., 1990, с. 61).

Саамы. Этноним в форме *same*, *samla*, *sambe* и другие фонетически близкие его варианты большинством исследователей связывается с финским племенным названием *hame*, которое, в свою очередь, является литовско-латышским заимствованием со значением "земля" (см. выше). Другое название народности – *лопари* (др.-рус. *лопь*).

Мордва (ед. ч. мордвин), **мари** (марийцы), **удмурт**, **меря**, **мурома** – все эти этнонимы имеют в основе иранское (скифское) заимствованное слово со значением "мертвец, мертвый". Так древние иранцы называли человека в отличие от бессмертных богов. Да и в русском бытует такое уничижительное выражение: "куда нам, смертным...". Этноним *мордва* был известен с глубокой древности. Иордан, историк готы (VI в. н. э.), уже упоминает *mordens* наряду с *merens* "меря". Все эти народы имели в прошлом иные самоназвания. Так, марийцы в качестве самоназвания использовали этноним *черемис*, более древний, чем

иранское заимствование. Этот этноним включает два компонента: *чере* и *мис*. Причем оба слова (компонента) имеют одинаковое значение «человек, муж, мужчина» (Черных С.Я., 1990). В далеком прошлом существовал финно-угорский этноним (название рода) *чере*, образованный от антропонима *Чере* (в тюркской среде по такому принципу образованы этнонимы *узбек*, *ногай*, *сельджук*). Второй компонент этнонима *черемис* является прибалтийско-финским термином *mees/mies* "человек". Этноним *черемис* с двойным значением "человек+человек" употреблялся аналогично современному *марий-енг* «марийский человек»: скиф. *мари* «смертный (человек)» + мар. *енг* «человек». Удмурты были известны русским под именами *вотяк*, *отяк*, *от*, *отиш* (XIV в.). Первый компонент этнонима *удмурт* связан с термином *от*, *уд*, однако значение этого термина неизвестно. Высказывалось предположение о том, что в древности (X-XII вв.) так называлось племя, обитавшее по р. Кама ниже устья Вятки. Второй компонент – иранское заимствование со значением "смертный (человек)". Коми-пермяки жили на обширной территории, которая уже в XI в. была известна русским как Пермь, Перемь. Скандинавы называли ее Биармия. Название Пер(е)мь возникло на финской основе: вепс. *perä taа* "задняя земля", какой представлялась новгородцам заволочская даль. Позднее топоним перешел в этноним и население Биармии стало именоваться пермяками. *Зыряне* (сырьяне, серьяне, сурьяне, сирьяне) также получили свое имя со стороны. А.К. Матвеев (1984) высказал предположение о том, что этноним перенесен с какой-то неизвестной группы финно-угров непермского происхождения. Возможно, что это имя носила какая-то группа вепсов или даже саам в Заволочье по притокам р. Вага. Этноним образован от понятия "край, бок, сторона": фин. *syra*, вепс. *sürd*. Если это действительно так, то оба этнонима – *пермь* и *зыряне* – имеют одинаковую семантику: это два народа, живущие на "краю", на удалении от прибалтийских финнов. Этноним *коми*, очевидно, очень древний (индоевропейское заимствование?) и означал "человек". Следы его сохранились в удм. *kuti* "человек", ныне забытом.

Югра. Это общее название угорских народов Урала и Зауралья. Этноним также не получил однозначного объяснения. В русских письменных источниках Югорская земля фигурирует с X по начало XVII в. В этих источниках обычно рядом упоминались югра и вогулы (ныне манси): "...в 1499 году совершилось окон-

чательное покорение вогуличей и югры" (Каралькин И., с соавт., 1857, с. 19). Этноним *югра* исчезает из письменных источников к XVI в., в это время появляется этноним *остяк* (Майданова Л.М., 1962). В.И. Лыткин (1971) сделал попытку объяснить семантику этнонима *угр*, исходя из предполагаемого его родства с этнонимом *югра*. По мнению исследователя, оба этнонима исходят из коми-зыр. *югра* (название хантов и манси), которое, в свою очередь, восходит к реконструированному общепермскому *jong* "белый, светлый", то есть р. Белая. Второй компонент га обозначало "Волга", а позднее вообще "река". Вряд ли последнее замечание верно, так как в венгерском большая река обозначается словом *аг*, а речка – *ег*. Давнее название Волги – *Ра* или *Рас* – может иметь индоиранское происхождение (*Раса* – иранское название Амударьи, *Тирас* – «Днестр», непальск. *газ* «вода»). И неизвестно, является ли башк. Ак-Итиль «белая река» переводом с пермского или же пермяки называли ее другим именем.

Венгры. Самоназвание венгров – *мадьяр* – мало известно. Старое русское именование их – *угрины* – не имеет отношение к *югре*. Большинство авторов считает, что этноним восходит к тюркскому этнониму *оногур*, но отнесенному и к венграм, так как предки венгров и турки-оногуры долгое время (IV-VI вв.) жили на Северном Кавказе совместно. Этноним *венгр* вернулся в Россию от поляков, которые русский вариант этнонима *угрины* трансформировали в *wegier* (ср. литов. *vengras*). Немецкое название мадьяр (венгров) *Ungarn*, французское *hongrois*, английское *hungarian*, латинское написание – *hungarus*. Латинизированное название венгров в языках народов Западной Европы возникло под влиянием имени гуннов, которые жили в тех же местах, что и венгры (Паннония). Этноним *мадьяр* не нашел убедительного объяснения. Имеется мнение (А. Регули, Б. Мункачи) о том, что *мадьяр* выводится из этнонима *манси*. Близкая версия предлагает видеть в первом компоненте этноним *манси* (от названия угорской фрагрии *мось*), а во втором – финское *угко* "мужчина".

Остяк. Остяками русские летописи и более поздние письменные источники называли все неродственные и родственные народы Сибири – манси, хантов, селькупов и кетов. По мнению некоторых исследователей, этот этноним в качестве самоназвания образовали северные ханты: *асьях* "обской народ". По другой версии этноним имеет тюркское происхождение: *иштяк* – "дикий человек", возможно "лесной (человек)".

Вогул. Вряд ли этот этноним создан по р. Вогулке (левый приток Малой Оби). Судя по русскому оформлению, гидроним образован от этнонима и сравнительно недавно. Вогулами называлось одно из угорских племен. Позднее этот этноним был перенесен и на другие племена, которые мы ныне называем манси.

Манси. Имеется несколько версий происхождения этнонима: 1) "земляные люди" из манс. *ма* "земля" и селькупский (!) суффикс притяжательности *ис* (Г.Н. Прокофьев); 2) "маленький род" – из манс. *мань* «маленький» и *сир* "род" (А.Н. Баландин); 3) от родового (фратриального) названия *мось* в противоположность второй фратрии *пор* (В.Н. Чернецов, Е.И. Ромбандеева); 4) от названия глухаря (птица) *мансин* и близко к глаголу *манс* "рассказывать", т.е. "говорящий человек". Это некоторая аналогия паре "словене – немец", т.е. знающий слово, говорящий – не знающий слов, немой (П. Вереш).

Ханты. Этноним иногда сопоставлялся с именем р. Конда. Ныне исследователи склоняются к трактовке, предложенной К. Радановичем, который в этнониме видит манс. *хонт* "войско", морд. *конт'а*, *кунд'а*, фин. *kunta* "общность, коммуна". эст. *kond* "общность, целое". Обобщенное значение этого финно-угорского слова – "род, большая семья, общность".

Языки финно-угров

Принято считать, что финно-угорские языки образуют с самодийскими уральскую языковую семью, которая вместе с индоевропейскими, алтайскими, семитскими, дравидским, юкагирским объединяется в ностратическую (бореальную) макросемью. Современные финно-угорские языки делятся на пять ветвей:

- прибалтийско-финская (финский, ижорский, карельский, вепсский, водский, эстонский, ливский),
- волжская (мордовский и марийский),
- пермская (коми и удмуртский),
- саамская (саамы или лопари),
- угорская – обско-угорские (языки ханты и манси) и венгерский.

Некоторые языки делятся на диалекты. Довольно велики различия волжских языков, из которых мордовский занимает промежуточное положение между финскими и угорскими. Венгерский довольно далеко отошел от обско-угорских. Тем не менее, финно-угорские языки имеют признаки, несомненно под-

тверждающие их родство. Это общая лексика, агглютинативный способ словообразования, сходство словоизменительных и словообразовательных формативов и, наконец, числительные.

Знакомый мне хант Петр Михайлович Милимов (пос. Озерное на оз. Тух-Эмтор) как-то с гордостью сказал, что у хантов и эстонцев одинаковый счет до пяти. И действительно, счет до шести удивительно одинаков у всех финно-угров (табл. 1).

Таблица 1

Числительные финно-угров

Народы	1	2	3	4	5	6
Коми		<i>кык</i>	<i>куим</i>	<i>нель</i>	<i>вит</i>	<i>квйт</i>
Удмурты	<i>одйг</i>	<i>кык</i>	<i>куинь</i>	<i>ныл</i>	<i>вить</i>	<i>куать</i>
Марийцы	<i>ик(те)</i>	<i>кок(ыт)</i>	<i>кум(ыт)</i>	<i>ныл(ыт)</i>	<i>виз(ыт)</i>	<i>куд(ыт)</i>
Мордва	<i>вяйке</i>	<i>кавто</i>	<i>колмо</i>	<i>ниле</i>	<i>вете</i>	<i>кото</i>
Карелы	<i>üksi</i>	<i>kaksi</i>	<i>kolmo</i>	<i>nella</i>	<i>viis</i>	<i>kuusi</i>
Финны	<i>yksi</i>	<i>kaksi</i>	<i>kolme</i>	<i>neljä</i>	<i>viisi</i>	<i>kuusi</i>
Эсты	<i>üks</i>	<i>kaks</i>	<i>kolm</i>	<i>neli</i>	<i>viis</i>	<i>kuus</i>
Саамы	<i>эхт</i>	<i>кухт</i>	<i>кольм</i>	<i>ниели</i>	<i>витт</i>	<i>кудт</i>
Манси	<i>акв</i>	<i>кит</i>	<i>хурум</i>	<i>нила</i>	<i>ат</i>	<i>хот</i>
Хант	<i>ев(х)</i>	<i>кяткен</i>	<i>колом</i>	<i>неле</i>	<i>веет</i>	<i>куут</i>
Венгры	<i>egy</i>	<i>kett</i>	<i>harom</i>	<i>negi</i>	<i>ot</i>	<i>hat</i>

Создается впечатление, что финно-угорские народы долгое время жили совместно, совместно выработали единую систему счисления, и совсем недавно разбрелись на просторах от Восточной Прибалтики до Нижней и Средней Оби. Разнобой числительных после шести отражает разные способы их образования, когда необходимость в них. К этому времени финно-угорские народы потеряли свое изначальное единство.

Контрастно смотрится номенклатура порядковых числительных в дагестанских языках: никакого дублирования, хотя родство этих языков не вызывает сомнений (табл. 2).

Таблица 2

Числительные дагестанцев

Народы	1	2	3	4	5	6
Даргинцы		<i>кел</i>	<i>хэбал</i>	<i>авал</i>	<i>шел</i>	<i>урегал</i>
Цезы	<i>сис</i>	<i>къано</i>	<i>лъоно</i>	<i>уйно</i>	<i>лъено</i>	<i>ильно</i>
Табасаранцы	<i>саб</i>	<i>ньоуб</i>	<i>щубуб</i>	<i>юкьюб</i>	<i>хьуб</i>	<i>йирхьюб</i>
Хиналугцы	<i>са</i>	<i>ку</i>	<i>пшва</i>	<i>ог</i>	<i>пхьу</i>	<i>зак</i>
Лезгины	<i>сад</i>	<i>къвед</i>	<i>пуд</i>	<i>кьуд</i>	<i>вад</i>	<i>ругуд</i>

Ничего нет общего в числительных самодийцев и финно-угров, хотя они образуют единую языковую семью (табл. 3). Об этом у лингвистов сложилось вполне определенное мнение (Быкопя В.В., 1998).

Финно-угорские языки являются агглютинативными, но в прибалтийско-финских и особенно в саамском имеются заметные элементы флексии. Древний финно-угорский синтаксис характеризовался отсутствием придаточных предложений при обилии деепричастных и причастных конструкций. В этом отношении он близок к тюркским.

Таблица 3

Числительные самодийцев

Народы	1	2	3	4	5
Койбалы	<i>унем</i>	<i>сыда</i>	<i>нагор</i>	<i>тадэ</i>	<i>сумула</i>
Маторы	<i>ом</i>	<i>кыды</i>	<i>нагор</i>	<i>дейте</i>	<i>шумбля</i>
Ненцы	<i>об, нгоб</i>	<i>сидя</i>	<i>няхар</i>	<i>тет</i>	<i>самлянгг</i>
Нанасаны	<i>нгуой</i>	<i>ситти</i>	<i>нагур</i>	<i>чатта</i>	<i>сахолянг</i>
Селькупы	<i>оккыр</i>	<i>щитты</i>	<i>нокыр</i>	<i>тетты</i>	<i>сомпыла</i>

Тем не менее, расхождения между финно-угорскими языками существенны и объясняются не только сложным и длительным процессом их самостоятельного развития, но и иноязычным влиянием – шведским, немецким и русским (прибалтийско-финские, саамский, венгерский, мордовский языки). Финский и эстонский языки, кроме того, испытали влияние латышского пермские и марийский несут следы воздействия чувашского и татарского.

Существенное влияние на финно-угорские оказали в глубокой древности и иные языки. Не все они раскрываются, а из раскрытых не все имеют доказательные примеры. Рассмотреть их необходимо, исходя из двух позиций: 1) выявление исходной базы финно-угорских языков и поиски изначального родства с другими языками, 2) выявление давних контактов с неродственными языками. Предложенные читателю примеры и выводы не претендуют на исчерпывающее объяснение. Это всего лишь версии автора.

Переднеазиатские компоненты

Впервые на переднеазиатские элементы в уральских языках обратил внимание Б.А. Долгопольский (1973, с. 91): он сопоставил общекушитское *sAnk "затылок, спина, плечо" с уральским *sänkä "плечо, верхняя часть руки". Обнаружены и другие лексические соответствия в финно-угорских, с одной стороны, и кушитских и чадских - с другой. Нам эти соответствия не представляются случайными. Все они относятся к разряду базовой лексики и рассматриваются нами как свидетельства участия языков околосредиземноморской общности в сложении финно-угорских. Для понятий "рыба", "холм", "собака", "кровь" имеются следующие соответствия.

Уральские языки

Кушитские языки

Рыба

саам. *куеле, кылле*
 морд. *кала*
 эст., кар., фин. *кала*
 манс. хант. *кул*
 мар. *кол*
 венг. *hal(-ak)*
 нен. *халя*
 камас. койб. *кола*
 матор. *келе*
 сельк. *келы*

иса, сомали *kalluum*
 байсо *kullumi*
 аффар *kullum*
 борана *kultimi*
 оромо (галла) *kurtumi*
 сидамо *kiltimi*
 дараса *kultume*
Чадские языки
 общечадские *koIA*
 банана *kulufa*
 музгу *hilif*

Любопытно отметить, что в языке североамериканских индейцев танаина слово *кали* (*kali*) означает "рыбак", а в чукотском *калал* "рыба-горбуша".

Холм

саам. *dievva* "холм"

бедае *dibba* "холм"
 дембеа *debba* "гора"
 квара *debe* "гора"
 сахо *dibo* "гора"

Собака

фин. *koira*
 эст. *коер*

сахо *kare*
 рендилле *kar*

байсо kerre
 гелеба kerr
 арборе kair, kere
 гидоле hera
 бусса herad
 гавата haaro
 гобезе heero
 варази хего
 чамай karo

К р о в ь

саам. *вээр*, vaaea
 фин. *veri*
 морд. *вярь*, *верь*
 перм. *вир*
 манс. *вюр*
 хант. *вэр*

билин, хамир bir
 хамта bira, bir
 квара, дембеа bir
 кимант birт
 авийя biri
 дамот beri

Чадские языки

хинна var
 карбо baari
 самрай bari
 сара vara

Очевидно, можно привлечь для анализа и следующие соответствия понятия "кора":

Финно-угорские языки

фин. *kuugi*
 манс. *кар*, kār
 хант. *кяр*
 венг. *kerek*

Кушитские языки

ойда kuugo
 омето kurub
 хамта kerbir
 реконструкция *kAr[ʔ][p]

Приведенные примеры достаточно показательны и разнообразны, чтобы можно было бы отнести их к разряду случайных совпадений. Серийные соответствия базовой лексики позволяют поставить вопрос об участии каких-то южных элементов в формировании языка финно-угров. Источниками заимствования предполагаются языки Околосредиземноморья. Носителями такого языка-источника могли быть люди с негроидными признаками, появление которых в Восточной Европе доказано палеоантропологическими материалами (Дебец Г.Ф. с соавт., 1951). Конкретные примеры: череп позднепалеолитического человека с па-

мятника Костёнки XIV (23 тыс. лет), череп сунгирского мальчика (24-25 тыс. лет), мезолитический могильник у с. Волошского и др. В позднем мезолите в северных районах Восточной Европы южане уже не прослеживаются (могильник на Оленьем острове Онежского озера; 9910 ± 80 лет, ГИН-4836).

Особое положение в этой истории занимают предки саамов. Вряд ли южане непосредственно участвовали в формировании их физического типа и родного (нефинно-угорского языка). Слабые признаки прогнатизма у саамов Чалмны-Варре (центральная часть Кольского полуострова) являются либо протоевропейским реликтом (даже стратотип палеоевропейца – человек из пещеры Кроманьон – обладал прогнатизмом), либо очень поздним, но не современным влиянием ранних физических финно-угров. Нам представляется более вероятным первый вариант. Низкоколичество саамов сближает их генетически с палеоевропейцами. К тому же, надо учесть, что саамы пришли на Кольский полуостров, после того как жители Севера Восточной Европы (предки финно-угров) уже потеряли негроидные признаки (см. выше дату по могильнику Оленьего острова).

В языке саамов имеется термин *чадз/чацц* "вода". Наиболее близкими (пространственно) народами, которые используют это слово в таком же значении, являются... негры республики Чад. Имя крупнейшего озера Африки, которое дало название и государству, - Чад – осмысливается как "много воды" или "большое пространство воды" (Никонов В.А., 1966). В оз. Чад впадает р. Шари, которая в смягченном фонетическом варианте местными жителями называется Сари. В имени Шари/Сари скрывается термин "вода". Здесь мы имеем обычный в топонимике случай перехода имени нарицательного в имя собственное. В системе р. Белая (бассейн Волги) имеется две реки с именем Чад – приток р. Касым и приток р. Сара. Мы далеки от мысли, что эти гидронимы (Чад и Сара в Восточной Европе) связаны с саамами или тем более с предками негров Чада. Но так ли уж невероятна возможность сохранения древнейшими насельниками Северной Европы соматических особенностей, элементов бытовой лексики, мифологем, обрядов и обычаев, принесенных из Средиземноморья? М. Рулен (1991, с. 11) предполагал общечеловеческим (по моей версии – околосредиземноморским) слово "половина, сторона, часть", которое в протоавстралийском реконструируется

как *bula. В финно-угорских оно представлено хант. räjäk (пелак) "половина".

Любопытный этнографический факт приводит Г.Н. Грачева (1972, С. 39): сравнительно недавний обычай саамов хоронить умерших под очагом в жилище имеет африканские параллели. А если вспомним, что некоторые группы саамов, особенно саамы из Чалмны-Варре, при типичнейшей лапаноидности обладают и альвеолярным прогнатизмом (признак негроидности), то приведенные факты из топонимии и этнографии не покажутся курьезом. Добавим следующую информацию.

В.П. Алексеев (1985, с. 154) приводит дендрограмму взаимного расположения различных популяций человека, составленную по 17 генам эритроцитарных и сывороточных факторов крови. На этой дендрограмме саамы занимают промежуточное положение между негроидами и европеоидами, оттеснив арабов, турок, сардинцев и др. (см. рис. 18 в первой части). Это, пожалуй, единственный случай, когда столь отдаленные географически популяции (саамы и негроиды) оказались рядом, на соседних "веточках", что хотя бы формально позволяет поставить вопрос о неслучайности такого соседства. В.П. Алексеев категорически отвергал саму возможность такого родства, так как ныне считаются справедливыми иные генетические связи. Однако из другой работы В.П. Алексеева (1974, табл. 1) явствует, что саамы выделяются среди жителей Европы максимальной частотой (67,30) лиц с фракцией гемоглобина Gm (a) и в этом отношении ближе стоят к неграм республики Чад (98 %) и неграм Камеруна, Нигерии, Сенегала (100 %), нежели другие европейцы. Н.Н. и И.А. Чебоксаровы (1985, с. 141) указывают, что саамы и африканцы обладают максимальной концентрацией (более 80 %) гена Т, определяемой по пробе вкуса на фенилтиобикарбамид.

Приведенные выше выборки в известной мере подобраны нами тенденциозно, так как мы стремились найти материал, подтверждающий наличие у саамов далеких предков в составе экваториальной (австралоидной) расы. Не настаивая на безусловной доказательности только этих данных, сошлемся на мнение В.П. Алексеева (1985, с. 32) о вполне вероятном контакте населения Восточной Европы с населением южных районов в эпоху палеолита. Начало контактов исследователь датировал поздними этапами мустье. Появление населения с южными генами в Вос-

точной Европе произошло более 20 тыс. лет назад (Сунгирь, Костенки) и продолжалось, по крайней мере, в течение 10 тыс. лет.

Мы далеки от мысли, что южные элементы, отраженные в облике восточноевропейского населения и саамов в частности, пришли из Африки или из района оз. Чад. Не исключено, что исходной областью было Восточное Околосредиземноморье. Здесь формировались кушитские (и чадские) этнические группы (Милитарев А.Ю., 1985, 1987), ушедшие позднее в Африку, где передали свои языки негрскому населению. В отношении саамов можно сказать, что кушитские и чадские элементы в их лексике - это заимствования из финно-угорских языков в период перехода саамов на этот язык. Любопытен маленький штрих: фонетически наиболее близки слова, обозначающие кровь, в языках саамов и сара (чадская группа). Напомним, что в языке сара слово *чад* означает "вода", как и в саамском *чадз*.

В качестве альтернативного варианта можно предложить и иное объяснение. На рубеже III и II тыс. до н. э. и не позже первой четверти II тыс. до н. э. в центральные районы Среднего Поволжья вторглись балановские племена. В антропологическом отношении балановцы резко отличались от более ранних насельников, в том числе и почти синхронных им фатьяновцев. Это были представители восточнесредиземноморского типа: они имели высокое и узкое лицо, высокий, узкий сильно выступающий нос, сильную горизонтальную профилировку. М.С. Акимова (1961) высказала мысль о том, что областью первоначального распространения этого типа была Передняя Азия. Возникает предположение, что переселение балановцев шло с юга, возможно с Кавказа. Однако материальная культура пришельцев "тянет" их на запад и юго-запад: черешковые клиновидные топоры борисовско-лепельского типа известны в Белоруссии, Южной Скандинавии, очень редки они на юге и в центральных районах Восточной Европы. Очевидно, именно материальные остатки позволили О.Н. Бадеру (1972, с. 26) считать балановцев индоевропейцами. Следовательно, и эта проблема не решается однозначно.

Независимо от того, как будет решаться этот вопрос, присутствие переднеазиатских элементов в языке финно-угров представляет собой объективные реалии, которыми нельзя пренебречь при решении проблемы раннего этногенеза финно-угров.

Финно-угры и дравиды

Удивительно, что о возможном родстве финно-угорских и дравидских (дравидийских) языков написано много и очень авторитетными лингвистами. В середине прошлого века английский лингвист епископ Р. Колдуэлл высказался в пользу родства дравидских и финно-угорских языков. Позже (1925 г.) О. Шредер выдвинул гипотезу о контактах протофинно-угров и дравидов, помещая последних в Индию. О. Шредер нашел много общего в фонетике, морфологии и словообразовании, привел 72 абсолютно сходных и в звуковом, и смысловом отношении корнеслова. По мнению исследователя, дравидо- и финноязычные народы долгое время контактировали где-то в Центральной Азии. Придя в Индию, дравиды со своим финоподобным языком смешались с аборигенами, изменились антропологически, но успели в течение веков привить свой язык покоренным. О. Шредер не настаивал на родственности этих языков, он допускал возможность длительного взаимовлияния (Зифельдт-Симумяги А.Р., 1928). Т. Барроу в 1947 г. сделал обоснование генетической связи уральских и дравидских языков по данным сопоставления названий частей тела. Получив хорошую сопоставимость по 72-м этимологическим гнездам, автор высказался в пользу генетического родства (да простит читатель автору эту неудобоваримую тавтологию) сравниваемых языков (Андронов М.С., 1969). Сам М.С. Андронов, симпатизируя идее родства двух языков, осторожно относился к утверждению этого. Он высказал очень интересную мысль о причинах сходства или родства языков, почему-то не воспринятую специалистами. Отдаленные дравидские и уральские языковые связи не являются родственными в обычном понимании (как, например, русский и украинский). Эти связи не более как след той эпохи, когда не было ни дравидийских, ни финно-угорских языков как таковых. Но были какие-то другие языковые общности, в результате эволюции, диффузии и перераспределения которых возникли языковые семьи.

В качестве курьеза приведу один пример финно-угорско – дравидских схождений. Выше указывалось на удивительное единообразие числительных до шести в финно-угорских языках и удивительное несовпадение числительных в горско-дагестанских. В отдаленных пространственно и, очевидно, неродственных дравидском и финно-угорском удивительно совпадает числительное "четыре": драв. *pāl* – манс. *нила*, хант. *нелле*, *нял*, коми *нёл*, уд-

мурты *льиль*, мари́йцы *ныл(ьт)*, мордва *ниле*, карелы *пелла*, финны *peijä*. эст. *peii*, саамы *ниели*.

Где же родина дравидов, в пределах которой могли "вариться" древние языки, в том числе и протофинно-угорский? В решении вопроса следует различать два понятия – дравиды как физический тип и дравиды как носители соответствующего языка.

По М.С. Андронову, исходный пункт миграции дравидов в Индию (3 тыс. лет до н.э.) находился где-то на территории Восточного Афганистана, примерно в районе Кабула (рис. 4). Еще не достигнув Инда, предки дравидов веерообразно разбрелись по Индостану, достигнув южной его части примерно на рубеже эр. Никаких материалов относительно "привязки" исходной точки миграции нет. Нам представляется, что миграционный путь дравидов М.С. Андроновым показан неверно.

Трудно очертить ареал общности, из которой вышли дравиды. Мы склонны считать, что это была юго-западная часть Азии – побережье Персидского залива, Аравийский полуостров, возможно, долина Нила. Возраст общности – верхний палеолит - мезолит. Идею эту ранее высказал В.П. Алексеев (1986). Он писал, что отнесение эламского языка к дравидским, расшифровка надписей на печатях Мохенджо-Даро с помощью дравидского языка неопровержимо свидетельствуют о гораздо более северном и западном распространении дравидских языков в древности (с. 118). Даже после ухода значительной час-

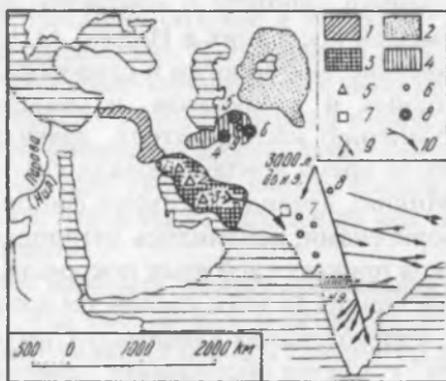


Рис. 4. Передняя Азия в V-IV тыс. до н.э.

культуры: 1 – убейдская, 2 – кельтеминарская, 3 – южных ранних земледельцев, 4 – северных ранних земледельцев;

поселения письменности: 5 – эламской (1 – Сузы, 2 – Маламир, 3 – Яхья), 6 – протоиндийской (7 – Мохенджо-Даро, 8 – Харappa, 9 – Алтын-Дене); 7 – территория брагуи (совр.); 8 – поселения (4 – Гиссар, 5 – Анау, 6 – Геокюр);

миграция дравидов в Индостан: 9 – по М.С. Андронову, 10 – по нашим данным

ти дравидов в Индию в пределах родной ойкумены еще долго звучала дравидская (эламская) речь. В эпоху бронзы население Средней Азии говорило на протодравидских языках (Литвинский Б.А., 1981). По мнению В.М. Массона (1977), еще несколько столетий назад население Систана (историческая область, занимала бессточную впадину вокруг оз. Хамун) говорило на дравидском языке.

Возможно, очень давнее пребывание предков дравидов на Ближнем Востоке отразилось и в названиях р. Нил. Одним из древних названий этой реки было Пирава (Аравия, 1981). Это имя напоминает дравидский (каннада) термин *пураву* "наводнение". Известный режим Нила мог быть поводом для создания такого имени. Да и само название – Нил – хорошо выводится из дравидских со значением "вода": *нилу* по-ваучжски, *pillu* в классическом телугу языке, *piḡ* в языках тамилы, каннада, парджи, *piḡu* в языках тулу, телугу, *diḡ* в языке брахуи.

Антропологический тип самых ранних дравидов (по языку) достоверно неизвестен. Можно только предполагать, что это были европеоиды с некоторыми признаками южного расового ствола. Но позднее, примерно 5 тыс. назад, австралоидные признаки у основной части населения исчезли. Однако еще долгое время эти признаки сохранялись у некоторых групп. Так, в ахаменидское время (середина I тыс. до н. э.) в XVII сатрапии (между Гильмендом и юго-восточным углом Каспия) обитал какой-то народ ("азиатские эфиопы") с негроидными признаками. А жители Гадрамаута (Аравийский полуостров) сохранили эти признаки до наших дней.

Миграция дравидоязычного населения в сторону Индии началась в первой половине III тыс. до н. э. Вызвана она была резким ухудшением климатических условий (усилением аридизации климата) и шла двумя путями: 1) из юго-западного Ирана, 2) из предгорий Копетдага (Юго-Западная Туркмения). Пересечение и встреча двух потоков произошла во второй половине III тыс. до н. э. в Белуджистане. Здесь в районе г. Кветта до сих пор живут брагуи – потомки древних мигрантов, отставшие в пути на новую родину. В антропологическом типе их уже не видны признаки южной расы. Это явные представители восточносредиземноморской расы, а точнее – ее индо-памирского (индо-афганского) типа. Современные брагуи мало отличаются от пуштунов и таджи-

ков (Дебец Г.Ф., 1951). Дравидоязычная народность тогда в Индии также имеет признаки индо-средиземноморской расы.

В долине Инда мигранты создали цивилизацию Хараппа (2400-1500 лет до н. э.; Массон В.М., 1964). Мигранты в антропологическом и этническом отношении были не однородны, что подтверждают материалы раскопок памятников хараппской цивилизации. Европеиды-дравиды, смешавшись с аборигенами-веддами, также приобрели черты австралоидной расы, но сохранили свой язык.

Возвращаясь к финно-угорским и дравидским отношениям, можно отметить, что пути их разошлись рано. Языковое и антропологическое их развитие шло самостоятельно. Предки финно-угров, рано потерявшие связь с ближневосточной родиной, в развитии языка ушли дальше от бывшего языкового состояния Ближнего Востока, нежели дравиды. Их объединяет лишь очень давнее пребывание в составе языкового массива на Ближнем Востоке. Этот массив породил столь великое число различных языков, что понадобилось создание мифа о вавилонском столпотворении, чтобы объяснить это.

Палеоевропейские реликты в языке саамов

Эти жители Кольского полуострова, Северной Финляндии и Заполярья Норвегии как-то особняком стоят в пестром европейском сообществе. Их внешний вид не вписывается в антропологические типы современного населения Европы. Известны следующие гипотезы о происхождении саамов:

это остатки палеоевропейского населения, сохранившиеся в условиях давней изоляции,

это родственники самодийцев Сибири, перешедшие на финно-угорский язык,

это выходцы из далеких мест Сибири, где они контактировали с тунгусами,

это изначальный компонент финно-угров.

Обратим внимание на самое необычное.

В саамском языке около 30 % всего лексического состава (по данным Т. Итконена) составляют субстратные слова, которые не имеют соответствий ни в финно-угорских, ни в самодийских, ни в каких-либо других известных языках. Эти слова ныне свойственны только саамам. Г.К. Керт (1971) приводит значения лишь некоторых из них: земля, песок, торф, мыс, снег, ветер, камень,

росомаха, хариус, ящик, котел, живот, село, сейд (божество), длинный, черный, сладкий, ловить, промышлять, сказать, тушить, брать. Эти слова характерны для всех групп саамов.

В. Таули (1973) высказал предположение о палеоевропейском или палеоевразийском происхождении этого субстрата. Нам представляется более правильным первое предположение. По нашему мнению, субстратная часть лексики саамского языка — это реликты палеоевропейского (доиндоевропейского) языка, который долго сохранялся у саамов в условиях их изоляции в Заполярной Европе. Хорошая сохранность этих субстратных реликтовых слов объясняется и поздним заимствованием саамами финно-угорского языка прибалтийско-финского типа. Г.К. Керт (1971) считает, что саамы завершили переход на финно-угорский язык только к началу I тыс. до н. э. Несомненно, субстратная лексика разновозрастна. Наряду с базовыми словами (земля, песок и др.) саамы самостоятельно создали некоторые культурные термины (ящик, котел и др.).

В подтверждение высказанной версии о саамском языке как далеком потомке языка (языков) палеоевропейцев-кроманьонцев, рассмотрим историю заселения Северной Европы.

Завершающая фаза — сальпауселька — последнего (валдайского, вюрмского) оледенения имеет возраст 10-11 тыс. лет. В это время почти вся территория Фенноскандии была покрыта льдом (рис. 5). После стадии сальпауселька началось стремительное таяние ледников, завершившееся всего за тысячу лет. Освободившаяся от ледника территория вскоре была заселена человеком. В первую очередь человек освоил полуостров Ютландия, затем южную часть Скандинавского полуострова. Побережье Финского залива впервые было заселено в мезолите носителями культуры суомусъярви. Культура существовала в течение 3 тыс. лет (самые поздние стоянки относятся к V тыс. до н. э.; Мейнандер К., 1982). Наиболее древний памятник на болоте Антреа (между Финским заливом и Ладожским озером) имеет радиоуглеродные даты 7280 ± 210 и 7360 ± 140 лет до н. э. К. Мейнандер считает, что культура суомусъярви, как и параллельная ей карельская культура, уже имела значительные, если не преобладающие уральские черты. Корни культуры лежат в населении восточных районов, которое к тому времени уже имело уральский расовый тип. Об этом свидетельствуют находки на Оленьем острове.

Северные районы Фенноскандии были заселены из других районов Европы. На Кольском полуострове первые группы бродячих морских собирателей и бродячих охотников появились в мезолите. Эти группы были родственны носителям культуры комса, возраст которой определяется обычно IX-V тыс. до н. э. (Мейнандер К., 1982). По нашему мнению, нижнюю возрастную границу культуры следует поднять хотя бы на одно тысячелетие, так как в IX в. до н. э. территория Фенноскандии еще была покрыта льдом. А.А. Зубов (1963, с. 156) считал, что 10 тыс. лет назад человек достиг Дании, в VII тыс. до н. э. – Финландии, в VII тыс. до н. э. – Швеции и Норвегии.

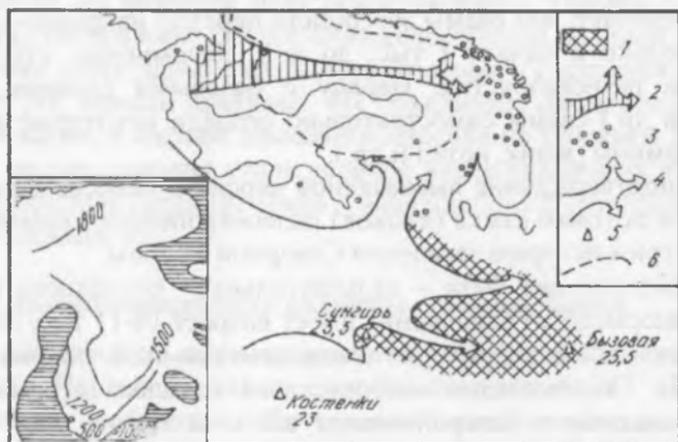


Рис. 5. Раннее заселение Крайнего Севера Европы
(по разным авторам):

1 – аборигенное население (предки финно-угров; верхний палеолит); 2 – миграция носителей аренсбургской культуры (палео-европейцы, мезолит); 3 – культура комса (ранние саамы); 4 – свидерская культура и миграция ее носителей (поздний палеолит – мезолит); 5 – верхнепалеолитические памятники; 6 – ледник (стадия сальпауселька; 11-10 тыс. лет назад).

Врезка: южная граница проживания саамов в Финландии.

Цифры обозначают годы проживания (из: Линкола М., 1982)

Культура комса сформировалась на основе населения более южных районов Западной Европы – носителей аренсбургской культуры (рис. 5). Группы этого населения продвигались на север вслед за отступающим краем ледника, заняли южную Скандина-

вию и прошли до Северной Норвегии (возможно по северному побережью полуострова). В антропологическом отношении это были европеоиды кроманьонского типа. Их язык, следовательно, был палеоевропейским. В.Я. Шумкин (1991) считает, что саамы сформировались на местной основе, ведущей свою историю от пионеров освоения Северной Фенноскандии. В условиях длительной и надежной изоляции европеоидное население Кольского полуострова приобрело некоторые специфические признаки монголоидности (слабый рост бороды, уплощенность лица, сильно выступающие скулы, эпикантус). Низкое и широкое лицо – это реликтовый признак палеоевропейской основы.

При всей своей антропологической неоднородности саамы резко отличаются от финнов. При метисации возникают типы с очень низким, как у саамов, лицом. Такими являются финны Северо-Восточной Финляндии (Марк К.Ю., 1982). Причем эти группы финнов отличаются светлой пигментацией глаз и волос. Поэтому можно признать, что саамы, по крайней мере, их южные группы, были светло пигментированными. Возник антропологический феномен – светлые монголоиды. Наиболее лапаноидными являются саамы северные и инарские.

Известно (Хартанович В.И., 1991), что саамский и уральский расовые типы имеют древнее и независимое происхождение. Лапаноидная монголоидность и уральская не только независимы, но и разновозрастны. Лапаноидная является более поздней. Более того, предполагается, что саамы не покидали пределы Северной Фенноскандии (Норландии) и не принимали участия в этногенезе других народов. Правда, топонимические данные свидетельствуют о том, что саамы еще в недалеком прошлом жили южнее, чем ныне – в Прионежском крае и на юге Финляндии (см. врезку на рис. 5). Среди черепов Караваяевского могильника в Вологодской области были обнаружены типично лапаноидные – брахикранные, с небольшими размерами черепной коробки и низким и плоским лицом (Марк К.Ю., 1959). Это свидетельствует о том, что лапаноиды в прошлом занимали более обширные территории на севере европейской части России. Более того, саамская топонимия распространяется на восток до Коми республики и даже до Урала, что можно объяснить поздней миграцией южных саамов в восточном направлении ("чужь белоглазая"), где саамы и были ассимилированы. Топонимические данные не могут поколебать версию о давнем изначальном появлении саамов

на Кольском полуострове и непрерывном их там проживании в течение многих тысячелетий.

Саамы были изначально палеоевропейцами по происхождению (расовому типу) и языку. Их язык, пожалуй, единственный в мире, сохранил до наших дней какие-то реликты языка ранних европейцев. В принципе такая версия не нова. Еще К.Б. Виклунд (см.: П. Хайду, 1985, с. 113) писал о том, что саамы в языковом и этническом отношении являются народом не финноугорского происхождения, который в раннюю прибалтийско-финскую эпоху был ассимилирован в языковом отношении финно-уграми. Протосаамский язык нигде не сохранился. Это был европейский язык времени ледникового периода. Более поздние исследования конкретизировали и подтвердили суть этих высказываний. Однако имеются и другие точки зрения по этой проблеме.

Э. Эрнитс (1990) нашел 36 совпадений в субстратной лексике тунгусо-манчжурских и саамском языков, из чего были сделаны выводы о былом восточном (в Сибири) обитании саамов. Нам такое заключение представляется фантастическим.

Финно-угры и тохары

В самом конце XIX в. в поле зрения исследователей попали письменные источники на неизвестном языке. Документы были обнаружены в г. Кашгар (китайская провинция Синьцзян). До начала Первой мировой войны интенсивные поиски аналогичных документов в оазисах к северу от пустыни Такла-Макан проводили ученые из Германии, Франции, Англии, России, Японии. На южных склонах Тянь-Шаня (бассейн р. Тарим), в пещерах, приспособленных под буддийские храмы, были найдены удивительные документы средневековой буддийской культуры в ее центральноазиатском варианте. Кроме стенной живописи и мелких скульптур было найдено большое количество фрагментов рукописей. Турфан, Карашар, Куча – эти оазисы пустыни Такла-Макан дали основную массу находок. Расшифровка текстов показала, что среди рукописей имеются документы, написанные на неизвестном ранее языке, который получил неудачное название тохарский. Неудачное потому, что в со II в. до н. э. и до I в. н. э. в Средней Азии уже были известны тохары (кит. *да-юэчжи* "великие или большие юэчжи"). Именно эти воинственные племена разгромили Греко-Бактрийское царство и основали свое – Ку-

шанское. Но эти тохары ничего общего не имели с авторами древних манускриптов. Они были ираноязычными.

После долгих споров, не предложив ничего лучшего, ученые согласились сохранить это название, выделив в тохарском языке два диалекта: диалект А (карашарский, или восточный) и диалект В (кучанский, или западный). Тохарские письменные документы датированы V-VII вв. н. э. Однако особенности этого языка позволили считать его потомком древнего языка, синхронного ранним индоевропейским языкам - хеттскому (II тыс. до н. э.) и кельто-италийским. Наравне с этими языками тохарский входил в индоевропейскую семью и обладал всеми ее ранними признаками.

Самое удивительное – в этом древнем языке имеются свидетельства давнего его контакта с языками финно-угорскими. Со всей определенностью об этом писали В. Краузе, Э. Бенвенист, Вяч. Вс. Иванов. Реальность таких контактов определялась тем, что изначальной родиной тохар были степи Восточной Европы от Днепра до Южного Урала. Тохары в степях создали культуру, названную археологами (Семенов В.А., 1987) древнеямной (IV-III тыс. до н. э.). Носители культуры обладали явным палеоевропейским (кроманьоноподобным) антропологическим типом и говорили на раннем индоевропейском языке. Более 5 тыс. лет назад древнеямники сделали марш-бросок на восток (через Алабугу в Притоболье), достигли Алтая и несколько позже - Минусинских степей. В Сибири мигранты создали культуру – почти точную копию древнеямной, названную афанасьевской. Афанасьевцы проникли в Туву и Монголию, дошли до границ нынешнего Китая (культура Цицзя). Во II в. до н. э. тохары (не ираноязычные!) еще занимали оазисы Восточного Туркестана. Тохары очень долгое время сохраняли свой язык и самобытную материальную культуру, пока окончательно не были ассимилированы тибетцами (Рерих Ю.Н., 1936), возможно и иранцами.

Тохарский (кучанский, карашарский) язык включает как древние индоевропейские элементы, представленные во всех языках, так и элементы, сближающие его лишь с некоторыми из них.

Малоазийские (кавказские) соответствия

Б. Мункачи выявил в финно-угорских языках, особенно в венгерском, множество кавказских лексических заимствований.

Отмечены также грамматические соответствия кавказских с финно-пермской группой языков особенно с мордовским. Многопадежная система, характерная для венгерского и пермских, из всех языковых систем имеется только в кавказских языках (Таули В., 1973, с. 423). В этой проблеме особое место занимает мордовский, который по своей структуре отличается от других финно-угорских языков и сближается с кавказскими. Последние (наряду с баскским) являются наиболее архаичными по своему грамматическому строю. Все это предполагает давнее и достаточно эффективное контактирование части финно-угорских народов с народами Кавказа. Для венгерского эта проблема достаточно просто решается: венгры в V-VI вв. занимали на Северном Кавказе территорию между Доном и Кубанью (Хабичев М.А., 1980). Для финно-угров предполагается изначальное более южное проживание, сделавшее возможным контакт их с кавказцами. По крайней мере, вполне определенно туда помещают предков мордвы (Таули В., 1973, с. 425).

Нам представляется, что происходило иначе: не финно-угры сдвигались к Кавказу, а Кавказ в лице некоторых групп своего населения пришел к финно-уграм. И со всей определенностью решается эта проблема (приток кавказского населения в преимущественно угорскую среду) не в европейской части ареала финно-угров, а в Сибири.

В бассейне Васюгана (левый приток Оби) имеется немало гидронимов, которые не раскрываются из известных языков Сибири. Слева в р. Чижалка недалеко от ее устья впадает р. Салат, принимающая слева р. Оглат, а справа р. Самлат. В р. Оглат впадает р. Пырталат-кыге, название которой имеет селькупское приращение *кыге* "речка". Справа в Васюган впадет небольшая речка Ай-Кынглат "Малая Кынглат" и Елле-Кынглат "Большая Кынглат" (хант. *ай* "малый", *елле* "большой"). В системе р. Аган (правый приток Оби) известны реки с именами Вылат и Вилат.

Имеется лишь одна попытка К. Доннера объяснить этимологию имени р. Салат: "оборотная", то есть "крутоповорачивающая" (Воробьева И.А., 1973). Просмотр соответствующей литературы показал, что формант *лат* в названиях водоемов известен в Передней Азии и в Закавказье: Дидшлат – арабское и Деклат – армянское древнее название верховой р. Тигр, Хилат – древнее название оз. Ван. Река Батман-су, левый приток Тигра (западнее оз. Ван), в прошлом носила имя Каллат "река невесты" (сир.;

Арутюнян Н.В., 1985, с. 100). Канал, соединяющий Каир с озером на Суэцком канале, носит название Вади-Тумилат. В современном арабском языке *оглат/углат* означает "ключ на песке, источник, колодец, сточная канава" (Словарь..., 1973). Обратимся к Кавказу.

Праосновой термин "вода" для всех дагестанских языков является *лълад/лъад*. Эта праформа в результате закономерных изменений трансформировалась и ныне не употребляется в живой речи, как нет в современном Дагестане гидронимов с таким апеллятивом. Любопытно, что в XVIII в. у березовских вогулов было записано слово *латень* "река" (Сравн. словарь..., 1789). Более нигде термин не был зафиксирован, если не считать хант. *лит* "яма", "место".

В составе хантыйской базовой лексики имеется немало слов, которые выпадают из круга финно-угорских языков и не могут быть выведены из последних. Вот некоторые примеры:

хант. *инк* "вода" – венг. *víz*, манси *вит*, коми *ва*, удм. *ву*, мар. *вуд*, морд. *вядь*, карел. *vezi*, фин., эст. *wesi*, саам. *чадзь/чацц*. Б.А. Серебренников (1966) писал, что сохранившееся у хантов слово *инк* "вода" не имеет убедительных финно-угорских аналогий;

хант. *зох-сар* (и *вокай*), манси *ох-сар* "лиса" – венг. *гока*, удм. *зичи*, морд. *ревезь*, карел. *rebo*, фин. *repo*, *kettu*, эст. *риемнь*, *римн*;

хант. *юх* "дерево" – венг. *фа*, манс. *йив*, коми *пу*, удм. *писпу* мар. *пушенге*, морд. *чувто*, карел. *пу*, *пув*, фин. *пиу*, эст. *пу*, саам. *мырр*;

хант. (васюг. диал.) *коги* "камень" – венг. *ко*, манси *ахвтаc*, коми, удм. *из*, мар. *кў*, морд. *кявь*, фин., эст. *kivi*, саам. *кедьг*, *кедьк*;

хант. *игай* – "река" (средних размеров) – венг. *folyo*, манси *я*, коми *ю*, удм. *шур*, мар. *эгэр*, морд. *ляй*, *лей*, фин. *joki*, *kimí*, эст. *jogi*, саам. *йок*;

хант. (васюг. диал.) *рев* "гора" – венг. *hegi*, манси *нёра*, коми *гора*, удм. *гурезь*, морд. *пандо*, карел., эст. *tägi*, фин. *vuori*, саам. *выд*;

хант. (васюг. диал.) *янг* "десять" – венг. *tíz*, манси *лов*, коми, удм. *дас*, мар. *лу*, морд. *кямень*, карел. *kümmer*, фин. *kummenen*, эст. *kümme*, саам. *логк*;

хант., манси *амп* "собака" – венг. *kutya*, удм. *пуны*, морд. *киска*, фин. *koira*, эст. *коер*, *peni*, саам. *пъенне*.

Приведенные хантыйские слова явно не вписываются в систему финно-угорских терминов и понятий, что позволяет считать их заимствованиями. Соответствия им обнаружены в горско-

дагестанских языках. Сопоставим приведенные выше хантыйские слова с соответствующими словами из этих языков:

- хант. *инк* "вода" – ахв. *инхе*, гунз. *энху*;
 хант. *вох-сар* "лиса" – багв. *сар*, карат. *саре*, беж. *соре*, анд. *сор*, авар. *цер*, цез. *зиру*, гинух. *зеру*, хварш. *зор*, *зару*;
 хант. *юх* "дерево" – рут. *йух* "береза", гунз. *рыху* "тополь", анд. *беху* "береза", авар. *рох* "роша" (начальный согласный в горско-дагестанских примерах является классным показателем);
 хант. *коги*, *кев* – "камень" – общедагестанские основы *къг*, *къвв* фонетически близки к указанным хантыйским (первая из них финно-угорская, вторая соответствует только хантыйской лексеме);
 хант. *игий* "река" (средних размеров) – цез. *игъу*, хварш. *еху*, гунз. *эху*, гинух. *иху*, *ехе*;
 хант. (восюг. диал.) *рев* "гора" – общедагестанская реконструируемая основа **ре-къвам* "вершина горы", "голова" (исчезновение фарингализованного *къ* могло привести к возникновению стяженного *рев*);
 хант. (восюг. диал.) *янг* "десять" – фонетически близко к авар. *анцго*, *анчго*, хотя здесь историческим корнем является *ц*, отсутствующий в хантыйском варианте;
 хант. *амп* "собака" – лезг. *ампа*.

Кроме перечисленных параллелей можно привести еще несколько:

- хант. *нех* "речка" – лак. *нех* "река";
 хант. *муч* "изгиб (реки)" – табас. *муччь*, *мурчь*, арч. *меце*, лак. *мурцу* "угол" (ср. тюрк. *култук* – "угол", "подмышка", "залив");
 хант. *вала* "место" (восюг. диал. *вач-вала* "города место") – лак. *валу* – словообразовательный суффикс (?), участвующий в образовании термина *шаравалу* "село".

Необычайно интересна параллель ахв. *эква*, тинд., чамал., багул., анд. *гьеква*, цез. *жеку*, гунз. *сику*, гинух. *рекве* при общедагестанской основе **гекв* "человек" с угорским фольклорным героем Эква-Пырищ. В хантыйском фольклоре известен герой Эква-Пырищ, который при помощи волшебной шапки мог превращаться в невидимку (Чернецов В.Н., 1947). В языке восточных хантов *пыр* означает "задний", "наоборот", "обратный" (Терешкин, Н.И., 1981, с. 365). Судя по сказкам, герой, превратившись в невидимку, мог вновь ("обратно") принимать облик человека. В фольклоре манси словом *эква* обозначают женщину, жену мифического персонажа, божка.

В хантыйском языке термин *коги* (и близкие его фонетические варианты) дублируется словом *кеви*. Это слово в форме *кава* закрепилось в названии притока р. Аган – р. Кава-Еган. Отличает эту реку от соседних, по словам большого знатока этих мест А.А. Земцова, обилие камней в русле. Это обстоятельство и послужило поводом для возникновения такого гидронима – "каменистая река" (хант. *еган* "река"). Позднее река была переименована (энцами?) и ныне называется Ампута. Былое название реки сохранилось только на старых картах. Термин *кава* близок общепинно-угорскому: суоми. эст., карел. *киви*, манс. *ки*, венг. *кове*. Термин в форме *кев* ныне бытует только в речи обдорских (нижнеобских хантов).

Топонимы на *лат* васюганскими хантами воспринимаются как чужие. Топонимы с апеллятивом *игай* они считают родными и осмысливают апеллятивиз как "речка". Однако такого рода топонимы встречаются только в бассейне Васюгана. Отсутствие их в других районах длительного проживания хантов заставляет предполагать, что термин *игай* заимствован ими из другого, неизвестного, языка. Это напоминает ситуацию с тувинским *хем* – явно нетюркским апеллятивом, но широко используемым тюрками-тувинцами в номинации рек. В бассейне Васюгана известны гидронимы с апеллятивом *игай*: Алтым-игай "река, где ставят осенние сплошные запоры", Варе-игай "запорная река", Кала-игай, Вилан-игай, Елле-Кулун-игай "большая рыбная река", Ен-игай "большая река", Икалы-игай, Илькойрук-игай, Кала-игай, Калман-игай, Камлин-игай, Кому-игай, Нан-игай "лиственничная река", Памы-игай "сенокосная (или травянистая) река", Пан-игай, Поошин-игай, Пуглал-игай, Сыглын-игай, Томул-игай (в верховьях носит название Томул-кыке), Халка-игай. Некоторые гидронимы не раскрываются без больших натяжек. Первый компонент гидронима Томул-игай ханты единодушно отказываются объяснить из своего языка. В верхнем течении гидроним имеет селькупское приращение *кыке* "речка". По-видимому, и хантам, и селькупам было известно чужое (кетское?) имя реки Томул, к которому они присоединили свои апеллятивы с одинаковым значением "речка". Удивительно, но вне Васюганья, даже в соседствующих бассейнах гидронимы с апеллятивом *игай* не встречаются. Если термин *лат* в реконструированном значении "вода" найден на Кавказе (см. выше), то и термин *игай* "река (средних раз-

меров)" также раскрывается из горско-дагестанских языков: цез. *игъу*, хварш. *еху*, гунз. *эху*, гинух. *иху*.

Археологические памятники у пос. Озерное на оз. Тух-Эмтор имеют трехслойное строение. Нижний культурный слой содержит гребенчато-ямочную керамику, средний – керамику с орнаментацией, сочетающей гребенчато-ямочные мотивы с андронидными, верхний (ранний железный век) – традиционную ямочно-гребенчатую (Кирюшин Ю.Ф., 1973). Нижний слой принадлежал собирателям, рыболовам, охотникам (степановский этап эпохи бронзы; первая четверть II тыс. до н. э.). Средний создали пришельцы, которые принесли сюда новую технологию в изготовлении и орнаментации керамической посуды, скотоводство, возможно зачаточное земледелие. Эти новации связаны с приходом со стороны Иртыша андроновского (федоровского) населения. Было две волны пришельцев: середина-третья четверть II тыс. до н. э. (тух-эмторский этап) и последняя четверть тысячелетия (тух-сигатский этап). Верхний слой свидетельствует о возврате традиций раннего населения. Вследствие увлажнения климата и заболачивания лугов занятие скотоводством стало невозможным. Это возврат к старым традициям начался в I тыс. до н. э. (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979).

Три аномалии: 1) присутствие в языке хантов кавказских лексем, 2) странная топонимия, не раскрывающаяся из языка хантов и селькупов, 3) новации в материальной культуре (появление скотоводства и высокоразвитого бронзолитейного производства, андронидная керамика) - нами связываются воедино и "привязываются" к населению переднеазиатско-кавказского происхождения. Это население пришло на Урал с Северного Кавказа примерно 3,5 тыс. лет назад. Мигранты, известные в археологической науке как андроновцы-федоровцы, углубились в зону тайги, благо этому благоприятствовали природные условия того времени, и, смешавшись с аборигенами угорского происхождения, создали дочерние культуры – черкаскульскую, сузгунскую и др. (Матвеев А.В., 1995).

Удивительны, но плохо изучены некоторые этнографические параллели обских угров и древнего населения Малой Азии. Ю.В. Балакин (1984), анализируя работы австрийских этнографов И. Гекеля и Л. Шмидта, писал по этому поводу следующее. И. Гекель выявил древневосточное влияние на угров, которое наложилось не только на формальную сторону культа идолов, но и

затронуло сферу религиозных представлений и связанных с ними ритуалов. В частности, это касается культа идолов, принесение им жертв, одевание, ежегодное кормление и т.д. Особенно показательны вогульские пляски с оружием перед идолом, которые до мелочей совпадают с военными танцами у хеттов. Л. Шмидт добавил к перечисленным аргументам наблюдения о сходстве применения свинца в ритуальных целях, которое он обнаружил у народов Ближнего Востока и народов Урала и Поволжья. Переднеазиатское влияние датируется II тыс. до н. э. И. Гекель считал, что полностью отождествлять смысл обрядности хеттов и угров было бы неверно, так как позднее у угров на представления об идолах наложился отпечаток культа духов природы и представления о богах и верховном божестве Торум.

Несомненно, хетты, индоевропейцы по языку, не имели прямого отношения к уграм и, пожалуй, в Сибири никогда не были. Дело в том, что пришельцы-индоевропейцы позаимствовали у покоренных ими хаттов не только их этноним (самоназвание пришельцев неизвестно), но и религиозные представления, обычаи, культы. Это подробно описал В.Г. Ардзинба (1982). Время появления хеттов (не хаттов!) в Малой Азии теряется во тьме веков. Известно, что около 1800 г. до н. э. царь Куссара по имени Анитас объединил разрозненные племена в одно царство, могущество которого росло от года к году. Утверждая свое владычество, хетты вели непримиримые войны с аборигенами. Возможно, это давление пришлых европейцев вынудило значительную часть аборигенов покинуть родину и мигрировать на север по черноморскому и каспийскому побережьям Кавказа. Родство хаттского (не хетского!) языка с абхазским ныне, пожалуй, оспаривается немногими. Можно предполагать, что хаттские традиции были переданы, с одной стороны, победителям-индоевропейцам, а с другой – унесены мигрантами на Кавказ, Урал и в Сибирь. Не является ли кавказский танец с мечами и мечепочитание (Шиллинг Е.М., 1946) в селениях Дагестана трансформированным обычаем, который связывает малоазиатские, кавказские и угорские народы?

Сошлемся еще на В.Н. Чернецова (1941), который считал, что остяко-вогульский орнамент уходит корнями в андроновскую культуру, носители которой и были, по нашему мнению, выходцами из Малой Азии.

По данным антропологов Н.Н. Чебоксарова и Т.А. Трофимовой (1941), среди манси, особенно ивдельской группы, отмечаются черты, сближающие их со степняками. Они имеют умеренно-темные волосы, широкое низкое лицо, сильно выступающий нос с выпуклой спинкой и опущенным кончиком и основанием; мезокефалы (средние между длинно- и круглоголовыми). Возможна связь с мезокефальными формами Причерноморья и Северного Кавказа. Комбинация этих признаков у ивдельских манси позволяет поставить вопрос о вхождении в состав манси расовых элементов, близких андроновским.

Разработанная В.Н. Чернецовым (1941) гипотеза о том, что угры – это изначальные степные скотоводы, проникшие в лесную зону, где они были ассимилированы аборигенами, но передали им свой язык и название – неверна. В действительности же в среде таежных охотников и рыболовов, угров по языку, внедрились иноязычные степняки, которые растворились в среде аборигенов, обогатив их язык терминами базовой лексики, а материальную жизнь – новыми технологиями гончарного и бронзолитейного производства, новыми мотивами декоративного искусства и пр. Процесс этот был подробно описан нами (Малолетко А.М., 1989). Здесь же мы кратко изложим суть нашей версии.

В III тыс. до н. э. в Малой Азии проживала компактная группа европеоидов, говоривших на неиндоевропейских языках, которые ныне объединяются в искусственную алародийскую группу. Носителями их были хатты, каски Южного Причерноморья, хурриты и урарту Закавказья, кура-араксинцы (кутии, удины?). В конце III или на рубеже III или II тыс. до н. э. алародийцы мигрировали на Кавказ. Мигранты причерноморского маршрута являются предками абхазов и адыгов, мигранты прикаспийского – нахско-дагестанских народов. Мигранты заняли северные пределы Кавказа, где вошли в контакт с аборигенами (восточными кельтами?), были ассимилированы ими, но передали свой неиндоевропейский язык. Затем последовал бросок с Кавказа на Южный Урал. Здесь мигранты (носители федоровского варианта андроновской культуры) вошли в контакт с местными таежными племенами, в развитии которых они приняли живейшее участие. Так у угров Зауралья появились новации в языке, верованиях, материальной культуре. Были созданы дочерние андронидные культуры, из которых наиболее ранней была черкаскульская. В Предуралье следы влияния андроновцев отмечены в материалах

межовской культуры (не выводится ли ранняя мордва из этой культуры?).

Индоевропейские заимствования

В. Халлап и Ю.Тедре (1966) в обзоре докладов Международного конгресса финно-угроведов в Хельсинки остановились на докладе финского ученого Б. Коллиндера "Родственные связи уральских языков". Опираясь на доклад, авторы обзора отметили, что гипотеза родства индоевропейских и уральских языков выглядит убедительнее, чем противоположная. Нам представляется, что это родство уходит в поздний палеолит, когда в Северной Евразии от Атлантики до Байкала формировалась евроазиатская популяция раннего человека разумного. Однако индоевропейский язык-основа обособился позднее, когда и финно-угорский праязык уже определился как самостоятельная языковая система. Взаимодействие этих языковых систем относится к более позднему (доиндоиранскому; Лыткин В.И., 1953) времени. Индоевропейскими заимствованиями в финно-угорских являются слова: пчела, мед, свинья, рукоятка (черенок, ручка). Финно-угры еще в пору финно-угорского единства стали пользоваться индоевропейским термином *wed "вода", с которым соотносятся фин. *wesi* (*wete*), эст. *vesi*, эрзя *ведь*, *вядь*, мокша *ведь*, мар. *вуд*, лив. *veet*, венг. *viz*, *vit*, коми *ва*, удм. *ву*, манс. *вит*. Саамы сохранили древний (переднеазиатский?) термин *чадз*, *чацц*. Исконно финно-угорская форма термина "вода" реконструируется как *juwe (Лыткин В.И., 1964, с. 213).

Индоевропейское происхождение имеют слова со значением: кто?, тот, ты, что?, этот, я, жила, золовка, имя, отец, заря, рассвет, бояться, вести, девать/продавать, мыть, приносить, привозить, считать/читать, умирать, сторона/половина, нож, плести/прясть, сверло/сверлить (Основы финно-угор. языкозн., 1974, с. 45).

Финно-угорско - индоевропейским соответствием является понятие "por" : исходная форма *sorwa* (др.-инд. *s'rngam*, авест. *srwa*, лат. *cerwus* "олень") – фин. *sarvi* (*sarven*), эст. *sarv* (*sarve*), саам. *sarri*, эрзя *сюро*, мокша *сюра*, коми и удм. *сюр*, хант. *sarri* "лось", манс. *sorri*, венг. *szarv* (там же, с. 412). Угорские лексемы, по данным лингвистов, это давние заимствования из языков финской подгруппы.

Наиболее архаичными из индоевропейских языков являются кельтские. Имеется в саамском, но отсутствует в остальных финно-угорских языках понятие *цияцце* "небо", которое соответствует кельтскому (др.-фр.; см. Сравн. сл..., ч. 4, 1791) *циакс*, *циэкс* с тем же значением. А.П. Баранцев (1990) признает кельтскими заимствованиями в финском слова *hepo* "лошадь", *kalpa* "меч", *keihäs* "копье", *kauris* "козел", *tarvas* "зверь".

Не только лексические, но и грамматические соответствия в финно-угорских (точнее – финских) и индоевропейских языках (Таули В., 1972) находят себе логическое объяснение: обе языковые семьи сформировались из одной популяции (северной или бореальной), о чем нам уже приходилось писать (Малолетко А.М., 1997).

В угорских языках древние индоевропейские элементы, насколько нам известно, отсутствуют. Очевидно, предки угров ушли за Урал до прихода в Восточную Европу ранних индоевропейцев. Носители того индоевропейского языка, который обогатил финские, неизвестны. В качестве рабочей версии к ним можно отнести фатьяновцев.

Фатьяновская культура (рубеж III и II тыс. до н. э.) для бассейна Верхней Волги и Оки является пришлой. Исходной территорией для неё была восточная часть южного побережья Балтики – бассейны рр. Даугава (впадает в Рижский залив) и Нямунас (впадает в Курский залив). По-видимому, на исходной родине фатьяновцы имели тесную связь с носителями культур шнуровой керамики и боевых топоров. Памятники культур известны на обширной территории от Рейна до Волго-Камья и от Южной Швеции до Прикарпатья. Фатьяновцы в своем движении на восток заняли бассейн Оки и Верхней Волги до устья р. Кама, непосредственно контактируя на севере с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики – финно-уграми (или только финнами).

Антропологический тип фатьяновцев – типичный палеоевропеоидный (кроманьонский) – является обычным для Северной Европы того времени. Мужские черепа имеют большую длину и малую высоту. Лицо низкое, мезогнатное, скуловая ширина очень большая. Глазницы низкие, прямоугольной формы. Нос широкий, сильно выступающий. Наклон лба средний, надбровные дуги сильно развиты (Акимова М.С., 1947). Встречаются черепа со смягченными чертами кроманьонцев. М.М. Герасимов (1955, с. 487) также отмечал, что фатьяновцы (Кузьминский мо-

гильник на Дубне) сохранили некоторые черты, свойственные древнему типу северного палеоевропеоида, но лицо его шире и массивнее, нос менее выступающий, лицо менее профилированное нежели у современных северо-западных европейцев.

Исходя из широкого – до Рейна – ареала культур, родственных фатьяновской, и древнего кроманьоноподобного облика, можно высказать предположение о принадлежности фатьяновцев к ранним индоевропейцам, проникшим в Восточную Европу. Возможно, эти индоевропейцы были предками балтов, германцев, славян.

Индоиранские заимствования

Разностороннее (языковое, мифологическое, религиозное, хозяйственное и пр.) влияние индоиранцев и иранцев на финно-угорские народы общепризнанно. Имеющиеся разногласия касаются лишь частных и хронологии заимствований.

К арийскому (индоиранскому) уровню относятся следующие заимствования:

"шерсть" – инд. *урна*, иран. *варна*, коми *вурун*;

"вымя" – др.-инд. *udhar*, удм. *вера*, коми-зыр., *вбра*, мар. *водар*, морд. *одар*, фин. *utar*;

"сто" – праарийск. *sata-m*, инд. *шата*, ир. *сата*, фин. *сата*, эст. и морд. *сада*, манс. *сам*;

"жеребец" – др.-инд., др.-ир. *врша*, фин. *варса*, эст. *варс*;

"кнут" – ир. *аштра*, *аштар*, венг. *остор*, *астар*, хант. и манс. *оштер*, *аштр*;

"веревка" – инд. *рашана*, перс. *расан*, манс. *расн*.

Возможно, фин., вепс. *taivas*, эст. *taevas*, лив. *tovas* "небо" исходят из др.-инд. *deva* "божество". Авест. *deva* "демон" вряд ли было использовано в древнеиранское время финнами для обозначения неба, так как у всех народов небо было светлым божеством. Это свидетельствует о более древнем заимствовании (на индоиранском уровне).

Несколько неожиданным было выявление в саамском индоиранского заимствования:

абр (*abr*) "облако, туча, дождь" – др.-инд. *abhra*, авест. *awra* "облако, дождь", кл. перс., ср.-перс., тадж., дари *abr* "облако, туча", ягноб. *abre* "дождь". Насколько нам известно, этот иранизм в других финских языках не встречается;

коки "сухой" – скиф. *кокиа* "сухой".

В.И. Лыткин (1953, с. 61) считал, что угры некоторые слова индоиранского происхождения заимствовали от пермяков. К числу их он отнесит:

"пиво" – манс., хант. *сop*, вепс. *sõg*, удм. *sur*, др.-инд. *suga*, авест. *huga*;

"золото" – хант. *сарга*, манси *sortni*, *sareñ*, венг. *arani*, перм. *зарни*, морд. *сырне*, авест., скиф. *zaranya*, но др.-инд. *hiranya*;

"свободный, вольный" – хант. *азат*, кирг. (из ир.) *азат*, ср.-перс. *azat*, перс. *azad* из др.-инд. *a-zata* "знатный, благородный" (*джати* "род", "порода");

"хлеб" – манс., хант. *пай* (приблизительное написание *нень*), коми-зыр., удм. *пай* (*нянь*).

Прибалтийско-финские языки такого слова со значением "хлеб" не имеют. В кетских языках "хлеб": сым. *нень*, сург. *нан*, кур. *нань*. Тарские татары словом *нан* обозначают хлеб из пшеничной муки (из ржаной муки – *икмэк*). Этот культурный термин, широко используемый некоторыми народами Сибири, имеет древнеиранское происхождение и восходит к понятию *пи-кап* "закапывать, зарывать (в горячую золу)", отражающему технологию выпечки хлеба в далекие времена. В языке поздних иранцев это выражение несколько трансформировано: ср.-перс. *нан*. В языке белуджей (северо-западная группа иранских языков) словом *нан* обозначается не только хлеб, но и еда вообще. Армяне заимствовали иранское (в древнеиранское время?) слово "хлеб", несколько изменив его: *пкан*, *пканак*. Армянский вариант ближе к древнеиранскому, нежели среднеперсидский. Тюрки и кеты заимствовали иранское слово "хлеб" из более поздних источников.

Индоиранские контакты с финно-угорскими народами изучены достаточно хорошо. Начались они, по мнению Л.А. Гиндина (1990), по крайней мере, в IV-III тыс. до н. э., когда финно-угры занимали Волго-Окское междуречье и Прикамье. Зауральские контакты с уграми иранцы установили позже, вероятно, в середине I тыс. до н. э. По крайней мере, в Саратовской области иранская речь звучала еще в V-VIII вв. н. э. Возможно, что последними иранцами здесь были аланы, предки осетин. Каким-то образом отзвуки об аланах на территории Северного Казахстана докатились до 16 столетия: на карте Г. Меркатора (1595 г.) имеется надпись *Alani montes* "аланские горы" на пространстве от Алтая до Южного Урала.

Не решен до сих пор вопрос о происхождении имени р. Обь. В этом имени можно увидеть иранский термин *ob* "вода". Иранский вариант привлекает сложившейся в топонимике практикой именования объектов по географическим терминам (р. Дон из алан. *дан* "вода", р. Би(я) из южносамод. *би* "вода"). В средневековье, насколько можно судить по поэме Фирдоуси (940-1020) "Шахнаме" (Книга о царях), Амударья называлась Об. Русские люди впервые узнали р. Обь в ее низовье и впервые услышали ее имя от проводников-зырян. И нигде более, как в низовьях, великая сибирская река не носила это имя (Розен М.Ф., 1970). Но нет более иных свидетельств о проживании в низовьях реки ираноязычного населения. Правда, иранское имя Оби не одиноко. На карте Г. Меркатора (1595 г., рис. 6) ниже устья Иртыша показан левый приток *Artawischa*, а за полярным кругом р. *Danadim*. Река Артавиша изображалась и на картах И. Магина (1600 г.), С. Нейгебаура (1612 г.). Название имеет явно иранское происхождение. Но откуда появились сведения о реке с таким именем и с какой рекой современности ее можно сопоставить?



Рис. 6. Фрагмент карты Г. Меркатора (1595)

На карте Г. Меркатора за Полярным кругом показана р. *Danadim*, первый компонент имени (*dana*) также можно считать иранским. Однако эту реку можно идентифицировать с р. Надым (возможна ранняя запись "...да Надым", т. е. "и Надым"). В языке коми много иранизмов, однако термин *об* "вода" не был использован в образовании топонимов. Поэтому представляется мало вероятным, что именно

коми вдруг использовали этот термин для образования имени чужой реки. Правда, 300 лет назад русское посольство по пути в Китай (Идес И., Бранд А., 1967, с. 77) зафиксировало в бассейне Чусовой р. Дарья, имя которой безупречно иранское. Удастся ли доказать пребывание групп(ы) иранцев на севере Западной Сибири? В этой связи можно отметить, что в прошлом (XVIII в.) тобольские татары в живой речи использовали иранский термин в форме *дарью* "вода".

Судя по огласовке, термин *об* является сравнительно молодым и не связан с древними иранцами. В устах последних (вторая половина I тыс. до н. э.) этот термин звучал как *an* (ap).

И еще о таинственной р. Artawischa. На карте А. Дженкинсона (1556 г.) она вместе с р. Sibut (Сибирь?) впадает в р. Sossa (Сосьва) ниже устья Иртыша. На карте Г. Меркатора (1595 г.) Artawischa впадает слева в Обь между Сосьвой и Иртышом, примерно на равном расстоянии от устьев этих рек. Идентификация реки затруднительна. Между устьями Сосьвы и Иртыша слева в Обь впадают лишь небольшие реки Хугот, Ендырь, Сеуль, Ковенская, Кама, Конда. Которая из них могла быть прототипом реки с иранским именем? Остается только гадать. По нашему мнению, наиболее предпочтительной является идентификация с р. Кама. Отметим также, что на карте Г. Меркатора р. Обь впадает в Oceanus Tartaricus olim Scythus "Океан Татарский или Скифский". В правобережье Оби, у впадения ее в океан, на карте имеется надпись Scythicum promontorium "Скифский мыс (полуостров? – А.М.)". Причины появления имен скифов на карте не ясны. Возможно, это отзвук античной информации.

В.Н. Чернецов в экспедиции в 1925 г. зафиксировал мансийский род Бахтиаровых (бассейн р. Лозьва), пришедший, согласно преданиями, с западной стороны Урала (Чернецов В.Н., 1987, с. 14). Род назван по имени основателя – Бахтиар. Это имя широко распространено в иранском мире и имеет значение "счастливый". В частности, в Афганистане также имеется племя бахтиары.

Глубокий след оставили иранцы в религиозных представлениях угров. Правда, это влияние было "асимметричным": отчетливо оно проявилось у манси, особенно у южных, западных и северных групп, и более слабо у хантов (Яшин В.Б., 1987). Большинство иранизмов отмечено у фратрии мось. Влияние иранцев сказывается в основном на верхнем уровне мифологии обских

угров. В первую очередь это относится к культу Мир-сусне-хума "мир озирающий человек", который на белом коне объезжает по небу мир, наблюдая за деяниями людей. Он может опуститься на землю, но конь обязательно должен стать на четыре серебряных блюда. Это младший сын верховного бога хантов и манси Торума. Он является персонифицированным культом Солнца и может быть сопоставлен с иранским богом Митрой. В фольклоре предуральских финнов подобный персонаж отсутствует, что позволяет говорить о его зауральском происхождении.

Другим персонажем в фольклоре обских угров является гигантская птица Карс (Чернецов В.Н., 1947), прообразом которой явилась птица Гаруда индоиранских мифов. Мифы о Карсе нашли свое отражение в изобразительном искусстве. Карс изображался на отливках и в гравировке на металлических бляхах и зеркалах в виде птицы с человеческими руками и головой. Имеются изображения Карса, несущего человека. Иногда на груди Карса показана человеческая личина, семантика которой не ясна. Возможно, этим приемом мастер пытался показать антропоморфные черты и сверхъестественную сущность.

В изобразительном творчестве угров под влиянием иранцев появляются совершенно несвойственные таежникам сюжеты: изображения лошади и всадника, свернувшегося зверя, хищной птицы иногда с человеческой личиной на груди (см. выше).

Как будто имеются примеры обратной связи – финно-угорские заимствования в индоиранских. Речь идет о представлении древних иранцев о фантастическом звере по имени Шарабха. Этот восьминогий дикий зверь мог вступать в борьбу даже с крупными хищниками. Чаще всего Шарабху представляли в форме оленя (Бонград-Левин Г.М., Грантовский Э.А., 1983) Легенда о могучем шестиногом лосе, жителе неба, бытовала у обских угров, Н.Л. Гондатти записал ее в XIX в. Б.Мункачи высказал мнение, что древнеиндийское слово *шарабха* соответствует угорскому названию лося – *сарп*, *шарп*. Правда, лингвисты позже решили, что это случайное совпадение, так как угорские названия лося восходят к заимствованному от финнов иранскому названию рога (см. выше). Присоединяемся к последнему мнению, так как прямой контакт обских угров с индоиранцами нам представляется мало вероятным.

В.Б. Яшин (1987) подробно рассмотрел взаимоотношения иранцев и обских угров и пришел к многозначительному выводу

о том, что взаимовлияние происходило не на уровне частных заимствований. Происходил обмен целостными концепциями, которые органично вошли в мировоззрение обских угров. При этом оба общества – иранское и обско-угорское – были готовы к восприятию этих концепций.

До сих пор нет убедительных данных о времени первого появления индоиранцев в Восточной Европе. Как будто бы формируется следующее решение этого вопроса. В первой половине II тыс. до н. э. в Подонье, Поволжье и на Южном Урале появляется скотоводческое население. Это носители абашевской, срубной, алакульской, петровской культур, создатели уникального культурного памятника Синташта на Южном Урале. Они принесли культ огня (сожжение наземных построек на захоронениях), легкие колесницы, прекрасно развитое бронзолитейное производство. В расовом отношении это были европеоиды, широколицые, с чертами пережиточного кроманьонца. Однако ареал этих культур не уходит так далеко на север, в обжитую древними финно-уграми территорию, чтобы объяснить столь значительное индоиранское воздействие на финно-угров. В связи с этим возникает проблема поиска иных объяснений. В частности, встает вопрос об удревнении времени появления индоиранцев в Восточной Европе.

Не являются ли самыми ранними индоиранцами волгоокские племена? По мнению П.Н. Третьякова (1961), во второй половине III тыс. до н. э. эти племена вклинились в среду финно-угров, дошли до Белого моря, расчленив некогда единую финно-угорскую этническую общность, и протофинны в Прибалтике оказались изолированными от волго-камских сородичей. Это и могло явиться первопричиной относительно самостоятельного развития прибалтийских и восточных финнов. На рубеже III и II тыс. до н. э. финно-угры Прикамья вторглись в бассейн Оки, вошли в контакт с носителями волго-окской культуры. В итоге была создана волосовская культура (2300-1900 лет до н. э.), в которой сохранились четкие иранские элементы (Хайду П., 1985, с. 163). В середине II тыс. до н. э. иранцы, ушедшие в северные районы, были ассимилированы финно-уграми, успев обогатить их материальную и духовную культуру и язык. Но... Не ясна языковая принадлежность волго-окских племен: О.Н. Бадер (1972) категорически утверждает, что это были не финно-угорские и не индоевропейские племена. Опирается он при этом

на исследования Б.А. Серебренникова (1955), который волго-окскую топонимику определял как доиндоевропейскую.

Противоречие может быть снято, если учесть, что Б.А. Серебренников возраст волго-окского населения определил как весьма древний – VII-VI тыс. до н. э. Это действительно доиндоевропейское время.

Рассмотренные выше объяснения причин и времени ранних контактов финно-угров и индоиранцев в значительной мере умозрительны. Построены они с учетом узловых моментов древней истории восточно-европейского населения и дают, на наш взгляд, последовательную картину перемещения различных популяций человека.

Происхождение финно-угорских языков

Финно-угорские языки имеют не только общий словарный состав, но одинаковый грамматический строй, что свидетельствует о реальном его единстве. Языки являются "родными" только для населения уральского расового типа. Примерно 3 тыс. лет назад им стали пользоваться саамы. Чужим он является и для эстонцев и западных финнов – "чистых" европеоидов. Считается (Марк К.Ю., 1956; Моора Х.А., 1956; Шумкин В.Я., 1991), что в Прибалтику финно-угорский язык был принесен в неолите пришельцами с востока. Пришельцы оставили свои уральские расовые признаки: их потомки в восточной части Эстонии брахикепальные (круглоголовы), имеют более низкий рост и слегка уплощенное лицо.

По вопросу о происхождении финно-угорского языка есть мнения: 1) принесен в уральскую среду кем-то со стороны, 2) принесен в готовом виде первыми насельниками, 3) является автохтонным, созданным самими уральцами на Севере европейской части России. Рассмотрим эти три версии.

Версия 1. Эстонский ученый Х.А. Моора (1956) считает, что на предполагаемой родине финно-угров – Прикамье и Приуралье – местные археологические культуры не связаны с палеолитом и что ядро финно-угров сложилось где-то вдали от "индоевропейства", возможно, в Прикаспии и на черноморском побережье. В связи с этим "всплывает" приаральский вариант версии, а именно выход на носителей кельтеминарской культуры (IV-III тыс. до н. э.). Сторонниками этого варианта являлись В.М. Массон, В.Н. Чернецов, С.П. Толстов. В.М. Массон (1964) считал кельте-

минарскую культуру южным форпостом охотничье-рыболовецких культур Западной Сибири и Урала. В.Н. Чернецов (1969) писал, что миграционный поток из Средней Азии в раннем мезолите выходил на р. Белая и далее на Каму до ее устья. Позднее на этой основе в Волго-Камье сформировалась культура сначала с накольчато-гребенчатой, а затем и гребенчатой керамикой. Восточная ветвь миграционного потока вывела среднеазиатов в Зауралье, где благоприятные условия для охоты вызвали расцвет культуры в неолите. По мнению В.Н. Чернецова, западная ветвь мигрантов породила финно-пермскую группу, восточная – угорскую. А.В. Виноградов (1957) еще раньше писал о том, что носители кельтеминарской культуры участвовали в сложении культур шигирско-горбуновского типа на юге Западной Сибири, куда они мигрировали в раннем неолите или мезолите. Неожиданно подтверждение этому получено сравнительно недавно. Е.А. Васильев (1991) наиболее близкие кельтеминару параллели обнаружил на поселении Чэс-Тый-Яг (Северное Зауралье). Керамика и поселения, обнаруженные на этом памятнике, известном еще В.Н. Чернецову, не имеют аналогов в Западной Сибири, но хорошо сопоставляются с приаральскими (по традициям в домостроительстве и гончарном производстве). По мнению Е.А. Васильева, чэс-тый-ягская культура энеолита могла сформироваться только под непосредственным воздействием кельтеминарской культуры. Л.Л. Косинская (1994) также положительно оценивает возможность участия пришлых, в том числе и из Средней Азии, культурных традиций в формировании автохтонных ранненеолитических культур севера Западной Сибири.

Кельтеминарцы имели своеобразный антропологический тип. Они были европеоидами с заметной примесью австралоидных черт, причем расовый тип мужчин отличался от женского типа. Мужские серии имели черепа матуризованные (крупные, грубые) с большим продольным диаметром и средним поперечным (мезокrania), с низким сводом. Лицо средней высоты и ширины, по общему и лицевому углу прогнатное. Переносье резко профилировано, но выступании носовых костей умеренно. Глазницы небольшие, малой высоты и ширины. Нижняя челюсть очень массивная. Женские черепа мезокranные с некоторым тяготением к долихокranии (длинноголовости). Свод высокий и очень высокий. Лицо средней и малой высоты, очень широкое, резко профилированное в горизонтальной плоскости на обоих

уровнях (плосколицесть отсутствует). Лицо мезогнатное с тенденцией к альвеолярному прогнатизму. Нижняя челюсть грациальная (изящная). Нос средней высоты, широкий, резко выступающий с хорошо профилированным переносьем (Виноградов А.В. с соавт., 1986).

Исходя из этой характеристики, напрашивается вывод о том, что кельтеминарцы вряд ли были физическими предками финно-угров. Языковая принадлежность их не известна. Есть робкие предположения, что они были дравидоязычными.

Кельтеминарская культура сформировалась на той же основе, что и замлельческие культуры более южных районов (Южная Туркмения, Иран). Предки кельтеминарцев в мезолите и раннем неолите ушли к Аралу, где освоили охотничьи и рыбные угодья плавней Арала и его притоков.

Нам представляется, что кельтеминарский "след" в истории финно-угров еще предстоит изучать.

Версия 2. Предполагается связь финно-угорских языков (и физического типа уральцев) с языками племен мунда, давними обитателями Северо-Восточной Индии и Бирмы (гипотеза Хевеши; см. Бонгард-Левин Г.М., Деопик Д.В., 1957). Языки мунда (или коларские) близки мон-кхмерским и относятся к австроазиатской семье. Антропологически мон-кхмеры неоднородны.

Прародиной мон-кхмеров является Юго-Восточная Азия (к юго-востоку от рр. Иравади и Меконга, то есть Верхняя Бирма, Юннань и Лаос). Отсюда они начали движение на юг и северо-запад.

Азиатский вариант версии привлекателен тем, что объясняет некоторые особенности физического типа уральцев – их миниатюрность, грациальность. Народы уральской расы выделяются среди сибирских монголоидов своим малым ростом. Это нашло отражение в малых величинах отношения массы тела к его длине (индекс Рорера), что свойственно жителям теплых широт (ср.: вьетнамцы). Это наводит на мысль о присутствии в составе уральской расы типов, связанных своим происхождением с жарким климатическим поясом (Гохман И.И., 1982).

Версия 3. В 1991 г. на Алтае, в пещере на склоне небольшого притока Катуня – ручья Тыткескень – найдено захоронение мужчины с богатым и своеобразным инвентарем. В сопровождающем инвентаре отсутствовали керамические изделия, но

обильны были рыболовецкие принадлежности из костей, отщепы кремневых наконечников стрел, зубы собаки, кабарги, бобра. Изучение скелета позволило А.Р. Киму сделать заключение о принадлежности погребенного к уральской расе и наибольшей близости его современным хантам. Близкие по форме черепа были найдены и в пещере Каминная (Чижишева Т.А., 1998): мезобрахикранные, средневысокоголовые, с широким и низким лицом, низкими орбитами и ортогнатным вертикальным профилем, широким носом и умеренно выступающим переносьем. Черепа несут некоторые признаки палеоевропейской расы (низкое широкое лицо, низкие глазницы). По пяти образцам органики, в том числе и углям, Тыткескенского захоронения были получены даты от 5050 ± 45 лет (СОАН-2927) до 5440 ± 105 лет (СОАН-2926). Суммарно возраст можно определить второй половиной IV тыс. до н. э. (Кирюшин Ю.Ф. с соавт., 1992).

Откуда пришли эти люди на Алтай? По нашему мнению, это были представители северной (бореальной) популяции, о чем свидетельствуют такие признаки как низкое и широкое лицо, низкие орбиты. Широкий нос указывает на давние связи с представителями экваториальной расы.

В центре Западной Сибири на поселении Тух-Эмтор IV была найдена обработанная рукой человека дощечка размером $8 \times 5 \times 1,2$ см. Радиоуглеродная дата артефакта – 8300 лет (Кирюшин Ю.Ф. с соавт., 1979). Правда, физический тип этого мастера нам неизвестен. Если опереться на малое число точек, можно проследить путь древних уральцев: Предуралье (примерно 20 тыс. лет) – Зауралье (Шигирский торфяник, 6-7 тыс. лет) – Тух-Эмтор (8,3 тыс. лет) – Тыткескен на Алтае (5-5,5 тыс. лет). Следовательно, миграционный путь был направлен с запада на восток. Встречное движение нам представляется не обоснованным.

В основу версии положены наши построения о формировании человеческих популяций в ранние эпохи развития человека разумного и путях его миграций, а также анализ лексического материала финно-угорских языков.

Первые насельники севера европейской части России пришли из области Средиземноморья еще в эпоху позднего палеолита. Человек тогда уже обладал связной речью, которую и принес с собой. Речевой запас начал формироваться в Околосредиземноморье и пополнялся по мере развития речевого процесса в новых природных и общественных условиях. Единый околосре-

диземноморский язык никогда не существовал. Была языковая общность, в которой пространственно разобщенные языки не были родственными, хотя, быть может, имели некоторые общие черты, обусловленные эпохальными причинами. А эти причины заключались в сходных условиях раннего материального и духовного развития человека.

Покинув Ойкумену, население Северной Евразии сформировало единую евроазиатскую (бореальную) популяцию, в которой были свои, внутривнутрипопуляционные, сложные миграции. Западный фланг Ойкумены породил миграционные потоки на север, вслед за отступающим ледником, восточный - дал мощный "выброс" людей в Восточную Европу как через Закаспий, так и по западному побережью Каспийского моря. Все мигранты имели близкий расовый тип: они были европеоидами с явными, хотя и неброскими, признаками южной расы. Это были палеоевропейцы или, как назвал их Г.Ф. Дебец, евро-африканцы. Восточные и западные мигранты существенно отличались по языку в силу своей пространственной разобщенности (восточные формировались в основном за счет населения Передней Азии). Эти различия отразились и в оформлении двух самостоятельных языков - палеоевропейского и протофинно-угорского.

Из языковой общности Восточного Околосредиземноморья (Передняя Азия) еще не выкристаллизовались языки или их близкородственные группы в современном понимании. Это был какой-то массив языковых явлений, еще не оформившихся в конкретные языки. По этой причине в финно-угорских языках имеются элементы как лексического, так и грамматического порядка, которые характерны для дравидских и кушитских языков. Поэтому можно допустить, что эти языки (финно-угорский, дравидский, кушитские и чадские?) родились (развились) из одного языкового массива (так и хочется написать - месива). По более поздним источникам такая локализация определяется широко - от Средиземного моря до Персидского залива. Отсюда в северном направлении более 25 тыс. лет назад на незаселенные просторы Восточной Европы просачивались группы евроафриканцев, обходя с востока остатки ледникового покрова. Примерно 25 тыс. лет назад они были уже в бассейне Печоры. Возможно, что именно эти пионеры явились родоначальниками финно-угорского праязыка в том виде, в каком ему было суждено в то время быть. Можно сказать, что переднеазиатский вариант

языка был усовершенствован в ходе саморазвития, подталкиваемого новыми реалиями мест обитания и совершенствованием материальной и духовной культуры.

При таком решении вопроса финно-угорский праязык следует рассматривать как самый древний язык Европы, сохранивший в заметном количестве реликты переднеазиатского состояния: кушитские и чадские параллели, близость к языкам дравидской группы. Реликты присутствуют и в угорских языках. Это указывает на то, что последние в то время еще не выделились из праязыка, и весь финно-угорский ареал находился в Восточной Европе. В противном случае сибирская часть ареала (угорские языки) была бы лишена этих реликтов, так как переднеазиатские миграции для верхнего палеолита Сибири не отмечены.

Неясна позиция палеоевропейского языка. В его составе также были околосредиземноморские реликты. Это касается не только такого глубокого реликта, как *чадз* "вода", в саамском (см. выше), но вошедшего в индоевропейское состояние слова **wed* "вода". В кушитских языках (язык дарасса) ему соответствует слово *woda* с тем же значением. Имеются и другие соответствия в кушитских с ранними индоевропейскими языками:

Кушитские

блин ^сақ "вода"

хамир ақ "вода"

хамта аақ "вода"

кимант ах "вода"

хадийа.сидамо аг- "пить"

реконструкция *^сЕКу "вода"

Индоевропейские

лат. aqua "вода"

палайск. аһу- "пить"

хетт. aqu/equ- "пить"

В германских языках давно выявлены, как в лексике, так и в грамматике, неиндоевропейские элементы семито-кушитского и урало-алтайского типа. С.П. Толстов (1946) это объяснял поздним переходом протогерманских племен на индоевропейский язык. В этом отношении германский язык напоминает саамский, который поздно стал финно-угорским. Присутствие семито-кушитских элементов в финно-угорских и германских языках можно объяснить родственным исходным (околосредиземноморским) субстратом. Второе возможное объяснение – общий палеоевропейский субстрат у германских и финно-угорских языков (Напольских В.В., 1990). Если учесть, что палеоевропейцы (кро-

маньонцы) "прошлись" в восточном направлении от Франции до Байкала, то и эта версия имеет право на существование.

Таким образом, финно-угорские языки – это языки автохтонного населения таежной зоны Восточной Европы, сформировавшиеся пионерами заселения этого края. Исходный языковой материал был принесен первыми насельниками края из мест своего изначального обитания (Передняя Азия), но структура его и словарный состав совершенствовались и обогащались уже в Европе при раннем взаимодействии с родственным населением Западной Европы. Дальнейшая история народа и его языка была связана с широкой экспансией в разное время и в разных направлениях и дифференциацией популяции и языка на дочерние группы.

Зауральские группы финно-угров находятся на транзитном маршруте ранних палеоевропейцев, которые более 20 тыс. лет назад устремились к Байкалу, трансформируясь в условиях сурового климата Сибири в низколицых (таежных) монголоидов. Поток этих юных монголоидов не затронул северные зауральские племена, так как проходил гораздо южнее – вдоль гор Южной Сибири. Предки обских угров перевалили за Урал очень давно и постепенно освоили обширные пространства севера Западной Сибири.

Время отделения угров от общей финно-угорской семьи (уход за Урал) В.И. Лыткин (1953) определил как 2500 лет до н. э. На наш взгляд, это время следует уточнить: не позже как 5 тыс. лет назад. Отсутствие в угорских языках явных индоиранских заимствований (имеющиеся индоиранские слова получены от пермяков) подтверждает это. Да и индоевропейские заимствования (название воды в языке манси) не очень убедительны из-за своей малочисленности. С уходом предков обских угров финно-угорская общность в Восточной Европе не была разрушена. Какая-то группа угров осталась там, занимая юго-восточный и южный фланги финно-угорского ареала. Возможно, мордва является частью этого угорского населения, не покинувшего свою родину и впоследствии испытавшего сильное языковое влияние восточных финнов.

В неолите началось расселение финноязычного населения на запад. Финны пришли в Восточную Прибалтику (нынешние Эстония и Латвия), где встретились с северными европеоидами. На юге финно-угры достигли Дона. Экспансия финно-угров на

запад и юг определяется границей максимального распространения памятников культур с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой (III тыс. до н.э.).

Во второй половине III тыс. до н. э. носители волго-окской культуры (индоиранцы?) вклинились в финно-угорский массив, дошли до Белого моря, расчленив финнов на две группы – восточную (предки коми и удмуртов) и западную (языковые предки эстонцев, карел, финнов и др.).

Предложенная нами версия древней истории финно-угорского народа и его языка имеет уязвимое место: по мнению Х.А. Моора (1956) культуры Прикамья и Приуралья своими корнями в палеолит не уходят. Если это действительно так, то непрерывность развития финно-угорских народов нарушается. В таком случае необходимо искать истоки пришлого мезолитического населения и решать вопрос: финно-угорский праязык – это язык пришельцев или язык палеолитических аборигенов? Автор не готов дать альтернативный ответ на этот вопрос.

Дальнейшая история финских и угорских языков во многом расходится. Финны (западные) не испытали влияния выходцев из Малой Азии и Кавказа (андроновское время), как и влияния народов, появившихся в Сибири в энеолите и позднее. Угры не испытали влияния европейских народов, сформировавшихся западнее финно-угорского ареала. Самостоятельное развитие финнов и угров способствовало расхождению их языков. Даже в наше время, когда появились сомнения в родстве языков тюркских и монгольских, иранских и индийских, самодийских и финно-угорских, родство финских и угорских языков принимается всеми исследователями.

В лингвистике широко бытует представление об урало-алтайской языковой общности. Оно предполагает родство языков уральских (финно-угорские и самодийские) и алтайских (тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские). Гипотеза эта имеет как сторонников (Немет Ю., 1963; Киекбаев Дж. Г., 1972; др.), так и противников (Щербак А.М., 1984; др.). Алтайские языки, как и уральские, ныне включаются в ностратическую (бореальную) макросемью. Если исходить из наших представлений о делении человечества на три изначальные популяции (аустрическая, бореальная, африканская), то для признания родства этих языковых семей – уральской и алтайской – нет оснований, так как алтайские языки отпочковались от языков аустрической популя-

ции в далекой Восточной Азии. И алтайские языки моложе финно-угорских примерно на 10 тыс. лет. Чтобы признать родственность этих языковых семей, необходимо доказать отпочкование более молодых алтайских языков от более древних уральских. Такое трудно представить в связи с их пространственной разобщенностью (средневековые контакты не принимаются в расчет).

Угры в Алтае-Саянах

Этнографами, археологами и лингвистами неоднократно ставился вопрос о былом и сравнительно недавнем пребывании угров в Алтае-Саянской горной системе. Впервые вопрос о сибирских корнях финно-угров поставил П.С. Паллас, который искал родину древних венгров в Минусинской котловине. Наиболее полно проблему эту разработал финский этнограф и филолог М.А. Кастрен, который в 1847 г. специально посетил Минусинскую котловину, где некоторые археологические памятники он связал с остяками. Об угорских компонентах в этнографии северных алтайцев писал А.П. Потапов (1953, с. 154). И.Я. Селютин (1990) нашла в языке северных алтайцев особенности, типологически общие и для ряда уральских языков. Археолог Л.Р. Кызласов (1959, 1960) разработал целостную концепцию об угорской принадлежности динлинов - носителей тагарской культуры в Хакасско-Минусинской котловине (эпоха раннего железа), которая в кратком изложении сводится к следующему. Под ударами гуннов (хунну) тагарские динлины ушли в северную лесостепь по линии Мариинск - Красноярск. Это было первое, по мнению Л.Р. Кызласова, проникновение угров в Западную Сибирь. Затем угры-динлины проникли на Верхнюю Обь. Сагайцы, шорцы, бельтиры и кызыльцы являются отюреченными уграми. Представители угров были замечены еще в начале XIX в. среди койбалов и аринов Хакасии. Свои этногенетические построения Л.Р. Кызласов обосновал археологическими, этнографическими и лингвистическими (топонимическими) материалами. В частности, гидронимы с окончанием на *ас*, *ес*, *сос* он относил к угорским. При этом он вычленял форманты *ас*, *ес* даже из гидронимов на *зас* и *зес*, хотя еще со времен В.В. Радлова последние признавались кетскими.

Реконструкции Л.Р. Кызласова получили негативную оценку специалистов. А.П. Дульзон (1961) критически оценил их топонимическую составляющую. Резко отрицательно отнесся к ним и

Ю.С. Худяков (1985). Соглашаясь с заключением Ю.С. Худякова, что "Гипотезу происхождения угров из районов Южной Сибири нельзя признать удачной" (с. 53), мы все же не можем полностью отмести саму идею о былом пребывании угров именно в Южной Сибири. К этому выводу нас приводит топонимический материал.

Наибольший интерес представляет гидроним Нёра-Монсум, отображенный на карте, составленной почти 150 лет назад. Ныне это р. Малая Кондома, один из истоков р. Кондома (система верхней Томи). В этом гидрониме выделяется мансийский термин *нёр* "гора", а финальная часть *сум* аналогична таковой мансийских гидронимов Урала: Виссум (р. Висим), Луссум (р. Лозьва), Томпусум (р. Сев. Тошемка).

Недостаточно ясно происхождение гидронимов на *ас*. Л.Р. Кызласов относил их к числу угорских, так как в языке хантов и манси имеется термин *ас* "большая река" (ср. хант. Катан-ас "Иртыш", букв. "татарская река", Ас "Обь", букв. "большая река", Кокнг-ас "Енисей", букв. "каменистая река"). В Шории известны реки с именами на *ас*: Анамас, Канас, Куvas, Каттас, в Туве Мынас. Тем не менее, гидронимы на *ас* преждевременно считать угорскими, так как это, по-видимому, стяженная форма географического термина "море", "большая река" на каком-то неизвестном языке. Судя по записям XVIII в. (Ср. сл., 1787), у верхотурских вогулов (манси) *ас* означало "море". У остяков с Нарыма, Кети и Тыма этот термин зафиксирован в форме *час*, а у вогулов Березова, остяков березовских и лумпокольских (по Ваху) – в форме *чарас*, *чарыс*, остяков нарымских – *шоррес*. Возможно, полной формой термина является *чарас*. У татар с. Лайтамак (на р. Носка, левом притоке Иртыша) сходное слово *тирес* воспринимается как "север" (Тумашева Д.Г., 1992). Возможно, это угорское заимствование, но переосмысленное как направление на океан. На листе 125 "Хорографической чертежной книги" С.У. Ремезова (составлена между 1697-1711 гг.) показан в пределах Алтая левый приток Оби - р. Шараша (ныне Чарыш). Не является ли название р. Чарыш угорским по происхождению? В санскрите имеется слово *saras* со значением "озеро", "пруд". Думается, к Енисею, Оби, Иртышу еще можно применить термин *ас* "большая, как море" река", но к небольшим рекам (Анамас, Есь, Куvas и др.) вряд ли.

Однако в регионе имеются топонимы, угорское происхождение которых более вероятно.

Имя р. Сос, левого притока р. Абакан, перекликается с именем левого притока Нижней Оби – Сос и может быть сопоставлено с географическим термином манси *сос* "ручей". В Минусинской котловине имеется еще один гидроним – Дисос (Диссос). Река с таким именем впадает в Инзу – Листвяговскую протоку Тубы. Шекающим вариантом мансийского термина *сос* является *шош*.

В пределах Алтае-Саян известны реки Шушь (Шуш): 1) приток р. Туба, 2) правый приток Енисея у с. Шушенское, 3) приток Белого озера в Шарыповском районе Красноярского края, 4) левый приток р. Урюк (в том же районе), Сушь – правый приток р. Уюк (Тува). По сообщению Л.С. Личкова (1894), с. Шушенское Шарыповского района названо по имени Шушенского улуса, основателем которого был "татарин" по имени Шушиначев. В.Я. Бутанаев (1995) в гидрониме Шуш видит хакасское слово со значением утка-крохаль и также связывает аил Шушенский с именем Шушеначева. По сообщению краеведа с. Орак Шарыповского района Е.В. Буркиной, первым "князем" инородцев-шуйцев был Петегеш, которому русские дали фамилию Шушеначев. Следовательно, от изначального имени р. Шуш было образовано название рода и фамилия "князя". На Урале в окружении мансийских топонимов известны реки и ручьи: Палямшош "река тока у чащи", Пакиншош "узкая река", Овршош "крутой ручей" и др.

Но серьезным конкурентом угорской версии является самодийская. На левобережье Оби в пределах Томской губернии некогда проживала большая группа самодийцев – шиешгула. Русской администрацией был назначен князь вогулов (!) рода Шёш-Кула, который (род) Г.И. Пелих (1972, с. 55) считает селькупским. Род Шёш-Кула правил вогулами и остяками более ста лет. Этноним шуй (шуйцы, шусты), относимый по русским документам XVII в. к части сургутских остяков, закрепился в самоназвании левобережных селькупов шиешгула. И. Георги сообщал, что не далее как в XVI в. часть шуйцев обитала в верховьях Томи. Не являются ли "шуйцы" Шушеначева рода у Большого озера Шарыповского района потомками сургутских шуйцев? И кто они были по языку – ханты или самодийцы? Ясно только одно, что в

таком случае приход шуйцев на юг Сибири определяется кулайским временем (примерно рубеж эр).

В Алтае-Саянах гидронимы на *сос* и *шуй/шуйш* локализованы от р. Тубы и Белого озера на севере, до Тувы на юге (рис. 7). Такая компактность размещения гидронимов может свидетельствовать в пользу их единого происхождения.

У минусинских татар (хакасов) в прошлом веке был зафиксирован (Старчевский А.В., 1893) термин *шеп, сеп, сип* "приток реки". В современном тувинском известно слово *сеп* "протока". Гидронимов с таким аффиксативом в Алтае-Саянах немного: Сап – правый приток Амыла (впадает слева в Тубу), Сапкол – 1) правый приток Гутары, 2) правый приток р. Халама (Восточный Саян, Тофалария). Угорскими параллелями являются гидронимы Сап – одно из мансийских названий Иртыша (Матвеев А.К., 1980, с. 217), Бол. и Мал. Сап, которые образуют р. Реж на Урале, Гарсап (более раннее название

Пуголы-сап), левый приток Салыма, Ньюк-сап и Коим-сап в системе р. Бол. Юган. В хант. и манс. *сап* означает "речка, исток, приток, ручей". Попутно отметим, что для упоминавшейся р. Салым (впадает слева в Обь немного выше устья Иртыша) в Горной Шории имеется "тезка" – р. Шалым.

Заманчиво было бы вывести известное по орхонским надписям имя Саян – Когмен – из угорских языков, в которых имеется термин *коги* "камень".

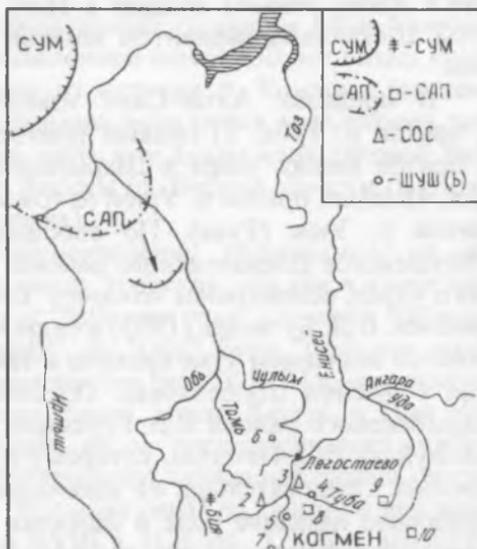


Рис. 7. Угорские гидронимы в Алтае-Саянах:

- 1 – Нера-Монсум, 2 – Сое, 3 – Диссос (Дисос), 4 – Шушь (приток Тубы), 5 – Шушь (приток Енисея), 6 – Шушь (приток оз. Белого), 7 – Суш, 8 – Сапкол, 9 – Сап (приток Гутары), 10 – Гятт (приток Хайламы)

Известны немногочисленные угорские заимствования в языке тюрков Алтае-Саян. Мансийский язык имеет термин *пошвор* "заболоченный кедровый лес" (*вор* "лес"). В мордовском языке, наиболее близком к угорским, *пеш'те* "орех". Эти слова аналогичны тюркским: тув. *пöш*, алт., *мöш*, тофал. *бош*, шор. *пэс*. "орех (кедровый)".

Неожиданно появилось первое археологическое подтверждение пребывания угров в Восточных Саянах. В газете "Красноярский рабочий" была опубликована пространная статья Юрия Уголькова из Абакана. В статье автор приводит описание двух подвесок, стилизованно изображающих лягушку. Одна из них, изготовленная из светлой бронзы, была найдена автором в Тункинской котловине всего в 100 км западнее Байкала. Вторая подвеска, очень похожая на тункинскую, была найдена во второй половине прошлого века на берегу Чулыма у с. Легостаево (рис. 8). По мнению автора газетной статьи, находки могут быть связаны с древними угорскими народами – хантами или манси. Этот вывод подтвержден находками других предметов. Были найдены плоские железные наконечники стрел, обломок предмета из красной меди с характерным для хантов орнаментом.

Эти изделия не свойственны жителям Южной Сибири и Прибайкалья, но характерны для обских угров. Если действительно все эти находки одновозрастны, то время прихода к Байкалу угров определяется не ранее как эпохой раннего железа (вторая половина I тыс. до н. э.). Нами высказывалась версия о приходе угров вместе с кулайцами-камасинцами в Алтае-Саяны примерно на рубеже эр (Малолетко А.М., 1995). Путь их лежал по левобережью Оби, примерно до устья Чулыма и далее по долине Чулыма в Хакасско-Минусинскую котловину. Если угры шли в составе

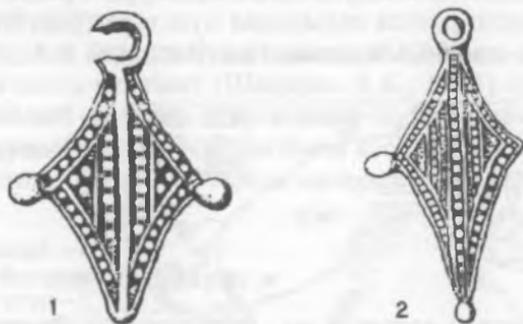


Рис. 8. Угорские "лягушки":
1 – из Тункинской котловины; 2 – из окрестностей с. Легостаево

кулайцев. то археологически их следы трудно вычлениить в связи с близостью их материальной культуры.

Это была не первая миграция угров на Алтай и, возможно, Саяны. Если, опираясь на антропологические сходство, допустить едиоязычие современных хантов и давних жителей Алтая (Тыткескень, Каминная), то первую миграцию угров на юг Сибири следует отнести к далекому времени – более 5 тыс. назад. Очевидно, эта миграция была связана с освоением новых территорий.

Вторая миграция относится к эпохе финальной бронзы. Этот миграционный поток с большой натяжкой можно связать с уграми, но он исходил из территории, которая, по нашим построениям, была занята угорским населением.

На рубеже II и I тыс. до н. э. в Приобье – сургутском и ниже устья Иртыша, на базе культуры гребенчато-ямочной керамики формируется атлымская культура (рис. 9) с характерным кресто-во-ямочным орнаментом (Васильев Е.А., 1991).

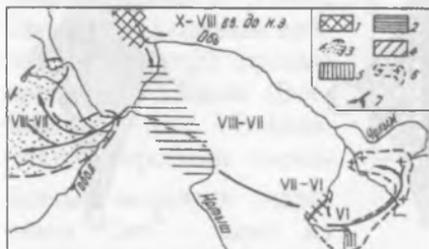


Рис. 9. Миграции "крестовиков":

- 1 – материнская атлымская культура;
- 2 – красноозерская культура;
- 3 – гамаюнская культура;
- 4 – завьяловские памятники;
- 5 – барнаульская группа памятников;
- 6 – разрозненные памятники;
- 7 – пути миграции.

Римскими цифрами указан возраст (до н. э.)

В X-VIII до н. э. носители этой культуры начали миграцию на юг, где оказали огромное влияние на этнокультурную историю Западной Сибири. Мигранты на юг шли по Иртышу. В середине IX в. они проникают в Среднее Прииртышье, где начинают контактировать с частью местного ирменского населения, что завершилось ассимиляцией ирменцев. Была создана красноозерская культура (стратотип у с. Красноозерского Тарского района). С приходом "крестовиков" стали возрождаться исконно западносибирские традиции, носителями которых были кротовцы, близкие по культуре "крестовикам" (Труфанов А.Я., 1984). Часть мигрантов ушли от Иртыша по Тоболу и обосновались в Южном и Среднем Зауралье по Тавде, Туре и Исети, где ими была создана гамаюнская культура (VIII-VII вв. до н. э.), наслоившаяся на ме-

жовскую. Следы носителей крестовой керамики отмечены также по Печоре, Каме, Центральному Тиману (Борзунов В.А., 1987).

Не ясно, какой путь избрали "крестовики" в Новосибирское и Томское Приобье. Можно высказать предположение, что в район Новосибирска они пришли с Иртыша. Это предположение подтверждается сходством крестовой керамики завьяловского типа (Новосибирское Приобье, с. Завьялово на р. Каракан) и керамики красноозерского типа (таежное Прииртышье). Возраст завьяловских памятников определяется в пределах VIII-VII вв. до н. э. (Росляков С.Г., 1992) или VII-VI вв. до н. э. (Эпоха бронзы..., 1987, с. 302). Однако среди керамики молчановской культуры (Нарымское Приобье и нижнее течение р. Чулым) встречаются образцы с крестовым орнаментом. Это позволяет поставить вопрос и о возможной миграции "крестовиков" от Сургута вверх по Оби, тем более, что возраст молчановской культуры несколько старше завьяловских памятников.

В предгорья Алтая поток "крестовиков" иссяк. В VI-V вв. до н. э. крестовая керамика здесь исчезает (Шамшин А.Б., 1994). Не ясно, потеряли "крестовики" в столь длительном путешествии только свою материальную культуру или же были ассимилированы и в языковом отношении. Топонимические материалы не дают ответа на этот вопрос.

Финны в Сибири

Сибирь для финноязычного населения не является исторической родиной. В любом случае они для нее пришельцы. Издревле и до наших дней финны (в широком понимании) приходили сюда по различным поводам и причинам. В последние годы господствовало рассеяние этнических групп на обширной территории бывшего Советского Союза, а не их консолидация. Люди выезжали из национальных территорий на учебу или работу, в связи со службой в армии. Но нигде эти "мигранты" не создавали новых компактных популяций или тем более топонимов. В начале века в связи со столыпинской земельной реформой из малоземельного Поволжья в Сибирь выезжали группы национальных меньшинств. В Сибири формировались их землячества (населенные пункты) и национальная топонимия. В Сибири созданы были мордовские, марийские, чувашские села. В середине XIX в. в Зауралье в поисках новых оленних пастбищ переселилось немало зырянских семей. Они пришли в места, давно обжитые их сопле-

менниками: в XIV в. жестокие религиозные гонения вынудили часть населения Пермского края бежать за Урал. По Оби и ее притокам появились зырянские села. Между Нижней Обью и Уралом была создана коми топонимия: Сосва, Лозва (ныне Сосьва, Лозьва), Войкар (имена рек), Сырян-пох (имя ручья в бассейне Васюгана), Рузитгорт, Машагорт, Ильягорт, Полноват и др. (имена населенных пунктов).

В послеермаковские времена в составе казачьих отрядов было немало коми служилых людей. Некоторые из них получили фамилии Зырянов, Зырянин. Обосновавшись в Сибири, эти коми-казаки создавали заимки, деревни, которые и ныне носят их имена: Зыряновка, Зырянка и др.

До сих пор не ясно происхождение старинного обряда коча-кан у кумандинцев (северные алтайцы). Обряд имеет удивительно точные, до деталей, параллели с аналогичным обрядом у марийцев, которые после уборки урожая проводили праздник *позо коча* "брага коча". Коча-кан (у шорцев – *пактыган*) – это мифическая личность, эротическое божество, олицетворение и символ плодородия. Атрибутами обряда являются деревянный фаллос, шапка, берестяная маска и посох (Сатлаев Ф.А., 1971). Некоторые стороны и термины раскрываются из аналогичных обрядов марийцев и мордвы-эрзя. У марийцев *коча* – "прадед, дед" (*кого + ача* "большой дед"), у мордвы-эрзя – *покитай* "старый отец". Эротические атрибуты восточных финнов имеют прямые параллели с алтайскими, но выражены еще откровеннее (Шишлов В.П., 1976). В недавнее время и в русских селах Бийского края проводились такого же рода празднества, к сожалению не описанные этнографами.

У кумандинцев обряд коча-кан имели рода нижние и верхние куманды, чедибер, челей и калар, у шорцев – челей и кара-шор. Эротические действия отмечены и у телеутов.

Неизвестно, когда появился и кто принес северным алтайцам этот обряд испрашивания плодородия. В.П. Шишлов в качестве возможного источника обряда коча-кан указывает на мордовских и марийских крестьян, мигрировавших в Сибирь после падения Сибирского ханства. Перепись населения 1897 г. показала огромное число мордовских хозяйств в Барнаульском, Бийском и Кузнецком округах. Но вряд ли за столь короткое время турки Северного Алтая и Шории могли перенять у пришлого финского

населения обряд плодородия и напрочь забыть эту историю. Не уходит ли она, эта история, в более дальние времена?

На юге Сибири известно немало речных названий, которые, судя по окончанию, могут быть признаны безупречно восточно-финскими (коми):

Жова – левый приток р. Барлык в Туве (отметим, что тюркские языки не герпят фонему *ж* в начале слова);

Ишва (картографические материалы XVIII в., ныне р.Иша) – правый приток Катуня в предгорьях Алтая;

Петва – правый приток р. Четь в Кемеровской области (ср. р. Потва в Республике Коми);

Колва – левый приток р. Серта в Кемеровской области (ср. р. Колва в Республике Коми);

Бава – левый приток р. Бия;

Чагва – левый приток р. Чижапка в Томской области;

Интава – река в системе р. Туй, приток Иртыша (ср. р. Инта в бассейне Печеры).

На севере Сибири также имеются топонимы финского типа:

Иньва "бабья река", или "божья река" – правый приток р. Пясины на Таймыре (ср. р. Иньва, правый приток р. Кама);

Танлова – река на севере Западной Сибири;

Пур – река, впадающая в Тазовский залив.

Об имени последней реки следует сказать особо, так как это название не одиноко. Гидронимы с компонентом *пур* образуют компактный ареал на Севере Западной Сибири. Внимание топонимистов они пока не привлекали.

В верховьях р. Пур известны рр. Пяку-пур, Пурпе, Пуритей, Апах-пур, Еты-пур, Вэнга-пур, Нюча-Еты-пур, Пуру-кикя, Хадутей-пур. Река Кеть, правый приток Оби, имеет приток Пуриянга, а р. Пур-еган является притоком р. Мег-тыг-еган в системе р. Вах. Имеется р. Пур и в системе р. Чузик (Томская область).

Компонент *пур* не раскрывается из языков местного населения. Более того, приращения хант. *еган* "река" в гидрониме Пур-еган и сельк. *кыкя* "река" в гидрониме Пуру-кикя исключают хантыйское и селькупское происхождение компонента *пур* (если только не видеть в последнем гидрониме определяющую часть сельк. *пур* "щука"). Значение слова *пур* можно раскрыть по аналогии из сходных по структуре гидронимов с одинаковыми определяющими. На Севере Западной Сибири имеется оз. Пяку-то (из него вытекает р. Пяку-пур) и протока Пяку-юн. Определяющая часть *пяку* ("лесные" или "лосевые") является этнонимом (родо-

вым названием группы лесных ненцев). Сопоставление гидронимов дает следующие параллели:

- озеро** Пяку-то = пяку (этноним) + то (термин озеро),
- протока** Пяку-юн = пяку (этноним) + юн (термин протока),
- река** Пяку-пур = пяку (этноним) + пур (термин река?).

Из приведенных сравнений можно сделать вывод, что *пур* означает "река". Но на каком языке? Несмотря на явное ненецкое происхождение первого компонента в гидронимах Хадутей-пур, и Вэнга-пур, *пур* как апеллятив из ненецкого языка не раскрывается. Но в финском (суоми) сохранился термин *riigo* "река". В бассейне Верхней Волги, где издавна жили финноязычные племена, также известно немало гидронимов с компонентом *пур*: Пура, Пуретка, Пурля, Пурручей (!), Северная Пура, Пурча. Река Пур, приток р. Чузак (ныне Чузик) в Томской области находится в окружении рек с необычными именами: Гугле, Арамче, Мого, Пачага, Тавда. Последняя река имеет "тезок" в Пермской и Тюменской областях. Эти материалы позволяют предполагать финское происхождение апеллятива *пур* "река". По-видимому, на севере Западной Сибири некогда обитали финноязычные племена, с которыми ханты и северные самодийцы вступали в контакт. Г.Ф. Миллер (1937, с. 188) писал о родстве остяков и вогулов с пермяками и, ссылаясь на Страленберга, который выводит этимологию топонима Бараба из финского *варам* "гористая местность". Эта этимология не согласуется с географической реальностью: в Барабе нет гор.

В бассейне р. Пур группируются также реки, в финальной части имен которых присутствует компонент *енга*: Янг-енга, Дяги-енга, Ету-енга. Этот компонент, похоже, является апеллятивом со значением "река". Об этом можно судить по именам рек, имеющим сходную определяющую часть. В системе р. Пур кроме р. Ету-енга имеются рр. Ету-яха, и Еты-пур. Языковая принадлежность термина *енга* не ясна.

Определяющая часть имени Янг-енга аналогична таковому ненецкого гидронима Янг-яха (семь рек в системе р. Пур), что позволяет считать также ненецким по происхождению и Янг-енга. Однако узкая локализация топонимов на *енга* только в верховьях Пура, а также отсутствие в речи ненцев рассматриваемого термина заставляет осторожно отнестись к такому предположению. Совмещение ареала гидронимов на *пур* и *енга*, возможно,

указывают на их единое происхождение. В связи с этим можно увязать западносибирский термин *енга* с восточноевропейскими *енга*, *еньга*. По мнению Б.А. Серебренникова (1966), в Восточную Европу эти термины принесены из Западной Сибири. Однако А.К. Матвеев (1964) считал, что восточноевропейские топонимы на *еньга*, *енга*, *оньга*, *анга* имеют прибалтийско-финское происхождение и принадлежат заволочской чуди, язык которой занимал промежуточное положение между прибалтийско- и волжскофинскими. Нам больше импонирует эта версия.

Один из верхних притоков р. Таз носит название Ратта. Река Ефрат является притоком р. Кельма (Кольджа) в системе Кети. Очевидно, фонетическая близость гидронимов Ефрат (Западная Сибирь) и Евфрат (Ближний Восток) - это просто казус, случайное совпадение. Можно предложить слабо доказуемую версию о финском происхождении гидронимов Ратта и Ефрат: из фин. *virta* "течение", *virtata*- "течь" (глагол). Это объяснение могло бы дополнить примеры финского происхождения гидронимов и подтвердить возможность пребывания финнов (заволочской чуди?) на Севере Западной Сибири. Однако Е.А. Хелимский (1981) выводит имя р. Ратта из энецкого (мангазейского) *ратта* "стол". В личной беседе Е.А. Хелимский сказал, что в одноименном селе Ратта имеется горка (останец террасы?) с плоской, как у стола, поверхностью.

Имя р. Енисей обычно связывается с тунгусами, из языка которых выводится форма *йоандези* (на карте Кантелли, 1683 г., - *lenisey*, на карте Г. Сансона, 1688 г. - *lenissaia*, в записи Мессершмидта, 1723 г., - *Joandesi*). Но еще до знакомства с тунгусами эта сибирская река была известна русским как Енисей. В грамоте Бориса Годунова от 1600 г. "промышленным людям" разрешалось "ходить и с самоедами, которые живут на тех реках, на Тазу и на Пуре и на Енисее торговати". По-видимому, русские впервые о Енисее услышали от ненцев, которые эту реку называли Енасе или Енся-ямь (энец. Дедоси, нган. *Jentajea*). По мнению Е. Владимирова (1938), именно эта ненецкая форма явилась родоначальницей официального названия "Енисей". Однако ненецкое приращение *ямь* "море", "крупная река" заставляет предположить, что имя Енся не является ненецким по происхождению. Но и тунгусские языки не дают материала для выведения имени Иондези. В языке сымских и илимпейских тунгусов понятие "большая вода (река)" передается словами соответственно *эндрэ-*

ги, эндоги, что мало напоминает *иоандези*. Другие приенисейские племена в качестве имени великой сибирской реки использовали понятие "большая река (вода)": кеты Каульч и Хе-сес (*кеа* "большой"), котты и ассаны Пача-уль (*пача* "большой"), саянские самодийцы Ургабы (*урга* "большой, бы" "вода"), татары Янги-су (*янги* "большой", *су* "вода"; иногда дается неправильный перевод "новая вода", см. Березин Н.И., 1891, с. 112).

Эта модель сохранилась и в знакомом имени Енисей, если рассмотреть образование его, исходя из финно-угорских языков. Нельзя оставить без внимания сообщение И.П. Магидовича и В.И. Магидовича (1983, с. 261) о том, что "от хантов и манси, живущих в бассейне Оби, русские довольно давно узнали о существовании на востоке "Большой воды" (Иоанесси, Ионесу) и стали называть эту реку Енисеем". Такое мнение высказывалось еще в середине прошлого века (Список населенных мест.... 1864) с указанием на финский язык-источник. В финно-угорских языках прилагательное "большая" выражается словами фин. *эно*, зыр. *уно*, морд. *ине*, манс. *янг*, что напоминает, особенно финская лексема, начальный компонент имени Енисей. Во втором компоненте можно увидеть финское слово *веси* "вода". В результате имя реки Енисей может быть реконструировано в форме *Еновеси. Именно так называется одна из рек Финляндии – Еновеси "большая вода".

Топонимические материалы дают некоторые основания предполагать былое проживание в верховьях р. Пур и по р. Таз каких-то финно-угорских (финских?) групп. Однако археологических и этнографических подтверждений этому пока не найдено.

Ительмены – уральцы?

Ительмены, коренные жители Камчатки, включаются в группу палеоазиатов наравне с коряками, эскимосами, чукчами и др. Однако еще со времен Г.В. Стеллера и С.П. Крашенинникова (XVIII в.) отмечалась генетическая обособленность ительменов от чукчей и коряков. Проявлялось это в материальной культуре, религиозных представлениях, мифологии и языке (обзор см.: История и культура ительменов, 1990, с. 16-21). В настоящее время среди лингвистов преобладает мнение о том, что основа ительменского языка генетически не связана с другими языками палеоазиатской группы. Выявленные материалы по языку и культу-

ре ительменов, антропологические данные, а также археологические находки на Камчатке уже дают основания считать ительменов особой народностью, не родственной северо-восточным палеоазиатам (Вдовин И.С., 1969, с. 154). Имеющиеся в языке ительменов корякско-чукотские элементы являются лишь заимствованиями. Все это позволяет считать ительменов пришлым населением. Исходный район (прародина) ительменов неизвестен, как и время прибытия их на Камчатку. Нельзя сказать, что эти вопросы не рассматривались исследователями (археологами, этнографами и лингвистами), но до сих пор нет единого ответа на эти вопросы.

Вопрос о принадлежности предков ительменов к уральской группе народов, насколько нам известно, в литературе прежде не ставился. Ниже излагается версия именно в такой постановке вопроса.

Лексических сходжений в ительменском с уральскими очень мало, что не должно удивлять. Наиболее показательны параллели понятий "река": ительм. *киг*, - сельк. *кыге*, *кыкке*, *кеге*. Не сохранился ли этот термин в кетском имени р. Енисей – Кик? Не менее удивительны совпадения ительм. *иь* – нен. *и* "вода", ительм. *сытту* – тавг. (нганас.) *сытто* "рука". Насколько нам удалось выяснить, угорско-ительменских сходжений нет. С большой натяжкой можно сопоставить хант. *кын* "берестяной туес" с ительм. *акынскх* "четырёхугольный берестяной сосуд с плетеными ручками".

Жилища ительменов представляли собой землянки, углубленные в грунт. В яме ставились четыре столба, на которые клали толстые перекладыны. На перекладыны накатывали потолок, в котором посредине оставляли четырёхугольное отверстие. К перекладам прислоняли бревна, нижние концы которых закапывали в грунт. Жилища покрывали землей и травой. Входили в жилище по лестнице-стремянке, под которой находился очаг (Крашенинников С.П., 1948). По сообщению З.П. Соколовой (1963), у обских угров также были жилища с наклонными стенами, опирающимися на четырёхугольную раму, которая, в свою очередь, держалась на четырех столбах. З.П. Соколова приводит описание такого жилища, составленное Избрантом Идесом: "Остятки зимой шалаши оставя свои, делают себе землянки, в которых токмо окно наверху имеют, в которое люди входят, в той же и дым выходит". Летние балаганы на столбах, описанные

С.П. Крашенинниковым на Камчатке, похожи на "солнечные дома" *санге-кат* хантов (Пелих Г.И., 1972).

Один из идолов в жилищах ительменов имел вид сирены, то есть верхняя часть его "от головы до груди это человек, а нижняя представляет рыбу" (Крашенинников С.П., 1948) и назывался Хантай (!). Г.И. Пелих при описании селькупских "богов" также упоминает об изображении человеко-рыбы.

На Камчатке только ительмены использовали запорный лов рыбы, столь характерный для коренных народов Западной Сибири.

Физический тип современных ительменов, несомненно, иной, чем у ранних. Изменился он после миграции на Дальний Восток, где на него оказали влияние восточноазиатские представители аустрической ветви первых мигрантов (см. выше). Г.Ф. Дебец (1951) реконструировал тип древних ительменов. Они были более темнопигментированными, чем коряки, лицо у них также было более плоское. Нос плоский, что сближало их с азиатскими, а не американскими монголоидами. Обладают (и ныне) максимальной (по планете) шириной нижней челюсти.

Время появления ительменов определяется в больших пределах. С.И. Руденко (1948, с. 167) писал вполне определенно: "...археологический комплекс, характерный для предков ительменов, не обнаруживает сходства ни с неолитическими культурами южного островного мира, ни с древними культурами Берингова моря и генетически связан с континентальной Сибирью, предположительно с неолитом Лены и Прибайкалья". Большинство исследователей признают исходной культурой, "породившей" ительменов, ымыяхтахскую. Выросла культура на Средней Лене и по Алдану (рис. 10) из местного неолитического "материала" в начале II тыс. до н. э. Носители культуры были речными рыбаками и охотниками. Небольшими подвижными коллективами они осваивали просторы Восточной Сибири вплоть до Таймыра (Пясины, Хатанга), низовий Колымы, бассейн Анадыря. По Анадырю памятники дочерней усть-бельской культуры датируются от 2900 лет назад до середины I тыс. до н. э. Очевидно, отсюда и забрели таежные рыболовы на Камчатку, где и приобрели оседлый образ жизни.

По материалам Камчатки выделяются три этапа в развитии ительменской культуры (Пономаренко А.К., 1985):

нальчевский – II тыс. до н. э.;

кровоцкий – I тыс. до н. э.;

тарьинский – I тыс. н. э.

Следовательно, нальчевский этап ительменской культуры на Камчатке можно рассматривать как локальный вариант позднего этапа ымыяхтахской культуры Восточной Сибири.



Рис. 10. Миграция носителей ымыяхтахской культуры:

1 – ареал зарождения; 2 – археологические памятники (поселения и могильники); 3 – бронзолитейные мастерские; 4 – пути миграции.
ИТЛМ – ительмены

Прародина ительменов находилась в Восточной Сибири. Это была огромная по площади затаяженная территория, которую заселяли речные рыбаки. Возможно, западный фланг этой родины заходил в левобережье Енисея. Пришедшие сюда предки селькупов ассимилировали рыбаков, переняв от них помимо навыков рыболовства и часть лексики, элементы которой дошли до наших дней. Сейчас уже трудно судить, насколько близки по языку были предки ительменов и предки угров.

Если исходить из того, что угры имеют очень древние корни в Сибири, а это отмечается и для приленских предков ительменов ("выросли" из неолитических, возможно и более ранних племен), то можно предполагать их генетическую общность: и те, и другие сформировались на базе евроазиатской (бореальной) популяции в ее пионерном состоянии. Отсюда вытекает однозначный вывод: генетически ительмены являются частью финно-угорской общности, как языковой, так и физической.

И еще один аспект просматривается в этой ительменской-ымыяхтахской проблеме. Ымыяхтахская вафельная керамика

прослеживается по тундре далеко на запад, до Скандинавии. Она зафиксирована на Таймыре, на юге Ямала (памятник Хадыта-1), в Большеземельской тундре, на Кольском полуострове (Оленеостровский могильник), в Финляндии и Норвегии. Не являются ли носители этой культуры вафельной керамики предками таинственных сихиртя, которых встретили самодийцы при освоении тундры? Тогда можно объяснить и присутствие в языках северных самодийцев (ненцы, нганасаны) некоторых слов, сходных с ительменскими (см. выше).

Юкагирская проблема

Вряд ли еще найдется сибирская народность, о происхождении которой столько бы писали, не приближаясь к истине. Неоднократно пытались включить юкагиrow в финно-угорскую группу, правда, делая это на уровне интуиции. Ни антропологические данные, ни этнографические исследования не приблизили решение этой проблемы. Изучение лексики, грамматических особенностей языка также не пролило свет. Единственное, с чем согласно большинство исследователей, — это признание за юкагирами большой древности. Подойдем и мы с нестандартных позиций к решению вопроса и предложим свою версию.

Среди сибирских монголоидов выделена байкальская малая раса, в состав которой и включают юкагиrow. И.М. Золотарева (1968, с. 175-176), специально изучавшая антропологию юкагиrow, писала по этому поводу: "Юкагиры...относятся к байкальской общности северосибирских антропологических типов и характеризуются следующими основными чертами: длиной тела ниже средней, умеренно большими диаметрами головы, мезокефальной по указателю, умеренной высотой и шириной лица, большой степенью уплощенности лицевого скелета в целом и носовой области в частности, сильной степенью развития эпикантуса и складки века, высокой кожной губой и ниже среднего толщиной губ, умеренно темной пигментацией волос и глаз". Вместе с юкагирами в байкальскую расу входят ламуты (эвены), большинство эвенков, ульчей, а также негидальцы, ороки и, по видимому, долганы.

Если судить по названию, байкальская раса должна иметь корни в более раннем населении Прибайкалья. Каким оно было в расовом отношении?

Палеоантропологические материалы по населению Прибайкалья в неолите дают на это более или менее определенный ответ. Первое, что отмечается, это относительное однообразие физических типов населения. Различия между ними меньше, чем отмечаемые ныне для монголоидных групп Азии. Люди того времени имели более выступающий нос. По степени выступления носа прибайкальское население в неолите превосходило все современные группы монголоидов, но наиболее они отличались от байкальского типа. Отмечалась некоторая тенденция к уменьшению высоты лица и орбит. Уплощенность лица хотя и значительная, но все же не крайняя. Углы горизонтальной профилировки меньше, чем у бурят и якутов. По вертикальной профилировке лица прибайкальские неолитические черепа более прогнатны, чем тюрко-монгольские и тунгусо-маньчжурские, но не в такой степени, как эскимосские и палеоазиатские. По этому показателю неолитические черепа ближе всего стоят к угро-самодийским (Дебец Г.Ф., 1951). Этот тип неолитического населения Прибайкалья не находит себе аналогов у монголоидов Сибири, наибольшее сходство отмечается с уральской расой, особенно с ненцами. Наиболее далеки – тунгусо-маньчжурские группы.

М.М. Герасимов (1955) изучал черепа из Китайского могильника (неолит), раскопанного в 1880 г. Н.И. Витковским. Носители китайской культуры имели массивную голову с покатым лбом, сильным надбровьем и глабеллой. Лицо массивное, тяжелое, уплощенное с несколько выступающим широким "тупым" носом, прохейличным ртом (выступление верхней губы вперед) и массивным подбородком. Население было явно монголоидным. Оно обладало признаками как северных монголоидов, так и юго-восточных. М.М. Герасимов также отмечал, что китайское население не имеет аналогов в современном.

Более позднее – глазковское - население Прибайкалья (рубеж III и II тыс. до н. э.) формировалось на основе неолитического (китайского), поэтому имело с ним сходные черты. М.М. Герасимов приводит описание глазковцев, которое еще в 1942 г. дал А. Гдрличка: долихокранность, низкий свод, значительное развития надбровья и глабеллы, относительно выступающий нос, часто горбатый, но широкий внизу. Глазные орбиты относительно низкие, лицо более профилированное (менее плоское, чем у современных тунгусов, якутов, бурят) при

значительной его ширине. Прогнатьность встречается не чаще, чем у современного населения.

Отмечаемые по многим параметрам различия неолитического населения от представителей байкальской расы, в том числе и юкагиров, свидетельствуют об отсутствии генетической связи носителей байкальского расового типа, с одной стороны, и неолитических культур Прибайкалья – с другой. Байкальская раса вместе с центральноазиатской образует континентальную ветвь монголоидов. Эта ветвь очень давно уклонилась вглубь материка от южного (аустрического) маршрута ранних мигрантов. Генетически участники этого маршрута напрямую не связаны с северной (бореальной) популяцией. Следовательно, юкагиры, как представители континентальной ветви монголоидов, для сибиряков являются пришельцами. Возможно, что юкагиры являются авангардом монголоидов, которые первыми преодолели горы Южной Сибири и начали освоение новых территорий. Правда, имеется точка зрения о том, что юкагиры в далеком прошлом заселяли глубинные части Чукотки (Арутюнов С.А. с соавт., 1972). Это могло бы служить указанием на приход юкагиров в Сибирь с востока. Однако И.С. Вдовин (1972) указал, что юкагиры на Северо-Востоке являются недавними насельниками: туда они были оттеснены тунгусами, на которых, в свою очередь, с юга давили якуты (XIII-XIV вв. н. э.). Поэтому нам представляется более вероятный путь юкагиров в Сибирь с юга, из бассейна р. Амур, где-то в Забайкалье.

Когда прибыли юкагиры в Сибирь, нам неизвестно, так как очень трудно идентифицировать современных юкагиров с носителями каких-либо археологических древних культур.

Юкагиры в прошлом буквально исколесили (вернее – искодили) всю Сибирь. Об этом можно судить по их языковым связям, достаточно убедительно восстановленным Е.А. Крейновичем (1958). Исследователь выявил языковые контакты юкагиров с тюрками, монголами, чукчами, коряками, эвенками, якутами, ненцами, селькупками, камасинцами, коттами, русскими. А.П. Дульзон (1964), основываясь на финальной части юкагирских гидронимов *дон* (Коркодон, Дондон и др.), предполагал давние контакты в Присяянье юкагиров с иранцами. В действительности же такой "топоформант" создан русской адаптацией из *д* – соединительный знак при образовании сложных слов и *эну* – апеллятив "река" (Корко+д+эну "коряков? река").

Несомненно, юкагиры и их отунгушенные соплеменники принимали участие в сложении нганасан Таймыра (Долгих О.И., 1952). Возможно, в Заполярье юкагиры заходили в левобережье Енисея.

Родину юкагиров следует искать за пределами Сибири – в Монголии (?).

ГЛАВА ВТОРАЯ

САМОДИЙЦЫ

Было время, когда самодийские языки не считались родственными финно-угорским (Серебренников Б.А., 1982, с. 48). Несколько нам известно, лишь в 20-х годах самодийские языки были объединены с финно-угорскими в единую уральскую языковую семью. Возможно, языки финно-угров и самодийцев ныне типологически близки, но это, по нашему мнению, является следствием длительных и давних контактов двух неродственных народов. Народы эти (финно-угры и самодийцы) появились в Северной Евразии в разное время и имеют разные истоки формирования и свою историю. Нами предлагается версия о переднеазиатском происхождении далеких предков самодийцев.

Прародина самодийцев

Перед маршем в Сибирь предки самодийцев накапливались в оазисах предгорьев Копетдага, в Южной Туркмении. Издавна эти оазисы были заселены колонистами, выходцами из Месопотамии, которые, возможно, говорили на дравидском (дравидийском) языке. Предки их некогда создали там убейдскую культуру, многие черты которой колонисты сохранили и в Южной Туркмении. Это были высокорослые люди, европеоиды восточномедитерранейского типа, грацильного сложения, с высоким и узким лицом. Занимались они поливным земледелием и приусадебным скотоводством. Хоронили умерших в грунтовых могилах, в вытянутом положении на спине. На рубеже III и IV тыс. до н. э. в предгорьях Копетдага появились пришельцы из центральных районов Ирана. Это были высокорослые люди с массивным строением лицевого скелета (евро-африканский тип Серджи). Они принесли иной об-

ряд захоронения (скорчаки, как правило, на правом боку, с согнутыми ногами и руками перед лицом или грудью) По физическому типу пришельцы напоминали жителей Сиалка (позднего). Пришельцы принесли зооморфный стиль орнаментирования сосудов. Этнически они могут быть связаны с какими-то племенами Западного Ирана (касситы, луллубеи) или же с племенами, обитавшими восточнее, которых письменная традиция не знала. По мнению В.М. Массона (1962), пришлые племена были вскоре ассимилированы.

Однако факт сосуществования двух обрядов захоронения до последних лет функционирования геоксюрских оазисов в предгорьях Копетдага свидетельствует о том, что полной ассимиляции не произошло (Сарианиди В.И., 1965).

Именно представителей типа Серджи мы считаем далекими языковыми предками самодийцев.

На рубеже II и III тыс. до н. э. вследствие резкого усиления аридизации климата начался мощный миграционный процесс. Из Южной Туркмении население мигрировало в двух направлениях: 1) в район исторической области Сеистан (низовье Гильменда) и далее на восток до Кветты и Мундигака (Массон В.М., Ромодин В.А., 1964), 2) по северному подножью гор Средней Азии до Иртыша и Оби и по их долинам на север до лесной зоны. Что позволило создать версию о переднеазиатском происхождении давних ностелей самодийского языка?

В языках некоторых групп ныне ираноязычного населения северо-запада провинции Фарах и юго-запада провинции Герат (Афганистан) бытуют термины, сходные с самодийскими. Это *тах*, *таг* "река". Поскольку термин известен с различным написанием согласных в финальной части, можно предполагать, что конечный согласный произносится фрикативно, как в южнорусском *гарно* "хорошо". В Афганистане известны рр. Таглагар, Тахи-Шишгор, Тахи-Хаузак, Тахи-Чешмайи-Шорак "река соленых источников" (Савина В.И., 1985). Эти термины близки самодийским: энец. *д'ага*, *та'ха*, нен. *й'ага* (*й'аха*), камас. *ч'ага* с фрикативным произношением второго согласного.

В языке ираноязычных гилян (Южный Прикаспий) имеется диалектизм *бийа* "вода" (Юсифов Ю.Б., 1986). В доступных словарях мы такого слова не нашли, но у нас нет оснований сомневаться в достоверности информации Ю.Б. Юсифова, и мы ее принимаем. Лексема не пользуется широким распространением и, очевидно, не конкурирует с традиционным иранским термином

ном аб (с.в) "всада". Упомянутый иранский (по употреблению?) термин *бийа* близок фонетически самодийским: энец. *би*, тавг. *бе*, тайг., матор., камас., карагас. *бу*, койб. *бы*.

В языках дари и пушту имеется географический термин *джаба* "болото, луговина". В сельк. *чаба* "протока из болота в реку, заросшая мхом" (Беккер Э.Г., 1971) входит в гидроним Няр-джабе-кикке (левый приток р. Андарма, Томская область). Монг. *джаба* "ущелье" и як. (диал.) *джаба* "протока реки" - это менее предпочтительные сопоставления.

Таким образом, топонимический материал протягивает тонкую ниточку связи самодийцев Сибири с жителями Передней Азии к югу от Каспия.

В самодийских языках имеются и другие переднеазиатские аналогии, в частности дравидские:

драв. <i>подару</i> "кустарник"	- нен. <i>пэдара</i> "лес"
драв. <i>утта</i> "сырой", "влажный"	- сельк. <i>ут</i> "вода"

Для нас некоторой неожиданностью явилась малочисленность дравидо-самодийских соответствий, исходя из предполагаемого давнего соседства носителей этих языков.

Кушитско-чадские соответствия более разнообразны:

галла <i>мука</i> "дерево, кустарниковое растение"	- сельк. <i>мукэ</i> "черемуха"
галла <i>чуса</i> "болото"	- сельк. <i>чосы</i> "море, залив"
галла <i>тэда</i> "дерево типа кипариса"	- нен. <i>тыдэ(н)</i> "кедр"
галла <i>оага</i> "камень"	- матор. <i>дяса</i> "камень"
амара <i>салика</i> "маленький"	- нганас. <i>силаку</i> "маленький"
чад. <i>яма</i> "море"	- нен. <i>яма</i> "море"
чад. <i>нгава</i> "человек"	- нганас. <i>нга</i> "люди"

Не ясно происхождение этих заимствований. Эти слова либо были заимствованы из финно-угорских, в которых также немало изначальных чадских и кушитских параллелей (см. выше), либо принесены предками самодийцев со своей изначальной родины. Нам представляется более логичной вторая версия, так как в финно-угорских языках эти лексемы отсутствуют.

Имеются явные алародийские (малоазиатско-кавказские) лексические соответствия:

хатт. <i>кудбу</i> "душа"	- сельк. <i>кэдо</i> "душа"
хатт. <i>ипп</i> , хурр. <i>зип</i> "малый"	- сельк. <i>кыпа</i> "малый"
ингуш. <i>zhok</i> "клюв"	- сельк. <i>сок</i> "мыш"

гунз. <i>кид</i> "девочка" <i>кид</i>	- карас. <i>гытте</i> "дева"
гунз. <i>оже</i> "мальчик"	- камас. <i>иши</i> "мальчик"
хварш. <i>маду</i> "река"	- нен. <i>мад'е</i> "ручей"
лезг. <i>евел</i> "мать" <i>аиш</i>	- самоеды Томск. окр. <i>евел</i> "мать"
ахвах. <i>ццари</i> "дождь"	- нен. большезем. <i>саро</i> "дождь"
тушет. <i>тарка</i> "палец"	- нен. <i>тарка</i> "палец"
черк.-кабард. <i>шу?</i> , <i>чуг</i> ,	самоеды:
абаз. <i>жига</i> "соль"	- с р. Тым <i>шаак</i> ,
(отсюда и название приправы	- с р. Кети <i>саак</i> ,
<i>аджига</i>)	- томские <i>сак</i> ,
	- нарымские <i>шак</i> "соль"

Самодийско-шумерские соответствия приведены в работе Г.И. Пелих (1972).

Все эти соответствия (кушитские, чадские, малоазийско-кавказские) свидетельствуют о "выбросе" какого-то населения с юга.

Расселение самодийцев

Современный ареал самодийцев лишь в общих чертах отражает историю их расселения в прошлом, даже не очень отдаленном. Самодийцы занимают лесную и тундровую зоны восточной части Западно-Сибирской равнины, северную часть Восточной Европы (от Урала до полуострова Канин нос) и центральную часть полуострова Таймыр (рис. 11).

Селькупы. По данным Г.Н. Пелих (1981), селькупы (остяко-самоеды) в XVII в. расселились по Оби от устья р. Томь на юге до бассейнов рр. Аган и Вах на севере. На уровне диалектно-локальных групп сами селькупы различают: чумульгула (по Тыму), сюсигула (по Кети), шиешгула (левобережье Оби по Васюгану), сельгула (по Ваху), тегула (небольшая группа в левобережье среднего течения Кети), соргула (по Агану), кайбангула (левобережье Енисея в верховьях Кети и по Касу), пайгула (в низовье Чулыма и по р. Чая). Подразделения пайгула и соргула ныне, очевидно, исчезли, но в XVII в. были весьма активными. Группа сельгула дала название всей народности – селькупам.

Ниже нами рассмотрены лишь те компоненты самодийской общности, которые будут использованы в дальнейшем изложении темы.

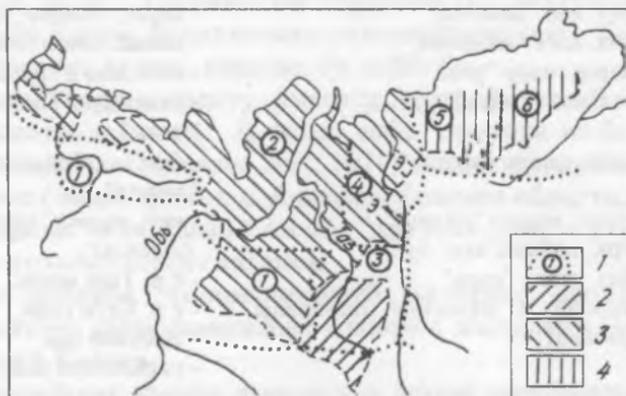


Рис. 11. Расселение самодийцев:

1 - XVIII в. (без селькупов: Долгих Б. О., 1970): 1 - лесные ненцы (в Предуралье пещера), 2 - тундровые ненцы, 3 - лесные энцы, 4 - тундровые энцы, 5 - авамские нганасаны, 6 - вадеевские нганасаны;
 современность: 2 - селькупы, 3 - ненцы, 4 - нганасаны. Э - энцы

Соргула, или сургуты (сургутские остяки), были известны около Енисея по р. Сургутиха, по Верхнему Тазу, в низовье Васюгана, по правобережью Оби в бассейне р. Аган (по устной традиции - до Иртыша). Г.И. Пелих причисляет соргула к селькупам, но отмечает, что сургуты говорили на карасинском, ныне исчезнувшем говоре тазовского диалекта селькупского языка. Карасинцами в XVII в. называли лесных энцев (Долгих Б.О., 1970) по Карасинскому зимовью, где платили ясак ближайшие "туземцы". Б.О. Долгих писал об этом вполне определенно. Ссылки Г.И. Пелих (1981, с.13) на топонимию около Сургута (озера Пакуто, Копухто, Нумто и др.), которая якобы является селькупской, неверны. Это ненецкие топонимы. В бассейне р. Аган, где в прошлом обитали сургуты, ненецкие топонимы отсутствуют, но обычны энецкие с характерным апеллятивом *тяха* "река". Так, р. Ампута (забытое хантыйское название - Кава-еган) имеет притоки Тяэтль-Тяха, Нямы-Тяха, Кань-Тять-Лама-Тяха, Масль-Вынь-Тяха, Нюча-Яка, а р. Вать-ёган - притоки Копей-Тяха, Тюй-Тяха, Мото-Тяха и др. Приведенные топонимы достаточно уверенно фиксируют былое проживание по Агану группы энцев, которые под именем сургутов ушли к Енисею, где один из притоков Енисея получил от них свое имя - Сургутиха.

Шиешгула (шешгула, шоешгула) некогда обитали на обширной территории левобережья Оби, в бассейне Васюгана. К приходу русских они сохранились только в районе юрт Сондоровых – на Оби у впадения в нее р. Чая. Сами сондоровские селькупы предпочитали называть себя *игула* "народ Ия (сына бога, сына Нума)". В селькупском *ши* "паук (мизгирь)", что нашло отражение в "знаменах" (тамгах) шиешгульских князцов XVII в. В ранге народной этимологии известен вариант "бобры-люди" из сельк. *ши* "бобер".

Шиешгула занимали обособленное положение среди остальных групп селькупов. Они плохо понимали все остальные диалекты селькупского языка. Лингвисты отметили эту специфику шиешгульского (сондоровского) диалекта. По данным А.И. Кузьминой (1974), последний является наиболее древним из ныне известных диалектов селькупского языка.

Сондоровские селькупы не только низовье р. Чая, но и все Васюганье считали родиной своих предков – *кувайкумов*. По сообщению Е.Д. Прокофьевой (см.: Пелих Г.И., 1981, с. 55), русские чиновники первым вогульским князем назначили представителя рода Шёш-Кула. Род этот был селькупский, и до сих пор селькупы левобережной части Каргасокского района называются *мёшгула*. Еще ранее И.Георги сообщал, что этноним *шуй* (шуйцы, шусты) входил в самоназвание остяков (ханты?, селькупы?), часть которых не далее как в XVI в. обитала в верховьях Томи. Не уверен в точности этого адреса, но в бассейне р. Урюп (левый приток Чулыма) имеются две реки Шушь и с. Шушенское (в прошлом Шушенский улус). Здесь расселялись шуйцы. Как сообщал Л.С. Личков (1894), Шушенский улус был основан "татаринном" Шушиначевым. Однако Е.В. Буркина, краевед из с. Ораки Шарыповского района Красноярского края, сообщила мне, что русской администрацией первым князьком инородцев-шуйцев был поставлен Петегеш, которому дали фамилию Шушеначев. Следовательно, имена рек, улуса и фамилия князька имеют одну основу, близкую к основе самодийского этнонима *шёш(гула)*. Предположение вероятное, но не единственное: не получили ли шуйцы свое имя по р. Шушь? Название реки могло быть образовано и от угорского (мансийского) *шош* (шекающий вариант термина *сос*) "ручей" и из кетского (эддиалект) *шодш* с тем же значением. В Хакасии и ныне известен род Шуш (21 фамилия), который когда-то официально составлял шуйский род. По мнению В.Я. Бутанаева (1984), этноним *шуш* "утка-крохаль" имеет тотем-

ное происхождение. Вероятно, это более поздняя версия, которая имеет адаптационное происхождение. Л.П. Потапов (1954) упоминал князька Шусской волости (Хакасия) по имени Табиде. Это имя не тюркское, по звуко сочетанию оно явно самодийское.

Кайбангула (хайбангула) известны в ранней русской литературе как кадские, маковские, натские, кайволдынские остяки и хайбанги. М.А. Кастрен последний этноним зафиксировал как самоназвание "сымско-касовских остяков" (см. об этом: Пелих Г.И., 1981, с. 68). Этноним *кайбангула* селькупами расшифровывается как "люди-дьяволы горных болот". Большинство современных исследователей склоняются к мысли, что аборигены верховьев Кети были кетами. В "Списке населенных мест...на 1859 г. Енисейская губерния" род "симовско-касовский" отнесен к енисейским остякам - кетам. И ныне известен приток р. Дубчес (левый приток Енисея) – Хойба, который находится в окружении рек с кетскими именами: Точес, Сандакчес, Тогульчес и др.

Нас эта группа селькупов интересует с позиций возможных родственных связей с группой камасинцев Саян, именуемой себя *койбалы*. Устная традиция выводит этноним просто: было два брата – Койбал и Матор, каждый из которых собрал вокруг себя родственников, которые и создали койбалскую и маторскую родственные группы. Самоназвание саянских койбал - *койба* (Список населенных мест..., 1864). Позднее стали называть себя *туба* (тюркское заимствование). Изначальная кетоязычность саянских койбал признается рядом исследователей (Ивановский А.А., 1907; Копкоев К.Г., 1969; Николаев Р.В., 1986 и др.).

Пайгула (байгула) - это самая южная группа селькупов, занимавшая Томско-Чулымское Приобье до начала XX в. На ранних картах А. Дженкинсона (1562 г.) и Г. Меркатора (1595 г.) за Обью показана страна *Baida*, причем на карте А. Дженкинсона – восточнее страны *Molgomzaia*, в которой нетрудно узнать Мангазею. Г.И. Пелих (1981, с. 41) сообщает, что Ф.И. Страленберг упоминает термин "Бай" применительно к Верхнему Приобью. Известны самодийцы-баи в левобережье Енисея по Турухану, Баихе. В какой мере родственными являются три группы – в низовье Чулыма, Верхнем (?) Приобье и в левобережье Енисея – сказать трудно.

Ненцы (быв. юраки). Образуют значительный ареал на севере Восточной Европы и в Западной Сибири, занимая как зону тундры, так и тайги. Европейские и сибирские ненцы четко делятся на тундровых и лесных. Самодийцы в Предуралье зафиксиро-

рованы были русскими летописями в XI в. (Берг Л.С., 1945). Ненцы европейской части России два века назад были представлены шестью родами и делились на тундровых (приморских, большеземельских и пустоозерских) и лесных (ижемских). Самоназванием (в русифицированной форме) лесных ненцев было *печера* из *пэ* "лес" и *ячер* "земли обитатель" (я "земля", *чер* "житель, обитатель"). В недалеком прошлом ненцы проникали отдельными семьями и небольшими группами далеко на запад. В конце 1660-х гг. ненцы вышли к Онежскому озеру. В конце XIX в. по Онеге-реке ещё кочевало несколько семей ненцев. Во второй половине того же века ненцы появились и на Кольском полуострове.

Сибирские ненцы также делились на тундровых (фратрии Харючи и Вануйта) и лесных, которые объединяли 11 родов. Кроме того, в составе ненцев были смешанные группы как "остяцкого" (хантыйского) происхождения, так и энецкого (Долгих Б.О., 1970). Лесные ненцы или *пян-хасово*, по сведениям Б.Н. Городкова (1926), жили в верховьях Надыма, по рр. Лямин и Назым, по северным притокам Агана (по рр. Каван и Вар-яун), по притоку Таза – р. Чесаль-кы и, главным образом, по Пуру. Ненцы в приенисейскую тундру Западной Сибири вышли поздно: еще в XVII в. их не было в низовьях Енисея. Здесь жили предки тундровых и лесных энцев. В верховьях р. Таз ненцы появились в 1634 г. (Васильев В.И., 1975). Л.С. Берг (1945) предполагал, что первое знакомство русских было не с ненцами, а с энцами *сомату*. От этого этнонима и возникло общее название родственных групп *самоядь* (самоеды, самодины, самодийцы).

Энцы (енисейские самоеды). В последние десятилетия энцы жили в основном в двух регионах Приенисейского Заполярья:

летом к востоку от Енисея до р. Пура (Кура), откочевывая к зиме к "краю леса" между оз. Пясины и Дудинкой,

по Енисею между устьем р. Хантайка на юге и пос. Дудинка на севере (лузинская или потаповская группа).

Ныне энцы не образуют компактного ареала, они живут чересполосно с ненцами, активно перенимая их культуру и язык. Сильно русское и кетское влияние. Ранее в составе энцев четко выделялись две группы – тундровые и лесные.

Тундровые, или хантайские (название получили по р. Хантайке, правому притоку Енисея, где было основано Хантайское зимовье) энцы (*сомату*) представлены десятью родами, из которых подробнее рассмотрим только род Сойта. Этот род по

отношению к хантайским энцам является пришлым, но не отождествляется ни с одним из южных родов лесных энцев. Это наводит на мысль о том, что сойта "это были совсем другие люди", пришедшие из других мест. Б.О. Долгих (1970) допускает, что в имени *сойта* (*сойэта*) скрыт этноним *сойон* (*сойот*) "тувинцы". Некогда этот род был многолюдным, так как его потомки, ныне разноязычные, широко известны в Алтае-Саянском нагорье и в Монголии. На Севере же он, судя по фольклору, был малочисленным и захудалым.

Л е с н ы е, или карасинские, энцы представлены родами Аседа, Муггади (Чор), Ючи, Бай, Паравы.

Аседа – этот род некогда был среди энцев самым крупным, влиятельным и воинственным.

Муггади (монгкаси, мунгкаси) "лесной" – этноним вторичный. В дублетных этнонимах *монгкаси* и *мунгкаси* четко выделяются два компонента: *монг/мунг* "лес" и *каси* (<*каса* "человек"). Истинным этнонимом был *Чор* (по-ненецки *тёр*). Этимология этого этнонима, предложенная энцами и ненцами, - "крикун" - является поздней, народной (Васильев В.И., 1963). Род Чор и часть современных Муггади имели одну эмблему – гуся, по-энецки *дэту* (тазовские Муггади или род Мангазея), другая часть Муггади – сову (туруханские Муггади или род Харасидин). Мангазейские под натиском селькупов переместились в северные районы, где были онечены и потеряли самоназвание *муггади*. Этноним этот закрепляется только за туруханскими Муггади. В этнониме *чор* усматривается имя шорцев. Генетическую связь шорцев и самодийцев рода Чор допускал этнограф В.И. Васильев (1974).

Бай – этноним этот из энецкого раскрывается как "упорный, своенравный, преступный", но это, несомненно, более позднее толкование. Очевидно, именно эту группу самодийцев имели в виду западноевропейские картографы (А. Дженкинсон, Г. Меркатор), обозначая на своих картах "страну и народ *Baid*", причем Г. Меркатор поместил эту страну восточнее р. *Tschin* (Таз?). Б.О. Долгих (1970, с. 213) под страной *Баид* понимал земли эвенков рода Бая-гир (Баяды). Нам представляется, что *Баид* – это народ изначально самодийского происхождения, родственной селькупской группе *най* (*бай*) и соответствующий энецкому роду Бай. По этнониму названы правые притоки Турухана – Нижняя Баиха и Верхняя Баиха. Возможно, что форма "Баиха" не

является руссифицированной от "Бай", а самодийской – Бай-яха "баев река".

Ючи (дючи) имеет свои "ответвления" и среди рода Пяк (лесные ненцы), где носит название Юхучи, Юхуди. Этноним известен также в форме Ивши и Еуши. Последняя дала повод для поисков родственников в Южной Сибири, где у Томска известны зуштинские татары.

Нганасаны. Эта народность сформировалась недавно. В IX в. н. э. на Таймыр проникла группа самодийцев (энцев), которая вошла в контакт с тунгусами и отунгушенными юкагирами и ассимилировала их в языковом отношении. Нганасаны четко делятся на две группы – вадеевские (восточные) и авамские (западные). Самодийский язык на Таймыр был принесен несколькими группами – самоедами-"воронами", самоедами-"орлами" и предками энцев (Долгих Б.О, 1952). Первые создали группу *кураков* в низовье р. Пясины и по р. Агапа, вторые – "*пясидских самоедов*" в бассейне р. Таймыра. Группа *тидирисов* в районе оз. Пясины образовалась в результате смешения пришедших с юга тунгусов и группы энцев-сомату. Ядром восточных нганасан явилось племя *тавгов* (тунгусы и отунгушенные юкагиры) из районов рр. Анабара, Хета, нижнего течения Хатанги. Эти тунгусы в результате контактов с тидирисами и "пясидскими самоедами" усвоили самодийский язык. Лишь в конце XVII и в начале XVIII в. "пясидские самоеды", кураки, тидирисы и тавги слились в одно самодийское племя. Победу одержал язык тавгов, самой многочисленной группы нганасан.

Южные (саянские) самодийцы. Исторически известны в горах Южной Сибири группы самодийцев: камасинцы, карагасы, койбалы, маторы, тайгинцы (тайгийцы), кашинцы и "саянские горцы". Последние, очевидно, не являются самостоятельной этнической группой. По-видимому, это карагасы или маторы, перевавшие через Саяны в Туву.

Е.А. Хелимский (1978) выделил два достаточно определенно различающихся языка: койбальско-камасинский и маторотайгийско-карагасский. Наиболее полно изучен язык камасинцев, в чем главная заслуга принадлежит М.А. Кастрену, К. Доннеру и А. Кюннапу. По другим группам южных самодийцев имеются разрозненные, в основном словарные, материалы, собранные Д.Г. Мессершмидтом, Г.Ф. Миллером, П.С. Палласом, Г.И. Спасским (см. обзор: Хелимский Е.А., 1978).

Исторически засвидетельствованы южные самодийцы в Западных и Восточных Саянах, в Хакасско-Минусинской котловине. Курганы-кладбища средневековых (VIII-IX вв. и первая четверть II тыс. н. э.) самодийцев известны на границе Салаирского края и Кузнецкой котловины (Илюшин А.М., 1993). В Хакасии еще в начале нашего века местами звучала койбальская (самодийская) речь.

На карте А. Дженкинсона (1598 г.) к югу от Телецкого озера (Kitaia lacus) сделана надпись SAMOYEDA. Неизвестен источник, которым пользовался А. Дженкинсон, а также не ясна степень достоверности такой привязки самоедов. Позже, на карте Ф. Страленберга (1730 г.) на этом же месте, южнее Телецкого озера, сделана надпись в три строчки: Populi Kanka ragai. Здесь можно усмотреть локализацию народа (populi) канка (канкарагай?). Этот таинственный народ можно было бы идентифицировать с самодийцами с р. Кан. Еще ранее, на карте Э.И. Идеса (1704 г.), несколько севернее Телецкого озера значком показан "город", над которым сделана надпись Populi, а под "городом" – Karag. Само озеро названо Kankissan. Если свести воедино информацию карт Ф. Страленберга и Э.И. Идеса, то предпочтительным представляется раздельное написание на картах текста Populi Kang karagai. Но и это не проясняет вопрос – является ли народ *канг* самодийским или же это обычная путаница с локализацией и именовани^{ем} сибирских народов на западноевропейских картах. Бóльший интерес представляет имя Телецкого озера на карте Э.И. Идеса – Канкисан. Более ни на одной карте озеро так не называлось. Но в этом названии безупречно раскрывается имя камасинцев, если *сан* рассматривать как самодийское *санг* (saŋ) "народ": "(реки) Канг народ". Это могло бы свидетельствовать о пребывании самодийцев на Алтае по крайней мере в XVI в. Топонимические и этнографические материалы не противоречат этому предположению, однако русские источники того времени, насколько нам известно, уже не упоминают самоедов на Алтае. Однако самодийское имя р. Би (ныне Бия) сохранено, несомненно, русскими, так как местные тюрки называют эту реку по-другому – Ойен (приблизительное написание).

Предпринимались попытки в недавнем прошлом и в наши дни разыскать кого-либо из южных самодийцев. В 1925 г. директор Музея Приенисейского края (г. Красноярск) А.Я. Тугаринов посетил улус Абалаковский на р. Ильбинке (приток Кана у самого подножья Саян; камасинское название Ильбу?), в котором

проживали потомки камасинцев (калманжи-ил "камасинские люди"). Самодийский язык уже не был в употреблении, но живы были люди, которые осознавали свое камасинское происхождение и помнили язык. О нем (языке) отзывались так: сильно трудный, шибко заикаться надо. В составленном словарики (Тугаринов А.Я., 1926) мы обратили внимание на лексему *кубай-маа* "зимнее жилище", которое навело нас на мысль, что названия сёл Кубай(ка), Кувай (?) в Кемеровской области и Красноярском крае являются самодийскими по происхождению и означают "зимник", "зимнее селение".

В начале 40-х годов в Восточных Саянах еще жили две носительницы самодийского языка. У одной из них, Александры Жибьевой, мать была карагаской, а отец матором (Герещенко Н.М., 1945). Р.В.Николаев (1969) в 1960 и 1961 гг. посетил с. Стойба (Стойбу?) Партизанского района Красноярского края, в котором некогда были Г.Ф. Миллер, М.А. Кастрен, Д.Г. Мессершмидт. В этом селе исследователь встретил камасинца И.Д. Додышева (1888-1964), который стал его информатором. Во многих местах Канского Белогорья автор видел старые алачины – развалины жилищ, напоминающих северные чумы. А. Кюннап (1993) сообщает, что в с. Абалаково Партизанского района Красноярского края еще в 1980 г. жила камасинка Клавдия Захаровна Плотникова, последняя носительница родного языка. Но поиски потомков древнего народа продолжались... В.П. Кривоногов (1993) в 1990-1991 гг. посетил бывшие камасинские поселения Пьянково, Камасинка (основано в 1928 г. на месте стойбища, ликвидировано в 40-50-х годах). Только старшее поколение еще помнило свое камасинское происхождение, только они еще сохранили черты монголоидности в облике. В некогда национальном селе Абалаково только одна жительница осознавала свое "инородческое" происхождение. В Красноярске В.П. Кривоногов разыскал родившуюся в 1911 г. в с. Пьянково камасинку Анну Ивановну Тайгишкину, у которой только дед по матери был русским. В Красноярске же этнографу довелось познакомиться с действительно чистокровной камасинкой Марией Васильевной Жибьевой (Семеновой), 1926 г. рождения. М.В. Жибьева забыла родную речь, которую и в детстве не знала в совершенстве... В.П. Кривоногов с горечью писал, что меньше этого народа не может быть в принципе – его численность на сегодняшний день составляет 1 человек. Прошло почти десять лет с момента знакомства В.П. Кривоногова с М.В. Жибьевой. Жива ли

Мария Васильевна? Подробное изложение сведений о последних камасинцах – дань памяти этому некогда многочисленному, трудолюбивому народу, который многие века назад осваивал нелегкие горно-таежные территории Сибири. Оставленные ими названия некоторых рек Алтая, Салаира, Шории, Кузнецкого Алатау, Западных и Восточных Саян, Хакасско-Минусинских степей являются свидетелями активного участия самодийцев в истории Южной Сибири.

Этнонимы самодийцев

По-видимому, изначальным самоназванием самодийцев было **каса* (см. выше). Часть самодийцев (предки селькупов) в основу этнонимов положила заимствованное слово *куп* (*кум*) "человек". Возможно, что заимствование западное: др.-зыр. *ком*, *кум*, манс. *hum*, готт. *guma*, индоевроп. *homo*, *homme*, *h'uma*. Позднее дифференциация самодийской общности на группы привела к появлению иных самоназваний.

Самоеды. До сих пор не выяснено происхождение этнонима. Русские познакомились с самоедами не позже XI в. В Начальной летописи от 1114 г. сообщается, что новгородец Гюрята Рогович в 1094 г. "послах отрок своих в Печеру...", а отроки перевалили за Урал в Югру. "Югра же людие суть язык нем и соседять с Самоядью на полунощных странах". Л.С. Берг (1945) высказал предположение о том, что первые самоеды, с которыми русские познакомились еще в Северном Приуралье, были энцы *самату*. Делались попытки вывести из последнего этнонима и название *самоед* (*самодит*, *самоди*). Однако позднее было установлено (Долгих Б.О., 1946), что предки современных энцев не жили западнее водораздела рр. Таз и Пур. Были попытки увидеть в этом этнониме искаженное *самэ-една* "саамов земля", предполагая, что саамы в прошлом жили в западной части Архангельской области, где с ними могли познакомиться русские. На карте Г. Меркатора (1595 г.) между Обью и ее правым притоком Cossin (Казым?) сделана по-латыни надпись: *Samogedi id est se mutuo comedentes* "самоеды, себя (взаимно) поедающие". А.И. Попов (1973) в окончании этнонима самоедь видел не старорусское слово *яд(ь)* "еда", а собирательный суффикс при основе, связанной с этнонимом *саам* (ср. слово *челядь*).

Селькупы. Г.Н. Прокофьев (1940) приводит следующие самоназвания селькупских групп: *солькуп* "таежный человек",

сёлкуп "земляной человек", суссекум "таежный человек", чумьлькуп. Наиболее многочисленные ваховские селькупы (*сельгула*, по Г.И. Пелих) дали имя всей народности (в 30-е годы).

Ненцы. Самоназванием лесных ненцев (юраков) было *нэнач* (Соболев А., 1925). Тундровые ненцы называли их *пян хасава* (*пя* "дерево", "лес", *хасава* "человек"). В форме *ненэць'* (фонетический вариант лесных ненцев – *нецап*) оно было по предложению Г.Н.Прокофьева перенесено и на другие группы лесных и тундровых сородичей. Осмысливается этноним как "люди" (Соболев А., 1925; Прокофьев Г.Н., 1940), Л.В. Хомич (1976) предлагает понятие "человек", как и А.И. Попов (1973). Ныне этноним заменил (в официальном порядке) другое бывшее самоназвание группы лесных ненцев *хасава* "мужчина".

Энцы. Эта группа самодийцев ранее общего названия не имела. Приведенный этноним (*энцы*) является искусственным. Образован он от *энэтен* "люди" и предложен Г.Н. Прокофьевым в качестве общего названия для енисейских (хантайских и карасинских) самоедов. По мнению Е.А. Хелимского (1981), другое название энцев – *сомату* – это заимствование (тоже название племени) из нганасанского со значением "иметь шапку". Нам это представляется маловероятным, так как самодийское влияние шло от энцев к нганасанам, а не наоборот.

Нганасаны. "Самодины" Таймыра также не имели общего самоназвания. Для них, как и для ненцев и энцев, был создан искусственный этноним *нганасан* "люди". Г.Н. Прокофьев (1940) высказал предположение, что второй компонент в этнонимах *ненец* (*ненэ-цяи*), *энец* (*энэ-тен*), *нганасан* (*нганасан*) является вариантом самоназвания досамодийских восточных племен *тян* "люди", а сами этнонимы раскрываются как "настоящие люди" (*ненэй, онэй, нганэ* "настоящий"). К этнонимам иногда добавляют эти эпитеты (*ненэй ненэць', оней энэтен, нганэ нганасан*), в результате чего возникает тавтология "настоящий настоящий человек". Однако эта трактовка этнонимов не бесспорна. В самодийских языках *сан* (*санг*) является также аффиксом множественности, собирательности (Максимова Н.П., 1983) и участвует в образовании слов, обозначающих совокупное множество однородных предметов, понимаемых как одно целое. Это относится и к понятиям "народ", "племя". Можно привести следующие примеры:

коми *йес* – суффикс множественного числа и "народ",
 котты *чейнг* "народ", *сәп* – аффикс множественности (ср. котт.
alpeš "чудо", *alpešaj* "чудеса"; Вернер Г.К., 1990),

сельк. *сан, зан, санг* и др. – формант множественности и "племя" (ср. *камас. занг, дзон* "люди"; *модоры* по-камасински *модорсанг*).

Южносибирские (саянские) самодийцы. Если о происхождении этнонимов *койбал* и *ма́тор* имеются хотя бы полуполюгендарные сведения (см. выше), полученные от самих носителей этнонимов, то о *камасинцах* существуют лишь версии недавнего времени, предложенные учеными. Имя камасинцев известно в следующих формах: *камаш(инцы), калмажи, камаш, кагмши, калманжи-ил, хангмаш, кангмаш, кангмажи*. Трудно выявить среди этого перечня вариантов изначальную форму, так как неясна этимология этнонима. Исходя из русифицированного варианта *камасинцы*, можно реконструировать основную форму *камас* и ввести в этот круг варианты *камаш, кангмаш, хангмаш, кагмши, калмаж*. Хотелось бы видеть в финальной части термин *маш/мас/маж* "человек", "люди", но словарные материалы по самодийским языкам исключают это предположение. Наиболее обоснованной пока остается тюркская версия М.Н. Мельхеева (1986, с. 18). По его мнению, этноним *кангмажи* и его варианты исходят из тюрк. *канг-бажи* "жители верховий Кана", правильнее "(жители) верховий Кана", так как понятие "житель" ("народ", "человек") в этнониме отсутствует. Этот способ образования в ономастике не исключен. Имя р. Кан ранее произносилось как Канг, причем последние две согласные, орфографически выделяемые, произносились как один смычной носовой *ŋ*. Находясь в ауслaute, второй элемент (*г*) в русском употреблении исчез, но дорусское население смычной носовой *ŋ* артикулировало в полном объеме: ар. Хаŋ (произносится *ханг*) "Кан. р." (Топоров В.Н., 1968). Второй компонент этнонима – *маш* – соответствует в таком случае тюркскому слову *баш/наш* "голова", "верховье (реки)", "вершина (горы)". Чередование *м* и *б* в тюркских обычно (ср. *келе/кебе* "лодка"). Этот лингвистический разбор подтверждается и ареалом самого этнонима: он относился только к самодийскоязычным жителям верховий р. Кан, где имеются и единичные ойконимы (дер. Камасинка). В "Сокровенном сказании монгольского народа" (1240 г.) вместе с тубасами упоминаются ханхасы. Очевидно, этот этноним следует считать исконным для камасинцев. Можно согласиться с мнением С.И. Вайнштейна (1974) о том, что в этом этнониме "заложен" самодийский термин *кас* "человек". Первую часть этнонима можно сопоставить с гидронимом Кан(г). Этноним *ханкас* в таком случае может раскрыться с самодийского языка как "(с реки) Кан человек (люди)".

И возник этот этноним *ханхас* (**кангкас*) после того как передовые отряды кулайцев достигли верховий реки, которая получила от них имя Кан(г). С.И. Вайнштейн видел в *ханхас* кангатов (род *каш*), которые вошли в состав тофаларов.

Происхождение первого компонента этнонима *кангмаш* и др. выводится из имени р. Кан(г). Но этимология этого гидронима не ясна. Давно и неоднократно рассматривался вопрос о родстве терминов со значением "река": хинди (заимствование из аустроазиатских) *ганг*, кор. *канг*, ю.-кит. *цзян*, *конг* в гидрониме Меконг. А.П. Дульзон (1968) и Э.Г. Беккер (1969) высказались в пользу южно-самодийского происхождения имени реки Кан (Khun-бу), выводя его из камас. *кхун* "медведь". Имя реки в форме Кан(г), Хан(г) использовали также арины, ассаны и котты. Соглашаясь с предложенной языковой "привязкой" гидронима, мы даем иную этимологию гидронима Кан(г). В языке нганасан (Болдт Е.П., 1989, с. 33) имеется термин *кап* "водопад", *капа* "поток воды". От этого имени нарицательного возникло имя собственное – обычное явление в топонимике. Ни в юкагирском, ни в тунгусских языках, откуда возможны были заимствования в нганасанский, таких терминов нет. А с другой стороны, связь нганасанского с южносамодийскими выявляется вполне определенно (см. ниже).

В бассейнах рр. Туба и Абакан известны названия рек и населенных пунктов, образованные от этнонима *койбал*. Язык койбал камасинский (см. выше). Происхождение этнонима *койбал* (самоназвание *койба*, см.: И. Пестов, 1833) достоверно не выяснено. Легенды упоминают о братьях Койбал и Матор, но это, очевидно, поздняя версия. В.Я. Бутанаев (1983) сообщил, что Койбал был князьком "каменных **маторов**". Выше говорилось о возможном изначально кетском происхождении койбал. Если рассмотреть ареал топонимов, образованных от этнонима (Шория, бассейны Абакана, Тубы), то всплывает крамольная мысль: камасинцы – это койбалы, оторвавшиеся от своего основного койбалского ядра и ушедшие далеко на восток, на р. Кан. Там в среде мигрантов возникло самоназвание **кангкас*. Тюркоязычные иноплеменники создали этноним *кангбажи/кангмаши/кангмажи*, дошедший до нас. И только лучшая языковая изученность камасинцев, значительная численность к моменту знакомства с ними европейцев, поставила их на вершину южносамодийской пирамиды племен. Главным этносом южных самодийцев были койбалы. Они оставили больше следов в топонимии обширной территории от Алтая до Тубы, правого притока Енисея. Среди хакасов

койбалы считаются самыми древними жителями долины Средне-го Енисея, а язык их – самым "красивым" среди хакасских диалектов (Бутанаев В.Я., 1983).

Маторы (самоназвание *маты* или *матор-аймак*; см.: Пестов И., 1833) – это несомненно самостоятельная группа южносамодийского населения, проживавшая вперемежку с койбалами: топонимы, образованные от этнонима, встречаются в том же ареале, что и койбальские. Да и проживали койбалы совместно: Г.И. Спасский в 1806 г. нашел койбалов у с. Маторского по р. Каратуз (Восточные Саяны), а в бассейне Абакана имеются населенные пункты Матур и Койбал. Е.А. Хелимский выявил существенные различия в языках маторов и койбал, что позволило ему поместить эти языки в разные группы. Возможно, этноним *матор* является очень древним, бытовавшим (в форме *маду*) в северных краях еще до прихода самодийцев на Саяны. Под 1768 г. в русских документах был указан хантайский энец по имени Матора (Долгих Б.О., 1970, с. 163). В Тофаларии, где еще в прошлом веке жили самодийцы-карагасы, также была известна р. Модар, левый приток Гутары (Катанов Н.Ф., 1891). Имя реки связано, очевидно, с этнонимом *матор*. Если это так, то можно говорить о расселении маторов в системе притоков верхнего течения Ангары, в Предбайкалье, и о возможном контакте там маторов с карагасами. Может быть, этим объясняется близость языков карагасского и маторского, что позволило объединить их в одну группу?

Карагасы – самодийскоязычные предки современных тюрков-тофаларов – обитали в Восточных Саянах. Сюда они пришли, видимо, со стороны Красноярска, где проживали их вероятные родичи из группы *каш*. В.И. Рассадин (1976) уточняет, что карагасы получили свое имя по сеоку Кара һа̄аш (вымер до революции). Тофалары, тюркоязычные потомки карагасов, реально воспринимали свою принадлежность к роду Сарыг-каш. Такая бинарная оппозиция *кара* – *сары(г)* в прошлом была обычной для тюркской этнонимии: среди шорцев поныне существуют парные сеоки: *кара-чор* и *сары-чор*. Можно предполагать, что изначальным самоназванием карагасов было *кас* "человек". Позднее в результате дробления единого (уже тюркоязычного?) рода *кас* выделились сеоки *кара-кас* и *сарыг-кас*. Название сеока *кара-кас* – это синоним этнонима *карагас*. Тюрки Саян, именовавшие себя *тофа*, этноним *карагас* осмысливали обычно как "черный гусь". При этом вряд ли предполагалось тотемное происхождение этно-

нима. Вероятно, - это следствие тюркской адаптации самодийского *кас* "человек" (ср. тув., тоф. *кас*, хак., кирг. *каз*, хак. *хас* "гусь"). Ю.П. Штубендорф (1854), считал, что этноним *карагас* создали русские, с чем трудно согласиться.

Попутно упомянем, что Н. Козьмин (1918) этноним *хакас* считал китайской адаптацией этнонима *карагас*. После отюречивания карагасы называли себя, как и урянхайцы (тувинцы) – *туба*. Г.Н. Прокофьев предполагал, что это слово означает "человек", что, однако, не нашло поддержки у лингвистов.

По нашему мнению, этноним *туба* связан с самоназванием докаганатских тюрков *топа*. Известные в Алтае-Саянах этнонимы *туба*, *тофа*, *тыва*, *тува*, *туха* восходят к этнониму ранних тюрков *топа/тоба*. От этого этнонима был создан гидроним Туба (правый приток Енисея), а от гидронима – название разноплеменного (тюрки, самодийцы, котты) Тубинского княжества. Разноязычные племена, населявшие Тубинскую "землицу", также стали называться тубинцами. Так, в русских документах самодийцы-маторы причислялись к тубинцам: "тубанцы под коими разумеются и маторы..." (Бутанаев В.Я., 1983). Я так перевожу на современный язык этот текст: "...тубинцы, в том числе и маторы...". Карагасы стали называть себя именем ассимилировавших их тюрков-топа – *тофа*. По принадлежности к Тубинскому княжеству койбалы стали именоваться *туба*, возможно, еще будучи самодийскоязычными. Современное самоназвание тубинцев – *тува*, *тыва*, *туха* – является исконно тюркским. Восходит оно к тюркоязычным *топа/тоба* - обитателям залесенных гор Южной Сибири в докаганатское время.

Широко бытующее сопоставление *дубо* китайских хроник с самодийским населением гор Южной Сибири ошибочно и основано на сходстве образа жизни тех и других (таежные охотники, ходили на лыжах, жили в шалашах из травы и пр.). По нашему мнению, *дубо* хроник это тюркоязычные *топа/тоба*, которые не ушли в степь из лесов Южной Сибири, продолжали быть лесными охотниками.

Кашинцы показаны на карте С.У. Ремезова (1701 г.) в районе Красноярска, по рр. Сыда и Кома, правым притокам Енисея. Б.О. Долгих (1970, с.238) и Л.П. Потапов (1957) считали их самодийцами по языку. Из тюркских языков этноним *каш* не раскрывается; по-видимому, он является самодийским: **кас* "человек", в шипящем произношении – *каш*. Л.П. Потапов отмечает, что этот этноним встречается в хрониках Танской династии (618-907 гг.).

Не являются ли "кашинцы немирные", найденные русскими в XVII в. в правобережье Енисея, по Сыде и Кома, материнской группой *кас* (*каш*), саянская часть которой разделилась на *кара-каш* и *сары-каш*?. Первые дали общее название карагасам, а вторые стали единственными представителями *касов/кашов*, после того сеок кара-каш в Саянах ушел со сцены. По сообщению Ю.П. Штубендорфа (1854), карагасы, уже перешедшие на тюркский язык, себя называли *ссарых-хаш* "желтый улус". В тюркских языках одно из значений *улус* - "народ": тоф. "все члены одного рода", "группа людей, народ", тув. "люди, народ", хак. "народ". Очевидно, *улус* в переводе на русский этнонима *ссарых-хаш* является тюркской калькой самодийского слова *хаш*.

Карагасы томские давно интригуют исследователей своей таинственностью. Переписью 1926 г. зафиксировано 2709 чел., которые причисляли себя к этой группе. Это жители Среднего Причудымья и левобережья Оби по средней и нижней Шегарке (Васильев В.И., 1993). Г.И. Пелих (1972) обобщила этнографические, антропологические материалы по саянским и томским карагасам и пришла к выводу о родственности этих групп населения. Томские карагасы (жители сс. Еушта и Горбуново) еще недавно считали "...хорошо, когда их карагасами называют. Они обижаются, когда их остяками называют" (с. 240). Следовательно, ныне некоторые группы томских тюрков еще недавно осознавали былую свою принадлежность к карагасам и не желали именоваться остяками – этнонимом явно оскорбительным для них. Напомним, что этноним *остяк* создан тюрками и имеет уничижительное значение – "дикий (или лесной) человек". Однако до сих пор не ясно, являются ли томские карагасы отюреченным аборигенным самодийским населением или же, "превратившись" в тюрков в Саянских горах, вернулись на свою самоедскую родину. Если действительно самоназванием томских карагасов было *карагасы* или *туба*, то следует принять второй вариант.

Тайгинцы (тайгийцы) остались неизученными. Известно только, что они были объединены в один улус – Тайгинский и что язык их был близок маторскому и отличался от камасинского (Потапов Л.П., 1957).

Антропология самодийцев

В физическом отношении самодийцы обладают весьма неоднородными расовыми признаками как в межгрупповом отношении, так и в составе групп.

Селькупы. Нарымские селькупы среднего роста, коренасты, тёмноволосы, смуглы, с характерным выступанием скул, полными губами, широким носом и темными не очень узкими глазами. Среди селькупов верховий р. Кеть встречаются худощавые типы, с узким длинным лицом, тонкими губами, прямым узким, но невысоким носом (Дебец Г.Ф., 1947). Исследованные Г.Ф. Дебецом нарымские чумьлыкupy и тазовские селькупы оказались брахикранными (круглоголовыми), с широким небольшим лбом. Нос относительно широкий, но не за счет абсолютной ширины, а за счет заметно меньшей высоты. Плоская форма носа, слабо отграниченная от щек, отсутствует. Профиль спинки носа преобладает прямой, выпуклый встречается только по Тазу и то редко. Положение кончика носа большей частью приподнятое. Селькупы не так скуласты, как буряты или тунгусы. Горизонтальная профилировка выражена не так сильно. По сравнению с нарымскими тазовские селькупы обладают очень крупным лицом, как у бурят или якутов. Внутригрупповой анализ показал следующие различия в антропологии селькупов:

тип умеренно монголоидный, мезокефальный со средними абсолютными размерами лица и головы (главным образом на Оби);

тип более монголоидный, брахикефальный, с большими размерами головы и лица и тоже с вогнутым носом (по Тазу, главным образом среди "орлов" и, возможно, по Турухану);

тип с явными европеоидными признаками: светло пигментированный, по-видимому, брахикефальный, часто с прямым носом (по Тыму и по Тазу; чаще у рода кедровки).

Н.С. Розов (1956) исследовал черепа селькупов в низовье Чулыма. В сравнении с соседями – чулымскими тюрками – селькупы имеют более высокое лицо с наклонным лбом, более прогнатное и менее уплощенное.

Ненцы. Достаточно хорошо изучены тундровые ненцы (Асянова Г.А., 1981). Характерными их признаками являются малый рост, брахикефалия, большие размеры лица, широкий высокий нос, очень часто с вогнутой спинкой, поднятым кончиком и основанием, большое нособровное расстояние, средняя толщина

губ, слабый рост бороды, прямые мягкие черные волосы, сильно выраженные монголоидные признаки глазной области, наклонный лоб, сильно уплощенное скуластое лицо, высокая верхняя губа. Женщины более монголоидны, чем мужчины (Асянова Г.А., 1981, с. 173).

Среди канинских ненцев иногда встречаются индивидуумы, которые производят удивительное впечатление своей красотой. Они высокого роста, стройны и в некоторых случаях в них трудно найти типичные юрацкие черты (Хомич Л.В., 1984, с. 23).

Антропология лесных ненцев изучалась в конце 60-х годов (Т.И. Алексеева, В.П. Алексеев, др.). В.П. Алексеев (1971) подробно описал внешний вид мужчин-ненцев Пуровского района (пос. Тарко-Сале). Волосистой покров на лице развит слабо, но сильнее, чем у крайних групп сибирских монголоидов. Волосы очень светлые. Иссиня черные встречены только у двух субъектов. Депигментация проявляется и в цвете глаз. Лесные ненцы более светлоглазы, чем эвенки и эвены, не говоря уже о центрально-азиатских монголоидах, и более светлоглазы, чем окружающие их другие самодийцы и угры. Эпикантус встречается реже, чем у тюрков, монголов и тунгусов, но по развитию складки верхнего века они приближаются к наиболее монголоидным народам Сибири. У изученных групп лесных ненцев сильно наклонный лоб и значительно развитое надбровье. По горизонтальному профилю лесные ненцы сближаются с западносибирскими народами, обладающими ослабленными монголоидными признаками, но по выступанию скул близки к бурятам, якутам, эвенкам. Губы довольно толстые, слизистые поверхности обеих губ развиты значительно. По выступанию носа лесные ненцы превосходят центральноазиатские и байкальские типы. Вогнутые формы общего профиля носа составляют больше половины случаев. Лесные ненцы брахикефалы (головной указатель 84), лица узкие (147,1 мм), достаточно высокие (высота лица 130,3 мм)

В.П. Алексеев обратил внимание на противоречивость физиономических черт лесных ненцев. Это соотношение светлой пигментации и сильно выраженной монголоидности, вогнутый довольно сильно выступающий нос и большие размеры лица, очень низкая верхняя губа при сравнительно высоком лице и носе. Лесные ненцы отличаются от других групп соплеменников наибольшей выраженностью монголоидных черт (меньше развит борода, чаще встречается эпикантус, более плоское лицо, ниже переносье) при сочетании со светлыми глазами, поднятым кончи-

ком и основанием носа. В.П. Алексеев предположил возможность сохранения в изолятах каких-то недифференцированных сочетаний признаков, впоследствии стертых поздними этапами расообразования. Общей тенденцией является увеличение монголоидности ненцев с удалением на восток. Западные (европейские) ненцы обладают некоторыми лапаноидными признаками.

Энцы. Эта группа северных самодийцев существенно отличается от ненцев усилением черт восточносибирского монголоидного комплекса (Золотарева И.М., 1975). У энцев по сравнению с ненцами более плоское лицо, значительно ниже переносье, выше частота эпикантуса, сильнее развита складка верхнего века, более темная пигментация волос и глаз. У энцев заметно большие размеры головы, лицо выше и шире по скуловому диаметру, а также на уровне углов нижней челюсти. У энцев заметно шире нос, выше кожная часть губы. Энцы в большей мере, чем енисейские ненцы связаны с нганасанами.

Нганасаны. Изучены обе группы нганасан – вадеевская и авамская. Обе группы близки между собой по соматологическим и антропологическим признакам, по пигментации, особенностям волосяного покрова и др. Наиболее характерные черты у вадеевских нганасан. Они имеют более низкий рост, еще более крупный диаметр головы, большие величины скулового диаметра (154,8 мм) и нижнечелюстного (120,5 мм). Аналогий нганасанским типам в современном населении Сибири нет. Нганасаны статистически достоверно отличаются от ненцев, несколько ближе стоят к энцам. По своему типу нганасаны не могут быть отнесены к уральской расе. Нганасаны обладают рядом признаков, которые сближают их с древнейшим расовым типом Сибири. Этот древний монголоидный тип характеризовался крупной головой и широким уплощенным лицом с умеренным выступанием скул, низким переносьем, широким носом с хорошо оформленной спинкой, сильно развитой складкой века и эпикантусом, средней толщиной губ и низким ростом. У нганасан пигментация радужины и волос темная. По величине скулового диаметра нганасаны уступают только ительменам. В прошлом физические предки нганасан входили в достаточно однородную антропологическую общность, связанную с древнейшим населением Енисейско-Ленского междуречья (Золотарева И.М., 1968, с.108-110). Остается только добавить, не являются ли носители ымыяхтахской культуры эпохи бронзы представителями этого древнего антропологического типа (см. выше).

Южносибирские (саянские) самодийцы. Антропологи в свое время обошли вниманием саянских самодийцев. Не изучена и их палеоантропология. Сохранились лишь краткие описания внешнего облика пяти мужчин и четырех женщин, которые сделал К. Доннер в 1914 г., опубликованные Г.Ф. Дебецом (1947). Вот эти сведения: волосы и глаза темные, длина тел 1596 мм, головной указатель 86,3 (круглоголовость – *А.М.*). На фотографиях европеоидная примесь несомненна. Койбалы, по описанию П.С. Палласа, имели лица, большей частью сходные с тунгусскими, круглые и плоские, но притом довольно бородатые. Однако Георги и Спасский отмечали большее сходство их с остяками и северными самоедами.

Имеется единственное описание внешнего вида карагасов, уже тюркоязычных, которое оставил Ю.П. Штубендорф (1854, с. 230-231): "Карагасы роста ниже среднего, худощавы, причем замечается большая соразмерность в частях тела, т.е. при малых головах и нешироких плечах, таз узкий, руки и ноги маленькие. Волосы гладкие черные; лоб низкий; глаза маленькие немного выпуклые, темнокарие, прямые; нос прямой; скулы не очень выпуклые, нос прямой, узкий; рот маленький; лицо кругловатое, смуглое; борода жидкая и редкая. Физиономия карагасса напоминает более Киргиза Средней Орды, нежели монгола. Шея длинная, грудь впалая. Кости вообще тонкие; поэтому они (карагасы – *А.М.*) чрезвычайно легки, весом около 3 пудов. Походка у них особая: туловище, шею и голову держат неподвижно, немного вперед и неслышно пробираются малыми, частыми шагами. Эта особенность происходит от привычки к верховой езде на оленях и от употребления лыж... При весьма малом развитии костей и мышц карагасы слабы и к усиленным телесным работам не способны. Зато слух и зрение у них чрезвычайно развиты; сверх того с удивительной терпеливостью переносят они трудности в дороге, ненастье и недостаток в пище".

Ранние самодийцы в Сибири

Не все переднеазиатские мигранты, самодийцы по языку, сохранили свою самостоятельность даже в ранние этапы своей сибирской истории. Часть их смешалась с аборигенами финно-угорского типа и потеряла язык, какие-то группы исчезли, не сумев приспособиться к суровым условиям новой родины. Предполагается изначальная принадлежность носителей окуневской

культуры к кругу самодийцев (Э.Б. Вадецкая, В.А. Дэвлет, Л.П. Хлобыстин). Возможно, что самодийцами по языку были и создатели замечательного памятника у с. Ростовка (Омская область). Об этом можно лишь догадываться. Только самодийско-зычные пришельцы, проникшие в таежную часть долины Оби, сумели сохранить и донести до наших дней свой язык, хотя в физическом и культурном отношении они очень изменились и не в последнюю очередь под влиянием аборигенов и более поздних пришельцев. Пока мы связываем с ранними пришельцами-самодийцами только часть создателей самусьской археологической культуры окрестностей Томска. Не найдены или не идентифицированы другие археологические памятники самусьцев в лесной зоне Западной Сибири, как и на подступах к ней.

Версию о переднеазиатском происхождении предков самодийцев можно было бы проверить палеоантропологическими материалами. Однако о физическом типе ранних самодийцев Сибири нам практически ничего не известно. До сих пор не найдены в могильниках самусьской культуры морфологически определяемые костные останки. Каменная скульптура из Самусьского памятника, если допустить даже отдаленное портретное сходство, характеризует какой-то загадочный антропологический тип. Крупный, чуть ли не арменоидный нос с выпуклой спинкой и высоким переносьем, большие навывкате глаза, массивная нижняя часть лица. Так характеризует эту скульптуру В.А. Дремов (1984). Не исключено, что такой "портрет" у древнего скульптора возник из-за необходимости подстроиться к фактуре гальки.

Если же исходить из версии переднеазиатского происхождения самодийцев, то в Томском Приобье можно было бы ожидать три близких физических типа пришельцев из Передней Азии. Первый, евроафриканский тип Серджи, - долихокрания, относительно высокое мезогнатное лицо с широким сильно выступающим носом (прототипы - Сиалк, Ал-Убейд, 1-й слой Кара-депе). Второй тип - более грацильный, также европеоидный длинноголовый (прототип - оазисы Геоксюра в Южной Туркмении). Третий тип - мезокранный с большими величинами поперечного и продольного размеров черепа, очень высоколицый, узконосый, с широкой нижней челюстью. Сочетает черты населения Восточного Средиземноморья с особенностями кроманьонского типа. Прототип - памятники Алтын-депе (Гинзбург В.А., Трофимова Т.А., 1972).

Будут ли найдены останки пришлых самодийцев и какому антропологическому типу они принадлежали бы – остается только гадать. Если предположить, что тип пришельцев сохранился у более позднего населения Томского Приобья, то можно обратиться к материалам Еловского II могильника (юг Томской области). В культурном слое андроновского (послесамусьского) времени найден череп, у которого В.А. Дремов (1990) определил европеоидные черты, существенно отличающиеся от андроновских. Они характеризуются более длинной, но менее широкой черепной коробкой, наклонным лбом, менее широким и более высоким лицом. В.А. Дремов заключает (с. 60), что европеоидный компонент могильника восходит к доандроновскому населению Томского Приобья или более южных районов. Этот тип близок к геоксюрским черепам (см. выше – второй тип).

Носители окуневской культуры (от XVIII-XVII до XIII в. до н. э.), которая признается и синхронной, и родственной для самусьской, представлены были круглоголовыми типами с массивным черепом, узким лбом, широким, иногда высоким (более высоким, чем у предшествующего афанасьевского населения) лицом. Некоторые авторы указывают на огромные размеры нижней челюсти (Дремов В.А., 1984). Для черепов Тас-хазаа (Хакасия) отмечается высокая степень европеоидности окуневцев (Алексеев В.П., 1974). Появившийся дополнительный антропологический материал показал, что степень монголоидности окуневцев была явно преувеличена. Монголоидные черты местного происхождения были зафиксированы только на нескольких черепах из Бельтыра (бассейн Абакана). Окуневская культура наиболее близка самусьской. Для нее также характерна баночная посуда, орнаментированная по всему тулову, иногда и по плоскому днищу. Удивительны окуневские каменные стелы с неразгаданной семантикой изображений. Покойников укладывали на спину с сильно согнутыми ногами и вытянутыми руками, головой обычно на запад. Под голову часто подкладывали камень. Стенки могильных ям обставлялись плитами в виде ящика, а на дне выкладывались каменные плитки (Вадецкая Э.Б., 1986). На Ближнем Востоке (Убейд 2) дно могилы также выстилалось, но не каменными плитками, а битыми черепками (Антонова Е.В., 1990).

На памятнике Аймырлыг XII и XXVII (Центральная Тува) изучены погребения в каменных ящиках с культурой, близкой к окуневской. Черепа очень массивные, с развитым рельефом. Черепная коробка длинная, довольно высокая, небольшой ширины.

Все черепа долихокранные, лоб широкий и наклонный, лицо широкое, высокое, ортогнатное и очень сильно профилированное. Нос узкий, переносье и носовые кости очень широкие, выступание их к профилю лица сильное. И.И. Гохман (1980, с. 28) считает, что серия черепов из могильников относится к кругу гиперморфных представителей древнесредиземноморской расы и морфологически ближе всего стоят к черепам из памятников Кара-депе (слой 1Б) в Южной Туркмении и Сиалк I в Иране. Кстати, ссылка на памятник Кара-депе у нас уже была.

Предандроновские памятники Омского Прииртышья (Ростовка) содержат неплохие остеологические остатки, что позволило В.А. Дремову (1984) сделать вполне определенное заключение о физическом типе населения, оставившего эти памятники. По мнению исследователя, это были круглоголовые люди, сочетавшие европеоидные черты с монголоидными, выраженными в уплощенности лица на уровне переносья. Краниологически определяется массивный череп, очень широкое (147 мм) и относительное низкое лицо. В отличие от окуневцев Хакасии ростовкинцы имели более узкий нос. В.А. Дремов отмечал огромные нижнечелюстные размеры, которые сопоставимы только с таковыми окуневцев из Бельтыра, Аскиза и Тас-хазаа. Ростовкинский ручеек переднеазиатских мигрантов был слаб и вскоре иссяк, оставив в среде аборигенов невыразительные и малочисленные следы. Судя по работе В.И. Матющенко (1988), это некоторые виды керамической посуды (открытые баночные формы сосудов, смешанная орнаментация стенок сосудов и орнаментация плоских днищ) Труположение скорченное, на левом боку, что было характерно для позднейшего этапа памятника Кара-депе (аборигены Прииртышья хоронили умерших в вытянутом положении на спине). В.И. Матющенко отмечает сходство ростовкинской керамики с окуневской, которая, в свою очередь, имеет немало общего с самусьской.

Из алтайских памятников наиболее интересны курганы, раскопанные В.Д. Кубаревым (1986, 1988) в с. Каракол (Онгудайский район). Впускные неглубокие погребения в каменных ящиках, западная ориентация погребенных, положение их на спине, следы черной и красной краски на черепахах, рисунки на отдельных плитах ящиков – все это сближает их с окуневскими памятниками Хакасии. Возраст – начало II тыс. до н. э. Росписи на внутренней стороне ящика имеют трехцветное оформление: использовались черная, красная и белая (протирка по белой породе)

краски. Такое же трехцветие было характерно и для отделки внутренних частей жилых зданий носителей джейтунской культуры Юго-Восточного Прикаспия (VI тыс. до н. э.). В Джейтуне дно могильной ямы выстилалось черепками крашеной керамики, в Караколе – мелкими каменными плитками (Кубарев В.Д., 1988, с. 25), как и в окуневских могилах Хакасии (Вадецкая Э.Б., 1986). Антропологический тип джейтунов был неоднороден. Наряду с типичными восточносредиземноморцами (Чопан-депе, Чагылдыдепе) на Монжуклы-депе обитали люди еще двух антропологических типов:

с низким и широким лицевым скелетом (сближается с палеоевропеоидным типом);

экваториальный тип; сближается с протоавстралоидным типом Индостана, веддоидным Пакистана, некоторыми черепами мазандаранской культуры Северо-Восточного Ирана и натуйфийской культуры Палестины (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972).

Доандроновцы предгорий Алтая (памятник Елунино) – это грацильные длинноголовые типы с небольшим резко профилированным лицом, сильно выступающим носом. В.А. Дремов сближал эти находки с синхронными типами Аймырлыга. Следовательно, можно провести параллели с Сялком I и Кара-депе (слой IB).

Приведенный обзор показывает пестроту антропологических типов предандроновского пришлого населения, в общем-то несомненно европеоидного. Переднеазиатские пришельцы были явно длинноголовыми, что, впрочем, характерно для древних типов. Трудно объяснима круглоголовость окуневцев и ростовкинцев. Отмечаемая у убейдцев массивная нижняя челюсть "копируется" и у сибирских доандроновцев – ростовкинцев, окуневцев и, возможно, у самусьцев (см. выше описание каменной скульптуры). Из современных самодийцев она характерна для нганасан. Однако неполнота серий черепов из предгорий Алтая, Прииртышья, отсутствие расодифференцирующих остеологических остатков по самусьской культуре затрудняют сопоставления. Имеющийся материал как будто указывает на неоднородность пришлого из Передней Азии населения, что заставляет сомневаться в единой язычной пришельцев. Можно только говорить о его бесспорно восточносредиземноморском происхождении.

Весьма проблематично участие физических шумеров в миграции населения Передней Азии в Сибирь (Пелих Г.И., 1972).

Однако И.Н. Хлопин (1960), изучивший скульптурные изображения жителей Кара-депе (Южный Туркменистан), вновь дал повод для таких построений. Исследователь выделил среди них (жителей) два типа. Первый тип - лицо слегка удлинённых пропорций, покаты́й лоб, крупный нос, небольшой рот, миндалевидные глаза, разлегающиеся брови. От слабо выступающего подбородка спускается длинная узкая борода, разделённая на две пряди (как у современных туркмен). Эти жители Кара-депе напоминают жителей Суз – эламитов и жителей Загроса (вторая половина III тыс. до н. э.). Второй тип – голова короткая, уплощённая сверху, с узким, почти отсутствующим лбом. Овал лица широкий, нос крупный и сильно выступающий, подбородок выражен слабо. Скульптурные головки такого типа широко известны в Южном Туркменистане, например, в Геоксюре со времен Намазга II – раннего Намазга III (середина – конец IV тыс. до н. э.). Фигурки похожи на изображения шумеров.

Материалы И.Н. Хлопина заставляют вернуться к высказываниям Г.И. Пелих о вхождении культуры шумеров в культуры населения Южной Туркмении. Северные предгорья Копетдага были "стартовой площадкой" для мигрантов в Сибирь. Какие же реликты далеких предков можно увидеть во внешнем облике самодийцев – жителей Сибири? В.П. Алексеев (см. выше) пришел к заключению, что у лесных ненцев сохранились какие-то сочетания недифференцированных признаков, из которых наиболее показательны полные губы (лесные ненцы, селькупы), широкий нос (тундровые ненцы), прогнатизм (селькупы). Эти признаки "привязывают" самодийцев к южной (экваториальной) расе. Большие челюстные размеры у нганасан, а также у окуневцев и ростовкинцев имеют параллели как у переднеазиатских народов (убейдцы), так и у ительменов Камчатки. Имеется ли связь между ними или этот признак не является показательным? Не ясны причины относительной светлоглазости лесных ненцев. Не является ли это доказательством длительной изоляции этой группы самодийцев?

Самодийцы в Сибири, очевидно, вели замкнутый образ жизни, неохотно смешивались с аборигенным населением. Возможно, небольшие группы их рассеялись в таежной зоне и сформировали там несколько групп, которые длительное время развивались самостоятельно. Эта обособленность где-то могла вызвать враждебность между соплеменниками. Так, еще недавно селькупы (*гула*), самодийцы по языку, были враждебно настроены к другим самодийцам, которых они называли *каса* (Пелих Г.И.,

1972, с. 221). По крайней мере можно говорить не менее как о трех локальных группах самодийцев, которые в большей или меньшей мере развивались самостоятельно, занимая рефугиумы (убежища) в лесной зоне. В течение тысячи лет они обитали в тайге, приспособляясь к суровым условиям Сибири, совершенствуя свои производственные занятия и культуру. Лишь сравнительно недавно они вышли на историческую арену и освоили обширные пространства от Заполярья до гор Южной Сибири. Речь идет о предках ненцев, селькупов и южных самодийцев. Южные самодийцы, в свою очередь, были потомками носителей кулайской археологической культуры.

Поздняя история ненцев, энцев, нганасан изучена достаточно хорошо этнографами Б.О. Долгих, В.И. Васильевым, Г.Н. Грачевой и др. Древняя история самодийцев остается слабо изученной. По этому вопросу нет не только единого мнения, но и какой-то общей концепции. С.И. Вайнштейн (1980) появление предков самодийцев в Саянах относил к неолиту. Л.П. Хлобыстин (1969) предполагал широкое распространение культур самодийского происхождения (самусьская, окуневская и др.) в Западной Сибири. По его мнению, самодийцы еще во II тыс. до н. э. проникли в тундру. Несмотря на указания о давнем проживании самодийцев в северной половине Западной Сибири, древние (эпоха бронзы) археологические памятники явно самодийского типа здесь не обнаружены. Наиболее достоверно самодийское происхождение только кулайской культуры (центральная часть Западной Сибири). По данным Л.А. Чиндиной (1984), кулайская культура сформировалась в Васюганском и Нарымском Приобье и имеет два этапа развития: васюганский (V-II вв. до н. э.) и саровский (II в. до н. э. – V в. н. э.). Нам импонирует версия Л.А. Чиндиной (1984, с. 172) о том, что кулайская культура берет начало в молчановской (IX-V вв. до н. э.; выделена М.Ф. Косаревым в 1964 г.). Г.В. Евдокимова (1973) "омолодила" культуру на два века (VII-V вв. до н. э.). Молчановская культура сочетает реликтовые самусьские (по нашим построениям – самодийские), андронидные (по нашим построениям – кетские) и "крестовые" (по нашим построениям – угорские) признаки.

Можно восстановить в общих чертах историю самодийцев в докулайское время. Самодийский (пришлый или южный) компонент вышел победителем в соперничестве с аборигенным не только в отношении материальной культуры, но и в языковом. Была создана многокомпонентная самусьская культура. Однако с

приходом еловцев, потомков андроновцев, самодийцы попали в тень, но сумели сохранить свой язык и производственно-культурную самобытность. Этому благоприятствовали различные типы хозяйства пришельцев-еловцев (скотоводство) и аборигенов-самодийцев (рыболовство и охота; Косарев М.Ф., 1974, с. 78). Малочисленные пришлые угры (потомки носителей атлымской культуры) были ассимилированы самодийцами и кетами (еловцами). После ухода еловцев (кетов) оставшиеся в лесах самодийские племена получили возможность самостоятельного развития. Была сформирована кулайская культура, ареал которой совпадает с ареалом молчановской (Косарев М.Ф., 1974).

Кулайскую культуру сменила рёлкинская (Чиндина Л.А., 1991).

История кулайцев

Кулайские древности были открыты И.М. Мягковым в конце 20-х годов. Название культура получила от В.Н. Чернецова. Культуре "повезло": в разные годы её изучали М.Ф. Косарев, Т.И. Троицкая, Л.М. Плетнева. Многие годы изучению кулайской культуры посвятила Л.А. Чиндина (1984 и др.). Нам не хотелось бы подключаться к кулайской проблеме с археологической стороны, нас более интересует этническая принадлежность кулайцев, их родственные отношения с другими группами древнего населения Сибири, топонимы, созданные ими.

По части этнической принадлежности носителей кулайской культуры нет единого мнения. С одинаковой степенью доказательности их причисляли к уграм, самодийцам, кетам. Имеется мнение, что кулайцы – это конгломерат разноязычных племен. Кто был потомком кулайцев и можно ли решить проблему их языковой принадлежности? Мы предлагаем свою версию решения этих проблем, построенную на известном историческом и топонимическом материале. Начнем с хорошо известных фактов.

В Восточном Саяне в прошлом веке жили близкородственные группы – камасинцы, койбалы, карагасы, тайгинцы, маторы. Их языки изучены достаточно хорошо, особенно камасинский, по которому имеются словари и грамматический очерк. Е.А. Хелимский (1982) выделил в южносамодийском (саянском) языке две группы – камасинско-койбальский и маторо-тайгинско-карагасский. В языке камасинцев и маторов зафиксировано слово *чага* "река". В присаянских районах известно немало гидронимов,

в составе которых присутствует этот апеллятив: Почага, Кемчага, Камарчага, Кучагина (руссифицированная форма), Ерегошага, Селенчага, Сенанджага, Аянджега, Двачага. Понятие "вода" в южносамодийских обозначается словами: тайг., камас., матор. *бу*, койб. *бы*. Этот географический термин входит во многие гидронимы северных и южных предгорий Восточного Саяна: Пуддо-бу "глубокая река", Под-бу, Теди-бу, Минер-бу (ныне Мана), Нарбу (ныне Нарва), Буйбу, Сейбу, Салбу (ныне Салба; несколько рек). Этот ареал топонимов уходит на северо-запад, на р. Чулым, где имеется р. Колба (изначально Колбу?). В левобережье Оби на территории Томской области, также имеются гидронимы, в которых присутствуют южносамодийские апеллятивы: рр. Чага – притоки Чузика и Парбига, Двойчага (ср. Двачага в Саянах) – приток Парбига. По мнению Э.Г. Беккер (1969), из южносамодийских *бу*, *бы*, *чу* возникли конечные *ба*, *жа*, *ча*. В камасинском словаре (К. Доннер) встречаются гидронимы Тойжа "оленья", Кожа "пихтовая", Майеножа "медвежья", Куйлежа "воронья". В Среднем Приобье также имеются гидронимы с такими же финалями: рр. Емельджа, Кельджа, Лымжа, Арча. Таким образом, два удаленных друг от друга ареала – левобережье Средней Оби и Саяны – имеют единую систему топонимов. В последнем ареале зафиксированы носители языка, на основе которого созданы соответствующие топонимы. Напрашивается вывод: в левобережье Оби в прошлом обитали племена, родственные южным самодийцам и говорившие на языке камасинского типа. Это были кулайцы, что подтверждается и археологическими материалами: ареал камасинских топонимов повсеместно содержит кулайские памятники.

По каким-то причинам, возможно в связи с похолоданием и увлажнением климата, относительным перенаселением начались центробежные миграции кулайцев. Миграционные пути прослеживаются по остаткам материальной культуры, сходной с кулайской.

На Енисее кулайские памятники найдены у пос. Суломай и в приустьевой части Подкаменной Тунгуски, а также у с. Ворогово (Николаев Р.В., 1986). Появились сообщения о находках кулайских бронзовых предметов у с. Ново-Назино Енисейского района. О пребывании кулайцев около Красноярска свидетельствует Есаульский клад (Косарев М.Ф., 1974). Здесь же в р. Есаулку впадает р. Камарчага, имя которой имеет типично камасинский апеллятив *чага* "река". В сторону Красноярска кулайцы шли по долине Чу-

лыма, где они оставили имена р. Колба и нас. пункта Кубай "зимовье".

Бронзовые изделия кулайского облика найдены в таежной зоне Средней Сибири (пос. Чадобец, Усть-Кова, дер. Дворец Кежемского района на Ангаре; работы В.П. Леонтьева и Н.И. Дроздова). Другой восточный путь (к Енисею) пролегал по р. Кеть, где кулайцы оставили гидронимы с термином *бига* "река": Кальдзубига (ныне Кельма), Ньюбига (ныне Нибега), Чуурбига (ныне Чурбига). Эти гидронимы по структуре аналогичны имени р. Парбига (ныне Парбиг), одной из составляющей р. Парабель (левый приток Оби в пределах Томской области).

В Туве самодийские гидронимы сохранились до наших дней, самодийское население здесь было достаточно многочисленным, обитало длительное время и с ним считались тюрки. Очевидно, это были те "саянские горцы", которых П.С. Паллас считал самодийцами. Е.А. Хелимский (1983, с. 33) допускал лишь приход какой-то их группы с Саян. Очевидно, это были карагасы: справа в Бий-хем (Бол. Енисей) впадает р. Сейба, которая изначально, очевидно, носила карагасское название - Сейбу. Возможно в имени р. Кара-хаш (впадает в Б. Енисей рядом с р. Сейба) отразилось самоназвание карагасов *кара-каш*. Часть пришлых самодийцев была отюречена и вошла в состав тувинцев-тоджинцев. Последние назывались *точи* (по оз. Тоджа) или *точигасы*. В последнем этнониме второй компонент соответствует протокулайскому **касы* (**гасы*). Первый компонент, очевидно, соотносится с самод. *то* "озеро". Если это действительно так, то этноним *точигасы* этимологизируется как "озерные люди". Сам топоним Тоджа является, таким образом, самодийским.

Пытались самодийцы проникнуть в Туву и по долине Енисея. Примерно в 30 км ниже устья Кантегира справа в Енисей впадает р. Сейбе-сук (ныне Березовая), а с другой стороны – р. Келбе-сук (ныне Пашкина). Первая часть гидронимов является самодийской по происхождению, вторая – это тюркское приращение *сук* "вода". Во второй половине I тыс. до н. э. на Нижней Оби появилась керамика, сходная со среднеобской. Известны кулайские древности в Сургутском Приобье (Чемякин Ю.П., 1997). В конце I тыс. до н. э. кулайцы заняли бассейн р. Таз (Чиндина Л.А., 1984). Вблизи устья Иртыша в Согомском сору (р. Согом впадает слева в р. Иртыш) имеется дер. Чага (Чагинские юрты). Однако нам неизвестно, имеется ли там река с таким именем.

В III в. до н. э. кулайцы появились на Тоболе и Иртыше (Мурлинский клад). Здесь они встретили сопротивление саргатов и вынуждены были остановиться. В составе барабинских татар, по мнению А.Г. Селезнева (1993), имеются южносамодийские компоненты. Вряд ли южные самодийцы приходили с Саян в Барабу. Это обстоятельство можно интерпретировать по-иному: источником самодийского населения как для Барабы, так и для гор Южной Сибири была территория Приобья, заселенная кулайцами. Среди барабинских татар имеется этническая группа *чойцы*. Не являются ли эти чойцы давними родственниками обских шуйцев и шуйцев Хакасии?

Но наиболее значительным и исторически значимым был южный путь кулайцев. Этот путь хорошо прослежен по топонимическим и археологическим данным. Исторически известные потомки кулайцев – южносибирские (саянские) самодийцы – это далекие мигранты из Васюганского Приобья в горы Южной Сибири. Был ли уход кулайцев, камасинцев по языку поголовным или же на Родине осталась их часть? Исследования известного этнографа Г.И. Пелих позволяют утвердительно ответить на последний вопрос.

Из всех групп селькупов наибольший интерес для нас представляет *шиешгула*, которые некогда обитали между Обью и Васюганом. К приходу русских они сохранились в районе юрт Сондоровых. Ныне небольшие группы потомков шиешгула живут в сс. Инкино и Иванкино. Если связывать *шиешгула* с шуйцами в составе хакасов-кызыльцев, с именами рек Шуш(ь) в Саянах и на Кузнецком Алатау, то можно признать и сам этноним **шуш/шöш* очень древним, уходящим в эпоху раннего железа.

Южные миграции кулайцев

Основная масса кулайцев в последние века до новой эры несколькими путями и в разное время мигрировала в южном направлении. Шли они по лесам, которые полосами по рекам или сплошными массивами соединяли тайгу Западно-Сибирской равнины с горными лесами Южной Сибири.

На юг кулайцы шли тремя маршрутами. Исходной территорией являлось Нарымское Приобье примерно от устья Кэти (рис. 12).

Обской маршрут. По лесам долины Оби кулайцы достигли Новосибирского Приобья (Троицкая Т.Н., 1979). В первые века



Рис. 12. Миграционные пути кулайцев и арсалы их топоформантов

Названия самодийских групп (селькупы и др.) подписаны в местах их современного проживания.

кукульские Озера, поселения по Оби, Чумышу, Лосихе, Калманке, Бие (Казаков А.А., 1983). В бассейне Верхней Оби потомки мигрантов жили долго. Здесь они создали общность, несколько отличающуюся от материнской культуры, что позволило выделить в Верхнем Приобье завершающий этап последней – фоминский (первые века новой эры). Несомненно, самодийцы пребывали в верхнем бассейне р. Оби и вне фоминского этапа. По крайней мере в позднем средневековье они составляли заметную часть населения затаеженных территорий. Об этом свидетельствуют свежие южносамодийские топонимы, которые хорошо диагностируются по характерным топоформантам *чага* "река" и *би* "вода": рр. Чага в бассейне Телецкого озера и Акшычага в системе р.

до новой эры они уже были в Бийско-Барнаульском Приобье: новобинцевский клад, оставленный кулайцами в Шелаболихинском районе Алтайского края, датирован IV-III вв. до н. э. (Бородаев В.Б., 1987, ошибочно указал Павловский район). Поселения и городища кулайцев известны в приустьевой части Алея, левого притока Оби, и у Бийска. Вещи кулайского типа найдены на берегу Телецкого озера у пос. Иогач (устное сообщение В.Б. Бородаева). В I-III вв. н. э. лесные пространства Бийско-Барнаульского Приобья были полностью освоены кулайцами. Последние оставили здесь такие памятники, как Ближние Елбаны, Малый Гоньбинский Кордон-2, Ит-

Лебедь, Би (ныне Бия), Нюжба (ныне Ушпа). Судя по топонимам, самодийцы проникали и в Алтайские горы: рр. Морчага (левый приток Черного Ануя; ныне название утеряно), Себи (ныне Сема), Чага (правый приток Чарыша, в 30 км ниже с. Усть-Кан). Река Кёнга (левый приток р. Урсул; ныне Теньга) является "тезкой" р. Кёнга (ранее Тёнга), правой составляющей р. Парбиг (Томская область). Левый приток Бии – Тебезя – на карте Шелегина (1745 г.) названа Несебея, а на карте середины прошлого века – Тезиба.

От Телецкого озера часть кулайцев мигрировали в Горную Шорию. Археологически Горная Шория изучена слабо. Можно отметить только Усть-Абинский могильник фоминского этапа кулайской культуры, датированный Ю. Шириным III-IV вв. н. э. (до половины V в.). Самый южный памятник с кулайской керамикой – Печергол-2 (Бобров В.В., 1995). Многочисленны и достаточно убедительны топонимические материалы, образованные от исторически известных южносамодийских этнонимов. На картах прошлого века одна из вершин горного массива Патын названа Койбал. Восточнее, в бассейне р. Абакан, имеются топонимы, образованные от этнонимов матор и койбал. Это р. Матур, сёла Матор, Матур, Кайбал, Койбалы, Койбальская степь. В Койбальской степи имеется три реки с именем Бей, в которых можно усмотреть южносамодийский географический термин со значением "вода". К числу такого рода гидронимов можно отнести и русифицированные имена рр. Бея (приток р. Ниня), Бейка (притоки рр. База и Тёя). В верховьях р. Абакан имеется р. Теба (система р. Джебаш), как и в верховьях р. Томи.

Появление в Минусинской котловине низколицых монголоидов отмечается в таштыкское время (Алексеев В.П., 1973) – I-III или I-V вв. н. э. В кургане VII-IX вв. н. э. в с. Койбалы (!) у г. Абакан найдены парные изображения крылатого человека, отлитые из серебра и позолоченные (Скобелев С.Г., Митько О.А., 1988). Они близки по стилистике кулайским крылатым "человечкам" из Среднего Приобья (Чиндина Л.А., 1984). По устному сообщению В.Я.Бутанаева, старики хакасы по Абакану утверждали, что их деды знали еще какой-то язык. Среди хакасов койбалы считаются самыми древними жителями долины Енисея. Хакасы, проживающие по рр. Монок и Арбаты, называют речь степных хакасов долин Енисея и Абакана модарским языком: "Говорить "по-модарски", значит говорить чистой, красивой хакасской речью" (Бутанаев В.Я., 1983, с. 14). Любопытно, что хакасы носителей модарского языка называли койбалами.

За Енисеем жили каменные (горные) маторы (любопытно, что их князек носил имя Койбал; Потапов Л.П., 1957), камасинцы, тайгинцы. На р. Салба (самодийский гидроним!), правом притоке р. Туба, имеется д. Койбалки. На р. Кундулук (Каратузский район Красноярского края) в 1832 г. было создано с. Моторское маторами, которые жили у Шедатского форпоста; сам форпост в связи с развитием золотодобычи стал крупным селом и был переименован в с. Каратуз. Основными местами расселения самодийцев стали северные предгорья Восточного Саяна (верховья рр. Кан и Мана).

Томский маршрут. По долине Томи самодийцы прошли недалеко. Где-то у с. Лачиново их поток иссяк. Очевидно, самодийцы здесь не могли преодолеть сопротивление аборигенов, какими были предки кетов. Здесь (между рр. Тайдон и Верхняя Терсь) широко представлены топонимы на *зас, зес*: Изас, Кымзас, Пезас, Саензас, Баензас, Арзес, Камзас, Имзас (по карте, изданной примерно 150 лет назад). На северной окраине ареала этих кетских топонимов справа в Томь впадает небольшая речка Остякова, берущая начало на склоне Салтымакова хребта (название речки не сохранилось). Имя свое речка, несомненно, получила от этнонима. В давние времена русское население Сибири остяками называло хантов, селькупов и кетов. Соседство с ареалом кетских топонимов наводит на мысль об остяке-кете, некогда проживавшем на этой речке. Но немного выше р. Остяковой в Томь справа же впадает р. Пегас (название сохранилось), имя которой можно вывести из угорского Пег-ас, где оба компонента могут быть географическими терминами: первый *neynöy* "родник, источник", второй *ас* "вода". Не исключается и самодийский вариант. Примерно в 5 км ниже устья Остяковой на Томи стоит с. Мунгатское, против которого слева в Томь впадает р. Мунгатка. В среде аборигенов по Енисею было известно два мунгатских улуса: один в среде тюрков-качинцев (назван по князьку Мунгату), второй – среди самодийцев-кашинцев. Название второго образовано от *могати* (совр. *мугади*) "лесной" (Потапов Л.П., 1957, с. 125). Кто из "остяков" – кеты, ханты или селькупы – дали название речке, притоку Томи, остается загадкой.

Иные свидетельства глубокого проникновения самодийцев (кулайцев) в Кузнецкую котловину пока не найдены. Известный Усть-Абинский могильник у Новокузнецка как будто органичнее вписывается в обской поток самодийцев, который из района Телецкого озера через Шорию перекинулся в Хакасию.

Чулымский маршрут. Долина этой реки увела кулайцев на Енисей выше Красноярска. Путь удобный, долина постепенно вывела самодийцев из таежной зоны в леса Кузнецкого Алатау и в Красноярскую лесостепь. По этому маршруту оставлены лишь какие-то трудно уловимые фактологические тонкости, на первый взгляд малозначительные факты, в том числе и топонимического характера, которые позволяют говорить о некоторой изначальной обособленности мигрантов от соплеменников, ушедших по Обскому маршруту.

На этот маршрут нанизываются гидронимы типа Шуш(ь) или Сушь, которые имеют основу, общую с этнонимом *шёш(гула)*. Шёшгула в Томской области - это, очевидно, потомки кулайского (не селькупского!) населения, не покинувшие свою Родину. Позднее, после прихода русских, *шёшгула* были поглощены селькупками, пришедшими из правобережья Оби.

Следы ушедших шёшгула сохранились в названиях рек. Это две реки Шушь, впадающие в Белое озеро (Шарыповский район Красноярского края). В этих краях до сих пор живут далекие потомки шуйцев, вошедших в состав хакасов-кызыльцев. В р. Туба справа впадает р. Шушь в окружении самодийских топонимов. Енисей также справа принимает р. Шушь, на которой стоит известное с. Шушенское, в Туве имеется р. Сушь.

В правобережье Енисея, по рр. Сыда и Кома, некогда проживали кашинцы конные (кашинцы немирные - на карте С. Ремезова, 1701 г.). Возможно, в этом этнониме заложено общесамодийское самоназвание *кас* "человек" в шекающем варианте (*каш*). Можно предполагать, что шеканье было принесено самими кулайцами, среди которых были группы с таким показателем речи. Это подтверждает этноним *шиешкум*. Близкое фонетически имя носил маторский князец Шижлек (Миллер Г.Ф., 1941, с. 355), возможно Шишлек. Можно также допустить, что часть этих шекающих самодийцев была отюречены и вошли в состав качинцев, тюрков по языку. Так, М.И. Боргояков (1981, с. 44) приводит некоторые качинские примеры с заменой *с* на *ш*: *тас* - *таш* "камень", *шаш* - *сас* "волосы", *агас* - *агаш* "дерево". Понятие *кас* > *каш* > *хаш* "человек" заложено и в самоназвании карагасов *сарых-каш* (*сарых-хаш*) "желтые каши".

В связи с этим можно предложить новую версию происхождения этнонимов карагасов *сарых-каш* и качинских татар *езер* (*изер*). Выше уже упоминались конные кашинцы, часть которых были самодийцами, часть - отюречена и вошла в состав кангатов,

именовавших себя *хаиш* (мн. ч. *хаиштар*). По ономастическому закону бинарной оппозиции конным качинцам должны противостоять какие-то неконные кашинцы, например пешие. В середине прошлого века карагасов Восточного Саяна, уже тюркоязычных, посетил Ю.П. Штубендорф (1854), который в своем отчете привел небольшой словарь, записанный у карагасов Шельбигорского (Сильпугорского) улуса. В этом словаре среди преимущественно тюркских слов присутствуют и самодийские. Некоторые позволяют по-новому этимологизировать известные тюркские и самодийские этнонимы. *Сарых-хаиш* обычно раскрывается как гибридный этноним "желтые каши(нцы)", хотя неизвестно, почему именно желтые. В словаре Ю.П. Штубендорфа приведено слово *сари* "подошва" (алт., кирг. *таман*, тув. *тивангай*). Не это ли слово лежит в основе определяющей части этнонима *сарых-хаиш* с изначальной семантикой "пешие кашинцы" и переосмысленное тюрками как "желтые"? В таком случае "пешие кашинцы" могли бы быть оппозицией "конным (верховым) кашинцам". В этом же словаре есть тофаларское слово *езер* "седло" (алт., кирг. *ээр*, тув. *эзер*, хак. *изер*), от которого образовано и название езерцев (изерцев) – части тюркоязычных качинцев (Потапов Л.П., 1957), а от них и имя р. Изыр-су (совр. Кача). Не было ли гибридного (тюркско-самодийского) этнонима *езер-хаиш* (*езер-каш*) "конные (верховые) кашинцы", часть которых были оторчены (езерцы), часть же сохранили в русской полукальке свое название "конные кашинцы"?

Нет полной уверенности в том, что южные миграционные пути кулайцев были именно в том объеме, который предложен нами. Не исключено, что обской маршрут (Томское Приобье – Новосибирское Приобье – Прителецкий район – Шория – бассейн Абакана – Западный Саян – Восточный Саян – Тува) был в реальности. Возможно, он был прерван в Прителецком районе. В этом случае Шория самодийцами заселялась по долине Томи, а бассейн Абакана очень поздно – выходцами из Саяна. Так, в составе хакасских качинцев известен род Хангмазы, который является потомком камасинцев, пришедших из-за Енисея (Бутанаев В.Я., 1983). Да и койбалы обитали как в лево-, так и в правобережье Енисея и по их ареалу трудно решить вопрос о первоначальном расселении. Сравнительно недавним был приход группы камасинцев из-за Енисея (с р. Нарбу), которые в среде кызыльцев сформировали род Нарбазан. Присутствие в Шории топонимов, образованных от этнонима *койбал*, позволяет "увязать" этот рай-

он воедино с бассейном Абакана, заенисейским краем, где также имеются такого рода топонимы. А от Шории до Прителецкого района – рукой подать. Нам представляется более обоснованным вариант долгого пути из Томского Приобья через Алтай и Шорию на Абакан и далее за Енисей.

Кулайские топонимы

Кулайцы оставили большое количество гидронимов, в меньшей мере – ойконимов, свидетельствующих о былом их расселении и довольно неоднородным языковым составе. Эти топонимы известны не только на путях южных маршрутов расселения, но и в других районах, включая Заполярье. По своей структуре они просты: на первом месте стоит определяющая часть, на втором – географический термин со значением "вода" или "река".

Различные группы кулайцев, ушедших на юг, в Алтае-Саяны, имели несколько различающиеся фонетически термины. Из записей давних лет установлены следующие апеллятивы со значением "вода": тайг., камас., матор. *бу*, койб. *бы*. Карагасский термин "вода" не был записан. Но в статье Е.А. Хелимского (1993) отмечено карагасское (по материалам П.С. Палласа) сложное существительное *süreibu* "лужа", из которого хорошо вычленяется первая часть *sjuru* "дождь", а вторую часть (*bu*) можно считать термином "вода". В итоге сложное слово со значением "лужа" буквально переводится как "дождевая вода". Следовательно, карагасский термин *бу* "вода" фонетически аналогичен тайгинскому, камасинскому и маторскому. В ареале кулайских топонимов встречаются другие формы самодийского "вода", сохранившиеся только в гидронимах: *би* – р. Бия (в XVII в. – Би), *бей* – рр. Харбей, Ирбей и др. (см. ниже).

Термин "река" довольно однотипен. В камасинском это *чага*. В Алтае-Саянах гидронимов с таким формантом немало. Около Телецкого озера известны рр. Чага и Ашкычага, у Красноярска – р. Камарчага и др. А. Кюннал (1993) приводит иной фонетический вариант термина *джага* (приблизительное чтение – *джага* с фрикативным произношением фонемы *ɣ*). Этот вариант апеллятива использован в образовании гидронимов в верховьях р. Кан (приток Енисей): Крыдже-Хабак-Джага, в верховьях р. Мана: Бахтыжага (Бохтынжега).

В XVIII в. был зафиксирован (Сравн. сл..., 1790) у маторов термин *быджега* "река", в котором удивительно уживаются са-

модийский (койбальский) термин *бы* "вода" и камасинский *джега* "река".

Термин *биджега*, возможно, сохранился в гидрониме Биджа – имени левого притока Енисея (Минусинская котловина). Правда, В. Шварц (1864, с. 163) связывал происхождение этого топонима (в его написании – Бижа или Бажа) с рисунками на стороне горы Алакты ("пестрый камень" - сомнительный перевод. – А.М.), расположенной немного ниже устья Биджи и обращенной к Енисею (тув. *бижик*, алт. *бичик*, хак. *пичик* "письмена"). На этой горе имеются древние рисунки зверей, среди которых, по сообщению В. Шварца, изображен слон с башней. В.Я. Бутанаев (1995) считает топоним Биджа самодийским. Возможно, *биджа* - это фонетический вариант самодийского *бига* "река", сохранившегося в гидрониме Парбига (ныне Парбиг) на кулайской Родине (левобережье Оби в Томской области). Этот же термин содержится и в нганасанском гидрониме на Таймыре Хутудабига (река впадает в залив Минина). На былой самодийской территории р. Бия принимает приток р. Бижа (ныне Пыжа). Возможно, в адаптированных тюрками названиях имеет место переход *г* в *ж* и *дж*. Фонетически близкие гидронимы известны и на несамодийской территории: р. Бижа (Бижэ) – приток р. Каратал, впадающей в оз. Балхаш, р. Биджи (Биджа) – в Монголии к югу от оз. Хараусу. Ради справедливости следует отметить, что и *бичик/пичик* "письмена" продуктивно в топонимастике: на Алтае есть несколько тюркских топонимов такого типа – Бичиктү-Боом "с письменами скалистый обрыв", Бичиктү-Кайа "с письменами скала".

В Саянах и их северных предгорьях компактный ареал создан гидронимами с формантом *бей*. Топонимистами такого рода названия не рассматривались, а формант *бей* вообще не включался в разряд географических терминов. Однако это звуко сочетание регулярно и закономерно участвует в образовании имен многих рек. Оно и фонетически близко к самодийским: тавг. *бе*, энец. *би*, тайг., камас., матор., карагас. *бу*, койб. *бы*. К тому же совпадение ареала на *бей* с ареалом камасинских гидронимов на *чага* позволяет высказать предположение о самодийском происхождении топонимов с формантом *бей* и активном использовании его южными самодийцами в создании имен рек.

Южный ареал включает реки бассейна Енисея: Абакан, Сыда (в прошлом называлась Си), Сисим, Мана, Кан, Оя, Мал. Енисей, Ангара, также бассейна Оби: рр. Яя, Неня, Парбиг.

В бассейне Енисея это рр. Арзубей и Зарзубей, Бол. и Мал. Джиржибей (притоки Маны), Ирбей (приток Кана), Убей с притоком Колдыбай или Колдыбей? (приток Енисея), Шахабейка (русифицированная форма; приток Сисима), Кодыбей (приток Сыды), Бей (ныне Бея), две реки Бейка, Черобей (притоки Абакана), Танзыбей (система Ои), Бельбей, Аныяк-Джибей и Улуг-Джибей (притоки Мал. Енисея), Алтубей, Дорбей, Харбей, Имбей, Голумбей, Катарбей (притоки разного порядка Ангары в ее верхнем течении). В русифицированной форме известны гидронимы Солбея (приток Маны) и Кобдобея (приток Илима).

В бассейне Оби таких гидронимов меньше, но особо следует отметить их на Родине кулайцев – это Джабейка (приток р. Парбиг; русифицированная форма), а также Урбей (приток р. Яя), Кубея (русифицированная форма; приток Нени, притока Бии), Несебея (русифицированная форма; ныне Тебезя - приток Бии). О русской адаптации термина *бей* (трансформации его в *бея*, чтобы придать форму женского рода) свидетельствует пример трех р. Бея, правых притоков Абакан у с. Бейского, которые в прошлом веке назывались Бей: П.П. Семенов (1863, с. 229) писал, что с. Бейское "стоит при трех речках Бей". И другие авторы прошлого века нередко двойко называли самодийские имена рек Присяянья: Солбей, Солбея (Тр. Сиб. эксп. Имп. Русск. геогр. обва. Математический отдел. СПб., 1864). У с. Ораки (верховье р. Серж, левого притока р. Чулым), по сообщению местного краеведа Е.В. Буркиной, имеется высохшее русло реки, которая именовалась Сólбия.

Многочисленны имена рек с формантом *бей* на севере Западной Сибири. Это рр. Хабей (впадает с востока в Енисейский залив), Юрибей (одна река впадает в Гыданскую губу, вторая – в Байдарацкую), Мангюрибей (впадает в Тазовскую губу), Мал. и Бол. Сандибей (система р. Полуи), Харбей (левый приток Оби), Тамбей (полуостров Ямал), Сандибей-ю (Большеземельская тундра в Северном Предуралье; имя реки имеет коми приращение *ю* "река").

Обращают на себя внимание следующие особенности топонимов:

все они принадлежат рекам,

все они приурочены к местам исторического проживания самодийцев,

определяющая часть нередко может быть раскрыта из самодийских языков, в первую очередь – из северных.

В низовьях Оби имеется три реки с одинаковой определяющей частью названия: *сандя* "глубокая", но разными апеллятивами - Санди-яха (правый приток Надыма), Сандиба (впадает в Обскую губу ниже Надыма), Сандибей (две реки в системе р. Полуй) Одна река - Сандибей-ю - известна в Большеземельской тундре. Форманты *яха* и *ба* хорошо раскрываются из самодийских (нен. *яха* "река" и *ба* - руссифицированная форма "кулайских" *бы, бу, би* "вода"). Нам представляется, что три варианта оформления гидронимов (*яха, ба, бей*) не являются конкурирующими. Вероятно, они сформированы различными группами самодийцев. Все эти термины имеют аналоги среди южносамодийских (кулайских): *чага, бу/бы, бей*. Связующим звеном между северным и южным ареалом гидронимов на *бей* является Ибейка – русифицированное имя реки, впадающей слева в Иртыш ниже устья р. Тара (упоминалась Г.Ф. Миллером, 1941, с. 584). Объединяют северный и южный ареалы "тезки" – две реки с одинаковым именем Харбей, одна из которых впадает слева в приустьевую часть Оби, а другая является левым притоком р. Када, впадающей в Братское водохранилище на Ангаре.

Некоторые гидронимы на *бей* северного ареала хорошо раскрываются из ненецкого языка: Юрибей "жирная" (богатая рыбой), Сандибей "глубокая", Ямбей "длинная", Тальбей-яха "скалистая". Приращение в последнем гидрониме типично ненецкого апеллятива *яха* "река" свидетельствует о том, что топонимы северного ареала на *бей* не являются ненецкими. Для ненцев апеллятив *бей* "вода" представляется чуждым. Поэтому гидронимы на *бей* ненцы наращивали своим апеллятивом *яха* "река": Хабей-яха – река на Ямале, Сальбей-яха и Тальбей-яха, Хай-Ямбей-яха, Химбей-яха. В Байдарацкую губу впадает р. Тамб-яха, а на полуострове Ямал имеется р. Тамбей.

Отмеченное Е.А. Хелимским (1976) в старовосточном ненецком языке *би* "вода" является заимствованием из энецкого. Можно было бы считать гидронимы на *бей*, но без *яха* усеченными (эллиптированными). Однако в ненецком *бей* – это суффикс причастия, и создать причастную форму от существительного (лиственница, жир и др.) или прилагательного (глубокая и др.) невозможно. Тем не менее мы не можем объяснить, какой именно группе самодийцев (не ненецкой) принадлежат гидронимы с апеллятивом *бей*. Недавняя (этнографическое время) история ненцев изучена хорошо, и трудно представить, что среди них не была замечена группа самодийцев иного происхождения. Любо-

пытно отметить, но трудно объяснить, почему у тувинцев появилось слово *хады* (тоф. *hadы*, чул. тюрки *хайы*) "сосна" при алт. *карагай*, хак. *харагай* "сосна" и як., кирг. *харагай* "ель". Дело в том, что в ненецком языке словом *хады* обозначается "ель". В маторском и койбальском эти хвойные деревья называются по-иному:

	сосна	ель
матор.	<i>тчя</i>	<i>нарге</i>
койб.	<i>джё</i>	<i>сы</i>

Напрашивается вопрос: не связаны ли эти названия хвойных пород (ель у ненцев и сосна у тувинцев) с создателями гидронимов на *бей* в верхнеенисейском ареале?

Этимология гидронимов южного ареала никем еще не раскрывалась. Определяющая часть многих гидронимов искажена русским и тюркским употреблением. В качестве опыта можно предложить следующие переводы (семантику), исходя из словарных материалов маторов и койбал: Кубея "березовая", Катурбей "сухая", Кобдобея "девичья".

В названии р. Танзыбей (Тонзибей – по Мааку, 1864) можно усмотреть койбальское слово *танза* "ящерица". По словам Б.А. Угдыжекова, название одноименного села на этой реке образовано от имени китайского купца. Историческими документами это пока не подтверждено. В заметке, помещенной в "Неделе" (1978, № 5) сообщается, что бабушка автора переводила название р. Ирбей (приток Кана) как "песнь воды". В первом компоненте топонима действительно скрыто слово со значением "песня" в некоторых тюркских и нетюркских языках: тув., кирг., хак. *ыр* (в хак., телеут., куманд. бытует также иранский реликт *сарын*), караим. *ир*, ног. *йир*, койб. (тюркский) *ир*, кет. *ир*, манс. *егі*. Второй компонент (*бей*) реконструируется только как самодийское "вода". Самодийское имя реки "песня воды" на первый взгляд необычно для топонимки. Однако и в мансийской топонимике имеется подобный прецедент: в бассейне Пельмы (Зауралье) известна р. Ерья - из манс. *эр* "петь" и *я* "река" (Вуоно Г.П., 1969). Предлагаем еще один мансийский гидроним такого рода – р. Ирбит на Урале (правый приток р. Ница, система р.Тура): *ир* "песня", *бит(вит)* "вода". Любопытно, что эта река и город на ней носили когда-то имена Ирба, Ирбея, **Ирбей** (Миллер, 1941, с. 624). Уместно вспомнить р. Ирбей (приток р. Кан в Саянах).

Маршруты кулайцев, камасинцев по языку, прослеживаются и по их зимовьям. В летнее время южные самодийцы кочевали по

лесам и горам, на зиму, возвращались в постоянные поселки на зимовку. Эти поселения носили название *кубай* "зимовье". Со временем такие поселения увеличивались, становились долговременными. Имя нарицательное *кубай* "зимовье" переходило в имя собственное: Кубай, Кувай, в русифицированной форме Кубайка. До наших дней сохранилось несколько таких поселений (см. рис. 11), другие исчезли сравнительно недавно, но успели попасть в письменные источники.

Село Кубай (Кубаево) в 5 км к юго-востоку от г. Мариинск Кемеровской области. Недалеко протекает р. Колба (изначально – Колбу?). Любопытно, что местные тюрки еще в недавнем прошлом называли р. Обь – Ба (ср. русифицированный вариант самодийского *бу, бы* в топониме Колба). Правобережный приток Енисея, р. Дербина, принимает р. Кувай (изначально – Кубай?) и р. Колба (изначально Колбу?). И, наконец, в Западном Саяне р. Она (на давних картах – Ана) принимает р. Кубайка, на котором стоит одноименное село.

Родственники кулайцев

Исходные корни самодийцев и их родственные отношения показаны на рис. 13.

Энцы. Еще Б.О. Долгих был уверен в единстве изначальной территории шиешгула (по нашей версии - кулайцы) и энцев – бассейн Васюгана. У шиешгула и энцев был род *чор*. Исходя из этого можно предполагать, что этноним *чор* был унесен на север Западной Сибири энцами, а на юг, в Шорию - кулайцами-камасинцами (есть и другие мнения о происхождении шорцев). Именно исходом из одной и той же среды и территории самодийских предков шорцев можно объяснить сходство географических терминов и топонимов южных (саянских) самодийцев и энцев: *би* "вода" (ср. р. Би, ныне Бия), *чага, т'аха* "река".

Нганасаны. Нганасаны с кулайцами имеют, очевидно, опосредствованную, через энцев, связь. Энцы, близкие к "типичным" кулайцам-камасинцам, мигрировали в северные районы Западной Сибири, где и оставили топонимы на *тяха* в правобережье Оби (система р. Аган). Какая-то группа их в XI в. мигрировала в правобережье Енисея, на Таймыр, где длительное время смешивалась с аборигенами – тунгусами и отунгусенными юкагирами.

Вполне определенно можно говорить об участии в этногенезе нганасан самодийцев-кураков. В.И. Васильев (1983) считает возможным идентифицировать тайгинцев Саян и тавгийцев Таймыра. Учитывая многолюдность тавгов (в XVII в. они составляли половину нганасанского населения), именно тайги/тавги обеспечили победу самодийского языка на Таймыре.

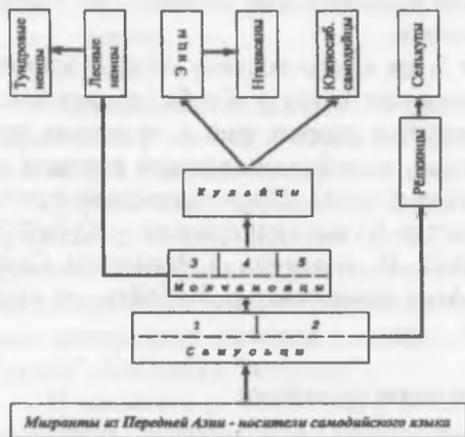


Рис. 13. Генеалогическое древо самодийцев:

Субстрат самодийцев:
 1 – урало-западно-сибирский, 2 – восточно-сибирский;
 компоненты молчановской культуры: 3 – угорский, 4 – самодийский, 5 – кетский

Н.М. Терещенко (1971, с. 297) отмечала, что в отдельных случаях языковые связи прослеживаются только между камасинским и нганасанским языками. Имеются сквозные антропонимы, которые воедино увязывают кулайцев, энцев и нганасан. Б.О. Долгих (1951) упоминает под 1637 г. в составе тавгов (восточные нганасаны) князя по имени Пуда, который возглавлял род из 23 человек (Васильев В.И., 1980, с. 5). В другой работе Б.О. Долгих (1970, с. 138) упоминает под 1640 г. среди тундровых энцев род Пудуев. и, наконец, в Томской области на р. Чузик (левобережье Оби) был населенный пункт Пудино, возникший на месте юрт князца по имени Пудя. Эта цепочка имен (с юга на север) – Пудя – Пудуев – Пуда указывает на родственные связи кулайцев – энцев и нганасан. Не могу утверждать, есть ли генетическая связь между саянскими ма́торами, хантайским энцем по имени Мотора (1768 г.; Долгих Б.О., 1970, с. 163) и ма́ду – самоназванием тундровых энцев.

Географическая номенклатура нганасан довольно неоднотипна, причем в ряде случаев трудно или несколько необычно раскрывает свою языковую принадлежность. Несколько неожиданна непродуктивность кулайского термина *чага* "река" в топо-

номастике нганасан. На Таймыре известно только озеро Почагатурку, в определяющей части имени которого имеется этот термин (озеро названо по реке?).

Географический термин нганасан *бига(й)* является энецким наследием, принесенным из среды кулайцев Томского Приобья. Рек на Таймыре с таким апеллятивом немало: Бигай, левый приток р. Логата; Бигай, другое название р. Верх. Таймыра; Коруелах-бигай, приток р. Тарей; Хосэ-бигай; Бинтили-бигай; Баруси-бигай и др.

Самодийским же является и термин *турку* "озеро": Почагатурку, Сырута-турку, Хутада-турку, Эдди-турку.

Сложно решается вопрос о происхождении термина *тари* "река", который часто используется нганасанами в номинации рек: Арки-тари, Асейна-тари, Ая-тари, Баруси-тари, Хемеде-тари, Дептумала-тари и др. Л.В. Хомич (1976, с. 52, примеч. 164) в словах *тари* и *турку* видела несомненную связь с финскими языками. А.П. Дульзон (1964) допускал иранское происхождение термина *тари*. Действительно, во многих индоиранских языках понятия "река", "влага" имеют близкое звучание: пушту *тари* "вода", перс. *дарья* "море", тадж. *дарья* "река", санскр. *dhaṅga* "вода" и др. Нами это предположение о заимствовании южными самодийцами термина у иранцев Алтае-Саян показалось сомнительным и мы пытались искать корни его в уральском мире (Розен М.Ф., Малолетко А.М., 1986, с. 160). Сейчас, когда более или менее доказательно наметился миграционный путь самодийцев от Алтае-Саян до Таймыра, точка зрения А.П. Дульзона нам представляется не столь уж невероятной. Если исходить из возможного родства тайгинцев и тавгийцев (Васильев В.И., 1983), то возможна и миграция иранского топонима: иранская речь в Алтае-Саянах звучала до середины I тыс. н.э. В других самодийских языках (ненецкий, селькупский, энецкий) термин не встречается, что также свидетельствует о его инородности.

Необходимо отметить совпадение (случайное?) терминов: вахан. *tyrt*, нган. *tyra* "переправа".

В бассейне Пясины имеется речка с "чистым" коми названием Иньва "божья вода" или "бабья вода". О пребывании пермяков или зырян на Таймыре нет сведений, однако, вкрапления финноязычных (в широком понимании) топонимов известны, и не только между Уралом и Обью (р. Пур – фин. *puho* "ручей").

Участие тюрков (долганы) и русских в этногенезе нганасан нами не рассматривается.

Ненцы. Глубокие корни ненцев в кулайской среде не выявляются. Предки ненцев некогда (эпоха бронзы) были родственны предкам кулайцев, точнее – они имели общих предков. Создается впечатление, что еще в докулайское время предки ненцев отсиживались где-то в лесах Западной Сибири, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством. Лишь после приобретения навыков тундрового оленеводства (когда?) они вышли на историческую арену, широко заселив Заполярье. Здесь они заявили о себе как о многочисленном народе, хорошо приспособленном к обитанию в сложных условиях тундры. Возможно, лесные ненцы (пянахасова) – это потомки тех ненцев, которые не покинули облюбованные убежища в тайге Западной Сибири. Отмечаемый лингвистами архаизм их языка косвенно подтверждает высказанную версию. Б.Н. Городков (1926) сообщал, что язык пянахасово резко отличается от самоедского (юракского – А.М.), пянахасово даже не понимают ненцев других групп.

Основной гидронимический формант, участвующий в номинации рек, – это *яха/яга* (јауа) "река". Термин близок камасинскому и энецкому, не имеет параллелей в селькупском и нганасанском языках.

Термин *тарка* "приток реки" имеет основное значение "отросток, ответвление". Любопытно, что в иранском (пушту) *тарка* "веточка (дерева)". Термин довольно продуктивен в топонимии территорий, заселенных ненцами. В бассейне Пура р. Харучей-яха принимает приток Харучей-яха-тарка, а Хальмер-яха – Хальмер-яха-тарка. Гидронимы с рассматриваемым формантом известны и на территории Васюганья и Барабы. Река Омь справа принимает р. Тарка. В Васюганье две реки Тарке почти смыкаются верховьями, впадая в две соседние реки – Андармо и Гальску (ныне Галка).

Приведем второй пример возможного иранизма. Ненецкий географический термин *лабахэй* "утес, береговая скала", "скалистый берег" состоит из двух разноязычных компонентов: ир. *лап/лаб* "берег" и нен. *хэй/хой* "скала", "кряж". С этим термином создан гидроним Лабахэй-яха "река со скалистыми берегами".

Источники заимствования неизвестны. Возможно, иранизмы родились на кулайской территории в левобережье Оби: здесь в бассейне р. Чижапка известны реки с иранским именами: р. Хылкандар (ныне Грибовка; впадает в р. Чагва), р. Пасмандар (приток р. Арча) – с приблизительной семантикой имен – "нижняя" и "верхняя" река.

Селькупы. Как ни странно, но древняя история селькупов осталась слабо изученной. О ней мы знаем гораздо меньше, нежели о древней истории их соседей кулайцев-камасинцев. Несомненно, кулайцы и доисторические селькупы имели одного языкового предка. Но вскоре по приходу в Сибирь судьбы этих родственников разошлись. И причиной этому явился различный этнический субстрат, на который наложился пласт пришельцев – самодийцев по языку. Для левобережных самодийцев субстратом была урало-западносибирская (угорская) общность, для правобережных – восточносибирская (ительменская?). О собственно селькупской культуре мы можем говорить лишь с эпохи раннего средневековья (VI-IX вв.), когда сформировалась рёлкинская культура, всесторонне изученная Л.А.Чиндиной (1991).

Уход значительной части кулайского населения в первые века до новой эры из родных мест (левобережье Оби) не стимулировал предков селькупов на освоение этих земель. Очевидно, сыграла роль определенная консервативность таежного населения и малая численность его. Миграция селькупского населения в левобережье четко фиксируется соответствующими топонимами. Миграция в северном направлении, на Пур и Таз, произошла в этнографическое время, которое в данном случае выходит за рамки нашего исследования.

Часть селькупов, по-видимому, когда-то мигрировала на юг, по следам кулайцев. Пока вполне определенно можно говорить лишь о пребывании селькупов в Прителецком районе. С северо-востока в Телецкое озеро впадает р. Камга, с юго-востока – р. Кыга. Оба гидронима с формальных позиций являются безусловно селькупскими. А в гидрониме Кыга можно видеть селькупский термин *кыге*, который перешел в имя собственное. Как сообщает Л.П. Потапов (1953), боярский сын Петр Собанский в 1633 г. проник из Кузнецка на Телецкое озеро, обложил ясаком телесского князька Мандрака, которого через 9 лет пленил. Имя Мандрака явно не тюркское, возможно оно является самодийским (ср. матор. *мандыра* "волк"). Фамилия Мандраковы часто встречается среди селькупов Томской области. До недавнего времени на Чулыме, в 10 км от пос. Золотушка, функционировала дер. Мандраки.

Может быть, не столь беспочвенны рассказы селькупов-пайгула об Алтае, населенном сородичами (Пелих Г.И., 1981, с. 46). Но вряд ли следует эту возможную волну селькупов на юг связывать с кулайцами-камасинцами. Разрыв во времени этих

миграционных волн составляет не менее тысячи лет. Гегемония тюрков затрудняла проникновение таежников на юг. Только интенсивно залесенные участки предгорий, мало пригодные для занятий скотоводством, были доступны для пришельцев из тайги. Тайга Прителецкого района и соседней Шории могла приютить селькупские группы, ушедшие из родных мест в поисках лучшей доли. Вряд ли следует искать их следы в верхнеобских сосновых борах. Леса Верхнего Приобья издавна были заселены кетами – потомками ирменцев и большеерченцев, такими же охотниками и рыбаками.

Волны тюркоязычного населения, накатывавшиеся одна за другой на территорию селькупов, оттесняли последних в северные районы. Селькупы, в свою очередь, смещались на север, отвоевывая у ненцев и энцев лесные угодья. Но это уже поздняя история самодийских народов, это тема этнографов.

Диалектная структура языка кулайцев

Язык кулайцев не изучен. Его потомок – камасинский язык – изучен на ином хронологическом уровне. Между кулайцами и камасинцами лежит 2-2,5 тыс. лет. Кулайская лексика сохранилась в географических названиях левобережья Оби в форме географических апеллятивов и определяющих их частей. Успешный опыт (А.П. Дульзон, Э.Г. Беккер) раскрыть семантику левобережных гидронимов по материалам недавнего камасинского языка позволяет высказать предположение, что "кулайский" язык и язык камасинцев, несмотря на значительный хронологический разрыв, все же относительно узнаваемы.

Географические термины, сохранившиеся до наших дней в Томском Приобье, достаточно многообразны и используются современными группами избирательно. Причем селькупская терминология стоит обособленно, как бы показывая свою непричастность к общесамодийской географической лексике.

Общесамодийским термином "река" является форма, из которой вышли камас. *чага*, энц. *тяха*, нен. *яуа*. Нганасаны по какой-то причине пренебрегли этим термином. Единственным примером, к тому же сомнительным, может служить имя озера Почага-турку.

Охотно используется нганасанами термин *бига(а)*. Термин явно кулайский. Об этом свидетельствует формант *би* "вода" (в языках ненецком и селькупском представлен другой лексемой) и

присутствием в Томском Приобье гидронимов с указанным апеллятивом: Парбига (ныне Парбиг), Кальдзубига и др. Термин тяготеет к восточной окраине кулайского ареала.

Термин "вода" в "кулайских" языках при всем своем фонетическом разнообразии (матор., камас., карагас. *бу*, койб. *бы*, в гидрониме Бия *би*, камас. *bü*, *biu*) имеет одну основу. Если допустить, что в Передней Азии термин "вода" в прасамодийском звучал как *бийа* (ныне известен в диалекте гиланского языка; см.: Юсуфов Ю.Б. 1986), то наиболее близки к нему энецкий и камасинский варианты. К сожалению, на исконно кулайской территории (между Обью и Васюганом) гидронимы на *би*, *бу*, *бе(й)* не обнаружены, поэтому термин для выявления диалектных различий в языке кулайцев не может быть использован.

Южносибирско-самодийский (саяно-самодийский) термин "вода" фонетически достаточно неоднороден. Если допустить, что эта неоднородность сформировалась не в Алтае-Саянах, а на родине кулайцев, то язык последних был уже дифференцирован на диалекты. Конечно, для серьезного лингвиста имеющегося сравнительного материала явно недостаточно, чтобы сделать такого рода вывод. Однако если необходимо дать альтернативный ответ "да – нет", то фактический материал свидетельствует в пользу "да". И, конечно, специальные исследования Е.А. Хелимского (1978) показывают, что на Алтае-Саянах было два языка или диалекта – камасинско-койбальский и маторо-тайгинско-карагасский.

Необходимо отметить, что в составе кулайцев была шекающая группа, для которой характерна замена *с* на *ш*, на что указывают ономастические материалы. Первым примером может быть этноним *шиешгула*, самоназвание карагасов *сарых-хаиш*, гидронимы Ерегошага, Чегошага.

Вместо заключения (заветы В.И. Васильева)

Известный этнограф-"самоедовед" Владимир Иванович Васильев (1935-1993) долгое время придерживался гипотезы саянского происхождения самодийцев. Однако позднее, вероятно под влиянием работ Л.А.Чиндиной, он изменил эту точку зрения. В проблеме этногенеза самодийцев он стал считать историю кулайской культуры ключевой в разрешении всей проблемы самодийского этногенеза. Программно он отразил это в небольшой ста-

тье, посвященной кулайскому единству (Васильев В.И., 1993) В ней он наметил следующие три проблемы современного этногенетического самоедоведения:

1. Определение эндоисторических составляющих кулайской общности,
2. Выявление кулайских суперстратных компонентов в составе современных и исторических самодийских этносов,
3. Установление компонентов субстратного и иноэтнического происхождения в составе этих этносов.

Нам импонирует такая постановка проблемных вопросов. Наши изыскания в области этногении самодийцев, изложенные выше, позволяют наметить основные вехи в истории самодийцев с древних времен и найти ответ на эти проблемные вопросы, поставленные В.И.Васильевым.

Самодийцы по языку пришли в эпоху (ранней?) бронзы на юг Западной Сибири. Выжить и сохранить свою языковую систему сумели только группы, поселившиеся по Оби. В иных районах (Омская область, Хакасия?) они были ассимилированы аборигенами, численно превосходящими и обладающими либо более развитым хозяйственным укладом, либо лучше приспособленные к природным условиям (последнее предположение более предпочтительно).

Долина Оби была рубежом двух древних общностей – урало-западносибирской и восточносибирской. Для мигрантов эта ситуация была оптимальной: территория была слабо заселена, и особого сопротивления при вселении пришельцы не испытали. Пришельцы вошли в контакт с аборигенами, в результате чего была создана самусьская культура, которая сохранила черты автохтонных культур и не пренебрегла элементами пришлой, южной, культуры. В правобережье Оби для самодийскоязычных групп субстратом явилась восточносибирская общность, которая оказала существенное влияние на пришельцев, в том числе и на их язык. Длительное время эта группа жила в самоизоляции, сохраняя свой язык и приспосабливая быт к условиям Сибири. Так сформировалась группа, из которой позднее выкристаллизовались селькупы во всем многообразии своих диалектов.

Субстратом для другой части пришлых самодийцев была урало-западносибирская общность финно-угорского типа. В итоге сформировалась самодийская группа, которая прожила более сложную (или лучше изученную?) историю.

В переходное время, от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа, в долину Оби проникли новые группы: степняки-скотоводы, потомки носителей андроновской культуры (по нашим представлениям – кеты), а вскоре после них и выходцы из северной тайги, носители культуры крестовой керамики (по нашим представлениям – угры). Так была создана молчановская культура. Среди пришельцев численно преобладали степняки, что и выразилось в большем их влиянии на самодийцев, в том числе и на их физический тип. С созданием молчановской культуры предки селькупов обособились от остальной группы самодийцев. О раннем обособлении предков ненцев и селькупов от основного ядра (кулайцев) и влиянии субстрата на них может свидетельствовать использование иных (не кулайских) терминов "вода": нен. *u'd, ji* (есть сходство с ительменскими терминами), сельк. *üt*.

Между Обью и дугой Васюгана другая часть самодийского компонента молчановцев сформировала кулайскую культуру, на которую оказали косвенное, но заметное влияние другие, иранязычные, степняки.

Какие-то причины способствовали процветанию кулайской культуры. Численность кулайцев была велика, началось расселение (завоевание новых территорий) в разных направлениях. Ухудшение природных условий Западной Сибири в первые века до новой эры вызвало отток самодийского населения из левобережья Оби. Центробежные силы разбросали кулайцев во всех направлениях. Не везде кулайцы могли сохранить свою самостоятельность. Они растворились в среде кетов на Енисее, на западе в среде кетов (саргатцы) и позднее – тюрков. Более успешным был поход на юг – в лесные районы Алтае-Саян, где они сохранили самобытность и язык почти до наших дней.

Кулайцы, ушедшие на северо-восток Западной Сибири, трансформировались в энцев. Северные тундровые районы Западной Сибири были освоены группами самодийцев, давно разошедшимися в своем развитии: ненцами и энцами. Уход части энцев на Таймыр привел к их обособлению. В результате смешения самодийцев с тунгусами и отунгушенными юкагирами сформировались нганасаны.

Ответы на проблемные вопросы, поставленные В.И. Васильевым, можно дать в обратной последовательности, в соответствии с историческим ходом самодийского этногенеза.

Проблема третья. Субстратом для самодийцев изначально служило древнейшее бореальное население тайги, которое сформировалось из первого потока Homo sapiens, перевалившего через Уральские горы. Этот субстрат, но на другом хронологическом срезе, принял участие в формировании лесных ненцев и энцев. Для самодийского компонента нганасан суперстратом явились юкагирские (отунгушенные) и тунгусские племена. Для кулайцев, ушедших на юг, субстратом явились кетские и, возможно, иранские племена. К числу этнических следует отнести контакты самодийцев с еловцами (потомки кетоязычных андроновцев-федоровцев) и, более слабые, с уграми, пришельцами с устья Иртыша, а также с иранцами.

Проблема вторая. Кулайцы в качестве суперстрата приняли участие в формировании энцев, южных самодийцев. Энцы были суперстратом для нганасан. Структура самодийского этноса на разных временных уровнях показана на рис. 12.

Проблема первая. Структура кулайской общности определяется наличием в ней диалектных групп. Будут ли найдены археологические признаки неоднородности материальной культуры кулайцев, покажет будущее.

Итак, решение проблемы этногенеза самодийцев заложено в кулайской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Р.А.* Происхождение имен рек и озер. М.: Наука. 1985. 144 с.
- Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. М.: Наука. 1990. 256 с.
- Акимова М.С.* Антропологический тип населения фатьяновской культуры//Тр. Ин-та этногр. 1947. Т. 1. С. 269-282.
- Акимова М.С.* Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья//Вопр. антропол. 1961. Вып. 7. С. 29-40.
- Аксянова Г.А.* Место ненцев в системе расовых вариантов народов Западной Сибири//Методол. аспекты археол. и этнографич. иссл. в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 173-174.
- Алексеев В.П.* Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии//Мат-лы и иссл. по археол., этногр. и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 5-10.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука. 1969. 384 с.
- Алексеев В.П.* Лесные ненцы (соматологические наблюдения)//Вопр. антропол. 1971. № 39. С. 61-65.

Алексеев В.П. Опыт картографирования системы Gm//Антропология и геогеография. М.: Наука, 1974а. С. 136-160.

Алексеев В.П. Антропологические аспекты исследования генезиса финно-угорских народов//Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974б. С. 5-11.

Алексеев В.П. Человек: эволюция и таксономия. М.: Наука, 1985. 288 с.

Алексеев В.П. Этногенез. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.

Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М.: Мысль, 1977. 304 с.

Андронов М.С. О характере деккано-уральских аналогий//Языковые универсалии и лингвистич. типология. М.: Наука, 1969. С. 308-321.

Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 288 с.

Аравия. Материалы по истории открытия. М.: Наука, 1981. 368 с.

Арджинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 252 с.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А., Таксами Ч.М. Этнокультурные связи коренных народов прибрежий Северо-Восточной Азии//Этническая история народов Азии. М.: Наука, 1972, с. 83-98.

Арутюнян Н.В. Топонимика урарту. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1985. 308 с.

Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой//Пробл. археол. и др. истории угров. М.: Наука, 1972. С. 10-31.

Бадер О.Н. Человек, его культура и природная среда северного края европейской ойкумены//Первобытн. человек, его материальная культура и природн. среда в плейстоцене и голоцене. М, 1974. С. 117-125.

Балакин Ю.В. И.Гекель об идеологии древних угров//Пробл. этнич. истории тюркских народов Сибири и сопред. терр. Омск, 1984. С. 148-157.

Баранцев А. П. К проблеме прибалтийско-финской диахронии//Мат-лы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. М.: Наука, 1990. С. 26-28.

Березин Н.И. Географические имена и их связи с историей открытий. Вып. I. Австралия, Африка, Америка, Азия. СПб., 1894. 146+XI с.

Бобров В.В. К проблеме этногенеза шорцев//Аборигены Сибири: пробл. изуч. исчезающих языков и культур. Т.2. Археология, этнография. Новосибирск. 1995. С. 6-8.

Бонград-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983. 208 с.

Бутанаев В.Я. Некоторые новые данные по родовому делению хакасских кацинцев//Происх. абориг. Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 185-187.

Бутанаев В.Я. Этнический состав кызыльцев в XIX - начале XX вв.//Этнич. история тюркоязычн. народов Сибири и сопред. терр.: Тезисы докл. обл. научн. конф. по этногр. Омск, 1984. С. 105- 107.

Бутанаев В.Я. Туба и маторы//Пробл. этногенеза и этнич. истории самод. народов: Тезисы докл. обл. научн. конф. по этногр. Омск, 1983. С. 13-15.

Быконя В.В. Имя числительное в картине мира селькупов//Томск, 1998. 262 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. 179 с.

Вайнштейн С.И. Этнический состав древнего населения Саян//Бронз. и железный век Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. С. 189-195.

Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов)//Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 68-89.

Васильев В.И. Лесные энцы//Тр. Ин-та этногр. 1963. Т. 84. С. 33-70.

Васильев В.И. К проблеме этногенеза северосамодийских народов //Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 133-175.

Васильев В.И. Проблема происхождения енисейских ненцев//Этногенез и этнич. история народов Севера. М.: Наука. 1975. С. 111-148.

Васильев В.И. Основные проблемы формирования и развития самодийских этносов (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы)//Пробл. этногенеза и этнич. истории самод. народов: Тезисы докл. обл. научн. конф. по этногр. Омск, 1893. С. 3-7.

Васильев В.И. Кулайское единство и проблемы этногенеза северосамодийских народов//Пробл. этнич. истории самод. народов: Сб. докл. научн. конф. Ч.1. Омск, 1993. С. 20-23.

Васильев Е.А. К проблеме среднеазиатских связей в неолитическую эпоху//Пробл. археологии и периодизации археол. памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 31-33.

Вдовин И.С. К проблеме этногенеза ительменов//Мат-лы конф. "Этногенез народов Сев. Азии". Новосибирск, 1969. С. 153-154.

Вдовин И.С. Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей//Этнич. история народов Азии. 1972. С. 99-113.

Вернер Г.К. Коттский язык. Ростов-на-Дону:Изд-во Рост.ун-та,1990. 411 с.

Виноградов А.В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры//Сов. этногр. 1957. №1. С. 29-45.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амурдья. Археолого-палеоантропологическое исследование М.: Наука, 1986. 200 с.

Витов М.В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики//Вопр. этнич. истории народов Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 561-578.

Владимиров Е. К вопросу о происхождении названия реки Енисей//Изв. Всес. геогр. об-ва. 1938. Вып. 2. С. 292-293.

Воробьева И.А. Язык Земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 152 с.

Вуоно Г.П. Особенности мансийской топонимики Припелымья//Происх. абор. Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 102-104.

Гельдыханов М. Географическая реалья в топонимии Туркмении//Топонимика в региональн. иссл. М., 1984. С. 90-92.

Герасимов М.М. Люди каменного века. М.: Наука, 1964. 170 с.+XVI табл.

Герценберг Л. Шаманизм у иранцев и угро-финнов//Финно-угор. народы и Восток. Тезисы докл. Тарту, 1975. С. 20-21.

Гиндин Л.А. Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков В.М. Иллича-Свыгыча и современные вопросы индоевропейской прародины//Uralo-Indogermanica. II. М., 1990. С. 110-118.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.

Глушков И.Г. Иконографические особенности некоторых самусьских изображений человека//Антропоморфн. изображ. Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние, 1987. С. 89-95.

Глушков И.Г. О южных связях поселения Самусь IV//Культура и хоз. традиции народов Зап. Сибири. Новосибирск, 1989. С. 12-31.

Гордеев Ф.И. О поздних сарматских заимствованиях в восточнофинских языках//Вопр. финно-угроведения. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1970. С. 8-14.

Городков Б.Н. Краткий очерк населения крайнего Северо-Востока Западной Сибири//Изв. Гос. геогр. об-ва. 1926. Т. 58. Вып. 2. С. 50-78.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов//Сб. Музея антропол. и этногр. 1980. Вып.36. С. 5-34.

Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы. Результаты антропологических и краниологических исследований//Кетский сб. Антропология, этногр., мифология, лингвистика. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 9-42.

Грачева Г.Н. Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями//Этнич. история народов Азии. М.: Наука, 1972. С. 38-51.

Гумилев Л.Н. Дакоты и хунны (к статье А.Г.Каримуллина "К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Северной Америки с тюркскими")//Вопр. геогр. США. Л., 1976. С. 123-125.

Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 280 с.

Дебец Г.Ф. Селькупы (Антропологический очерк)//Тр. Ин-та этногр. 1947. Т. II. С. 103-145.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР//Тр. Ин-та этногр. 1948. Т. IV. 392 с.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области//Тр. Ин-та этногр. 1951. Т. XVII. 264 с.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Афганистане//Сов. этногр. 1964. № 4. С. 75-93.

Дебец Г.Ф. Трифонова Т.А., Чебоксаров Н.Н. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным//Тр. Ин-та этногр. 1951. Т. XVI. С. 409-460.

Долгопольский А.Б. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М.: Наука, 1973. 398 с.

Долгих Б.О. О родоплеменном составе и распространении энцев//Сов. этногр. 1946. № 4. С. 109-124.

Долгих Б.О. Происхождение нганасанов//Тр. Ин-та этногр. 1952. Т. XVIII. С. 5-87.

Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с.

Дремов В.А. Краниология обских угров//Пробл. этногенеза народов Сибири и ДВ (тезисы докл. Всес. конф.). Новосибирск, 1973. С. 100-102.

Дремов В.А. О родственных связях населения Среднего Прииртышья в эпоху бронзы (по антропологическим материалам)//Пробл. истории тюркских народов Сибири и сопр. терр. Омск, 1984. С. 14-21.

Дремов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андронидной культур Западной Сибири//Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филол. и филос. 1990. Вып. 2. С. 56-61.

Дремов В.А., Багашев А.Н. Краниологические данные о формировании хантов//Культурогенетич. процессы в Зап. Сибири. Томск, 1993. С. 148-151.

- Дульзон А.П.* Дорусское население Западной Сибири//Вопр. истории Сибири и ДВ. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. С.361-371.
- Дульзон А.П.* Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения//Топонимика Востока. Новые исследования. М. 1964. С. 14-17.
- Дульзон А.П.* Гипотеза об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими//Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1969. С. 108-110.
- Дульзон А.П.* Общности индоевропейских языков с енисейскими в области склонения//Языки и топонимия Сибири. IV. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1971.
- Евдокимова Г.В.* К вопросу о молчановской культуре//Из истории Сибири. Томск. 1973. Вып. 7. С. 117-124.
- Зифельдт-Симумяги А.Р.* Uralo-Altaiка. Кн. 1//Тр. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку. 1928. № 12. 166 с.
- Золотарева И.М.* Юкагиры (антропологический очерк)//Пробл. антропол. и историч. этнографии. М.: Наука. 1968. С. 148-177.
- Золотарева И.М.* Антропологическая дифференциация восточных самодийцев (енисейские ненцы, энцы, нганасаны)//Антропол. и геногеогр. М.: Наука. 1974. С. 215-231.
- Золотарева И.М.* Антропология некоторых народов Северной Сибири//Юкагиры. Историко-этнограф. очерк. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1975. С. 97-110.
- Зубов А.А.* Человек заселяет свою планету. М.: Географгиз, 1963. 175 с.
- Ивановский А.А.* Енисейские инородцы//Антропол. журнал. 1907. № 1-2. С. 165-223.
- Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1967. 404 с.
- Илюшин А.М.* Курганы-кладбища средневековых самодийцев//Пробл. этн. истории самод. народов: Сб. докл. научн. конф. Ч. 1. Омск. 1993. С. 45-49.
- История и культура ительменов* (колл. авт.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1990. 208 с.
- Казаков А.А.* О южной периферии расселения самодийских племен//Пробл. этнической истории самод. народов: Сб. докл. научн. конф. Ч. 2. Омск, 1993. С. 36-39.
- Керт Г.М.* Саамский язык. Кильдинский диалект. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. 1971. 356 с.
- Керт Г.К.* Саамский язык//Основы финно-угорского языкозн. М.: Наука. 1975. С. 203-247.
- Керт Г.М.* Исконное и заимствованное в процессе этногенеза саамов//Матлы VI Международного конгр. финно-угроведов. М.: Наука, 1990. С. 97-99.
- Киекбаев Дж. Г.* Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа: Башк. кн. изд-во. 1972. 152 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.* Погребение Нижнетыткескенской пещеры I (Алтай)//Палеоэкол. и рассел. чел. в Сев. Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 282-286.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 183 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Фирсов Л.В.* Влияние природных условий на заселение и формирование хозяйственного уклада в Нарымском Приобье в эпохи неолита и бронзы//Особенности естественно-геогр. среды и историч. процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 62-64.

- Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 209 с.
- Козинцев А.Г.* Краниологические особенности населения Финляндии // Происхождение саамов. М.: Наука, 1991. С. 34-52.
- Копкаев К.Г.* "Енисейские киргизы" и этногенез хакасов // Уч. зап. Хак. н.-и. яз., лит.-ры и истории. Вып. 13. Серия ист., № 1. Абакан, 1969. С. 21-38.
- Корелин И., Григорович И., Новиков И.* Сигизмунд барон Герберштейн // Сб., издаваемый студентами Импер. Петерб. ун-та. СПб., 1857. Вып. 1. С. 1-102.
- Косарев М.Ф.* Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 65-77.
- Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.
- Косинская Л.Л.* О роли миграции в раннем неолите Урала и Западной Сибири // Палеодемогр. и миграц. процессы в Зап. Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994 С. 35 – 37.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Природные условия обитания раннеэллинических племен лесной зоны европейской части СССР // Палеоэкология древн. человека. М.: Наука, 1977. С. 146-153.
- Краузе В.* Тохарский язык // Тохарские языки. М.: Иностр. лит.-ра. 1959. С. 39-89.
- Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатской. М.: Географгиз, 1948. 292 с.
- (Крыжын).* Путешествие прапорщика Крыжына в 1858 году // Тр. Сиб. эксп. Русск. геогр. об-ва. Математич. отдел. СПб., 1864. С. 77-97.
- Крюков М.В.* "Люди", "настоящие люди" (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этнич. ономастика. М.: Наука, 1984. С. 6-12.
- Кубарев В.Д.* О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая (тезисы докл. к конф.). Барнаул, 1986. С. 102-104.
- Кубарев В.Д.* Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 173 с.
- Кузьмина А.И.* Грамматика селькупского языка. Новосибирск, 1974. 266 с.
- Кузьмина Е.Е.* Финно-угры и индо-иранцы: динамика их культурных связей // Uralo-Indogermanica. II. М., 1990. С. 33-39.
- Кызласов Л.Р.* К вопросу об этногенезе хакасов // Уч. зап. Хак. н.-и. яз., лит.-ры и ист. Абакан, 1959. Вып. 7. С. 70-92.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 197 с.
- Кюннан А.* Камасинский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 380-389.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Древнее расселение человечества в Восточной, Юго-восточной Азии // Происх. человека и древнее расселение человечества : Тр. Ин-та этногр. Т. 16. М., 1951. С. 325-354.
- Линкола М.* Образование различных этно-экологических групп саамов // Финно-угорский сб. М.: Наука, 1982. С. 48-59.
- Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н. э. (среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнич. пробл. истории Центр. Азии в древности. М.: Наука, 1981. С. 154-166.
- Личков Л.* Новые данные по истории заселения Сибири. Киев, 1894. 50 с.

- Лыткин В.И.* К истории словарного состава пермских языков//Вопр. языкозн. 1953. № 5. С. 48-69.
- Лыткин В.И.* К этимологии слов *угры* и *югра*//Этимология. 1968. М.: Наука. 1971. С. 197-206.
- (Маак Р.)* Путешествие начальника экспедиции Маака в 1858 г./Тр. Сиб. эксп. Русск. геогр. об-ва. Математич. отдел. СПб., 1864. С. 98-135.
- Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. II. М.: Просвещение, 1983. 400 с.
- Майоанова Л.М.* Ареалы финно-угорской этнонимии Урала//Вопр. топониматики. Вып. 1. Свердловск, 1962. С. 22-32.
- Майр Э.* Зоологический вид и эволюция. М.: Мир, 1968. 598 с.
- Максимова Н.П.* Об одном форманте со значением множественности в селькупском языке//Пробл. этногенеза и этнич. ист. самод. народов: Тезисы докл. обл. научн. конф. по лингв. Омск, 1983. С. 44-47.
- Малолетко А.М.* Опыт реконструкции языковой принадлежности носителей культур эпохи бронзы Западной Сибири//Методич. пробл. реконструкций в археол. и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. 1989. С. 191-206.
- Малолетко А.М.* Переднеазиатские истоки некоторых народов Сибири//Вопр. геогр. Сибири. Томск. 1993. Вып. 20. С. 91-113.
- Малолетко А.М.* О языке и самоназвании андроновцев-федоровцев (в свете миграционных процессов)//Палеодемография и миграц. процессы в Зап. Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 59-60.
- Малолетко А.М.* Угорские элементы в топонимии Алтае-Саян//Методика компл. иссл. культур и народов Зап. Сибири. Томск, 1995. С. 111-113.
- Малолетко А.М.* Борейальные народы и борейальные языки//Интеграция этногр. и археол. иссл.: V Всеросс. семинар, посвящ. 155-летию Н.М. Ядринцева. Омск-Уфа. 1997. С. 96 – 100
- Малолетко А.М.* Монголоидность как антропологический феномен самоорганизации//Самоорганизация в природе: Мат-лы семинара "Поиск связей между разными способами построения систем". Вып. 2. Пробл. самоорг. в природе и обществе Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1998. С. 61 – 76.
- Марк К.Ю.* Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии//Вопр. этнич. истории эст. народа. Таллин: Эст. гос. изд-во, 1956. С. 219-242.
- Марк К.Ю.* Этногенез финно-угорских народов в свете данных археологии//Вопр. финно-угроведения. 4. Йошкар-Ола, 1970. С. 268-272.
- Марк Ю.К.* Соматология финнов и саамов//Финно-угорский сб. М.: Наука, 1982. С. 112-133.
- Массон В.М.* Восточные параллели убейдской культуры// Кр. сообщ. Ин-та археол. 1962. Вып. 91. С. 3-13.
- Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л.:Наука, 1964. 468 с.
- Массон В.М.* Печати портоиндийского типа из Алтын-Депе//Вестн. др. ист., 1971. № 4. С. 147-155.
- Массон В.М. Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI в. М.: Наука, 1964. 464 с.
- Матвеев А.В.* Культуры андроновской семьи в бронзовом веке Западной Сибири//Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. II. Археология, этнография. Новосибирск. 1995. С. 27-29.
- Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Свердловск, 1980. 318 с.

- Матвеев А.К.* Еще об этимологии *зырянин*//Этимологич. иссл. Свердловск, 1984. С. 79-90.
- Матющенко В.И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). 4. Самусьская культура. Томск: Изд-во Гом. ун-та, 1973. 214 с.
- Матющенко В.И.* О южном компоненте в составе самусьской культуры//Пробл. археол. Евразии и Сев. Америки. М.: Наука, 1977. С. 92-95.
- Матющенко В.И., Сеницина Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.
- Мейнандер К.* Финны – часть населения Северо-Востока Европы//Финно-угорский сб. М.: Наука, 1982. С. 10-31.
- Мельхеев М.Н.* Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1986. 144 с.
- Милитарев А.* Услышать прошлое//Знание-сила. 1985. № 7. С. 9-12; № 8. С. 14-16.
- Милитарев А.Ю.* Афразийско-индоевропейские лексические связи//Индо-афразийские языковые контакты. М.: Наука, 1987. С. 98-108.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т.1. 607 с.; 1941. Т.2. 437 с.
- Моора Х.А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии//Вопр. эгн. истории эст. народа. Таллин: Эст. гос. изд-во, 1956. С. 49-141.
- Мялл Л.* Дравидийские и финно-угорские языки (гипотеза родства или далеких контактов)//Финно-угорские народы и Восток: Тезисы докл. Тарту, 1975. С. 51.
- Напольских В.В.* Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-угров//Uralo-Indogermanica. II. М., 1990. С. 128-134.
- Николаев Р.В.* У последних камасинцев//Уч. зап. Хак. н.-и. яз., лит-ры и ист. Вып. 13. Сер. историч. № 1. Абакан. 1969. С. 51-67.
- Николаев Р.В.* Некоторые этногенетические проблемы каменного века Сибири//Пробл. иссл. кам. века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): Тезисы докл. краевой конф. (12-18 сентября 1984 г.). Красноярск, 1984. С. 119-122.
- Никонов В.А.* Неизвестные языки Поочья//Вопр. языкозн. 1960. № 5. С. 89-95.
- Никонов В.А.* Этнонимы Дальнего Востока СССР//Этнич. ономастика. М.: Наука, 1984. С. 44-69.
- Основы финно-угорского языкознания.* Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Ошибкина С.В.* Древнейшие этнокультурные образования на севере Восточной Европы//Uralo-Indogermanica. II. М., С. 119-127.
- Палмайтис Л.М.* Место уралистики в разрешении бореальной гипотезы (вопрос эргатива)//Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1975. С. 59-62.
- Пахалина Т.Н.* Ишкашимский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 256 с.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
- Пелих Г.И.* Селькупы в XVII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 177 с.
- Пестов И.* Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М., 1833. 298+X с.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.: Наука. 1985. 216 с.

Попов А.И. Названия народов СССР. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 172 с.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хак. кн. изд-во. 1957. 308 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.: Изд-во АН СССР. 1953. 444 с.

Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна//Сов. этногр. III. 1940. С. 67-76.

Райт М.В. Народы Эфиопии. М.: Наука, 1965. 259 с.

Рассадин В.И. Антропонимы у тофаларов//Тр. Бурят. ин-та обществ. наук Бур. фил. СО АН СССР. Улан-Удэ, 1976. Вып. 26.

Рерих Ю.Н. Тохарская проблема//Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118-123.

Розен М.Ф. Имя реки Обь//Изв. Алт. отд. Геогр. об-ва СССР. 1970. Вып. 11. С. 120-124.

Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов//Тр. Ин-та этногр. 1956. Т. 33. С. 340-373.

Росляков С.Г. Фортификация городища Завьялово-5//Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992. С. 66-67.

Руденко С.И. Культура доисторического населения Камчатки//Сов. этногр. 1948. № 1. С. 153-179.

Савина В.И. Гидронимические термины на карте Афганистана//Сб. научн. тр. Центр. н.-и.ин-та геодезии, аэрофотосъемки и картогр. М., 1985. Вып. 236. С. 95-108.

Сарианиди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении//Археол. СССР. Свод археол. источников Вып. БЗ-8. М.: Наука, 1965. 55 с.

Сатилаев Ф.А. Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев//Сб. Музея антропол. и этногр. 1971. Т. 27. С. 130-141.

Свадеш М. Лингвистические связи Америки и Евразии//Этимология. 1964. М.: Наука, 1965. С. 271-301

Седов В.В. Балты и финно-угры в древности (по археологическим материалам)//Uralo-Indogermanica. I. М., С. 89-94.

Селезнев А.Г. Самодийцы в Барабе//Пробл. этнич. истории самодийских народов: Сб. докл. научн. конф. Омск. 1993. С. 19-25.

Селютина И.Я. Угро-самодийские субстратные черты в консонатизме северных алтайцев//Мат-лы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. Т. 2. М.: Наука. 1990. С. 168-170.

Семенов В.А. Древнеямная культура – афанасьевская культура и проблема прототохарской миграции на восток//Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 17-19.

Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. I. 716 с.; 1865. Т. II, 898 с.; 1867. Т. III. 743 с.; 1873. Т. IV. 967 с.; 1885. Т. V. 1000 с.

Серебренников Б.А. Волго-окская топонимика на территории европейской части Советского Союза//Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. 1955. № 8. С. 120-134.

Серебренников Б.А. О гидронимических формантах –*ньга*, –*юга*, –*уга* и –*юг*//Сов. финно-угровед. 1966. № 1. С. 59-66.

Серебренников Б.А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков//Теорет. основы классиф. языков. Проблема родства. М.: Наука, 1982. С. 6-62.

Скобелев С.Г., Митько О.А. Новая форма древнетюркских антропоморфных изображений (Предварительная публикация)//Историко-культурн. связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 170-178.

Словарь географических названий арабских стран. Т. 2. М.: Наука, 1973. 407 с.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 83 с.

Соболев А. Юраки/Зап. по гидрографии, издаваемые Гидрографическим Управлением СССР. 1925. Т. 49. С. 89-111.

Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров//Тр. Ин-та этногр. 1863. Т. 84. С. 92-141.

Список населенных мест по сведениям 1859 года. Енисейская губерния. СПб., 1864. XI.IV+74 с.

Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. 1790. Ч. I. 341 с.; Ч II. 499 с.; 1791. Ч. III, 518 с.; 1791. Ч. IV. 618 с.

Старчевский А.В. Сибирский переводчик по линии строящейся Сибирской и Уссурийской железных дорог. СПб., 1893. 416 с.

Таули В. О внешних контактах уральских языков//Новое в лингвистике. IV. М.: Прогресс. 1972. С. 419-446.

Терешкин Н.И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1981. 554 с.

Терещенко Н.М. Обоснования исконного родства языков самодийской группы. Языки и топонимия. Вып. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 64-75.

Терещенко Н.М. Некоторые особенности ненецкой топонимии//Ономастика европ. Севера СССР. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1982. С. 39-48.

Топоров В.Н. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков. 1. Аринско-енисейские соответствия//Кетск. сб. Лингвистика. М.: Наука, 1968. С. 227-330.

Третьяков П.Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен//Сов. этногр. 1961. № 2. С. 76-93.

Труфанов А.Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья//Пробл. этнич. истории тюркских народов Сибири и сопред. территорий. Омск, 1984. С. 57-77.

Тугаринов А.Я. Последние калманжи//Сев. Азия. 1926. Кн. 1. С. 73-88.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1992. 256 с.

Фролов Н.К. Ареалы расселения западносибирских угров по данным топонимики//Мат-лы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т.2. М.: Наука. 1990. С. 208-210.

Хабичев М.А. Из тайников карачаевских этнонимов//Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 72-76.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс. 1985. 432 с.

Халлап В., Тедре Ю. Второй Международный конгресс финно-угроведов в Хельсинки//Сов. финно-угроведение. 1966. № 1. С. 72-78.

Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова//Сб. Музея антропол. и этногр. 1980. № 36. С. 35-47.

- Хартанович В.И.* О взаимоотношении антропологических типов саамов и карел по данным краниологии//Происх. саамов. М.: Наука, 1991. С. 19-33.
- Хелимский Е.А.* Лексикографические материалы XVIII - начала XIX вв. по саяно-самодийским языкам//Языки и топонимия. Томск. 1978. №. 6. С. 47-58.
- Хелимский Е.А.* Этимологические заметки по энцкой ономастике//Сов. финно-угровед. 1981. № 2. С. 119-130.
- Хелимский Е.А.* Древнейшие венгеро-самодийские языковые параллели. М.: Наука, 1982. 162 с.
- Хелимский Е.А.* Маторо-тайгинско-карагасский язык//Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 372-379.
- Хить Г.Л.* Расовый состав населения Финляндии по данным дерматоглифики//Финно-угор. сб. М.: Наука, 1982. С. 148-171.
- Хлобыстин Л.П.* О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.)//Мат-лы конф. "Этногенез народов Северной Азии". Новосибирск, 1969. С. 133-135.
- Хлопин И.Н.* К характеристике этнического облика земледельцев Южного Туркменистана// Сов. этногр. 1960. № 5. С. 92-101.
- Хомич Л.В.* Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев//Охотники. собиратели, рыболовы. Probl. социально-экономич. отношений в доземледельческом обществе. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 199-214.
- Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 189 с.
- Худяков Ю.С.* К вопросу об угорской принадлежности памятников таштыкской культуры на Среднем Енисее//Урало-Алтаистика. Этнография, археология, язык. Новосибирск:Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 49-55.
- Цыганов Н.Ф.* Следы этнонима "мордва"//Этногенез морд. народа. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. С. 323-330.
- Чебоксаров Н.Н.* Этногенез коми в свете антропологических данных//Кр. сообщ. Ин-та матер. культуры. 1941. Вып. 9, с. 54-58.
- Чебоксаров Н.Н., Трофимова Т.А.* Антропологическое изучение манси//Кр. сообщ. Ин-та матер. культуры. 1941. Вып. 9. С. 28-39.
- Челякин Ю.П.* Кулайское поселение на Средней Оби//Актуальные пробл. древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 179-189.
- Чернецов В.Н.* Проблемы заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии//Кр. сообщ. Ин-та матер. культ. 1949. Вып. 9. С. 14-28.
- Чернецов В.Н.* Опыт выделения этно-культурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии//Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 112-119.
- Чернецов В.Н.* Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 283 с.
- Черных С.Я.* Этнонимные антропонимы марийцев//Мат-лы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. Т. 2. М.: Наука, 1990. С. 221-223.
- Ширин Ю.В.* Проблемы раннего железа Тотьма-Кондомского предгорного района//Четвертые историч. чтения памяти М.П.Грязнова. Омск. 1997. С. 180-182.
- Чикишева Т.А.* Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности от неолита до начала нашей эры//Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск:Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН. 1998. С. 631-643.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 183 с.

Шамшин А.Б. Историко-культурная ситуация в лесостепном Алтайском Приобье в переходное время от бронзы к железу//Палеодемография и мигр. процессы в Западной Сибири в древности и средневек. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. с. 87-89.

(Шварц В.) Геогностическая часть путешествия В.Шварца по Минусинскому округу Восточной Сибири//Тр. Сиб. эксп. Русск. геогр. об-ва. Матем. отд. СПб., 1864. С. 151-175.

Шиллинг Е.М. Из истории одного земледельческого культа//Кр. сообщ. Ин-та этногр. 1946. № 1. С. 32-34.

Шишлов В.П. Восточнофинские черты в культуре алтайских тюрков//Языки и топонимия: Мат-лы IV Всес. конф. по проблеме происх. абориг. Сибири и их языков. Томск. 1976. С. 151-155.

Штубендорф Ю.П. О карагассах//Вестн. Русск. геогр. об-ва. 1854. Кн. 6. Ч. 12. С. 229-246.

Шумкин В.Я. Этногенез саамов (археологический аспект)//Происх. саамов. М.: Наука, 1991. С. 129-149.

Щербак А.М. О ностратических исследованиях с позиций тюрколога//Вопр. языкозн. 1984. № 6. С. 30-42.

Эйгнер Д. Биокультурная эволюция в Китае в эпоху палеолита//Палеолит Ср. и Вост. Азии. Ист. и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 96-120.

Эндрюс Дж. Современный ледниковый период: кайнозойский//Зимы нашей планеты. М.: Мир, 1982. С. 220-281.

Эрнитс Э. О древних контактах между саамами и тунгусо-маньчжурами//Мат-лы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. Т. 2. М.: Наука, 1990. С. 236-238.

Юсифов Ю.Б. Топонимы и этническая история древнего Азербайджана//Мат-лы Конф. о проблемах азерб. ономастики. Баку. 1986. С. 105-112.

Якимов В.П. О древней "монголоидности" в Европе//Кр. сообщ. Ин-та этногр. 1957. Вып. 28. С. 86-91.

Яковлев Н.Ф. Древнейшие языки Кавказа Азии и Америки//Тр. Ин-та этногр. 1947. Т. 2. С. 196-204.

Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М.:Наука, 1985. 137 с.

Яшин В.Б. Об "иранском комплексе" в мифологии угорских народов Западной Сибири//Пробл. археол. Степн. Евразии. II. Кемерово, 1997. С. 93-96.

СПИСОК

сокращений названий языков и диалектов

- абаз. — абазинский
 авар. — аварский
 авест. — авестийский
 австрал. —
 австралийские
 агул. — агульский
 алан. — аланский
 алт. — алтайский
 англ. — английский
 анд. — андийский
 араб. — арабский
 арин. — аринский
 арм. — армянский
 арч., арчин. — арчинский
 ахв. — ахвахский
 багв. — багвинский
 багул. — багулальский
 балк. — балкарский
 бежет. — бежетинский
 бенг. — бенгальский
 болг. — болгарский
 вахан. — ваханский
 венг. — венгерский
 вепс. — вепсский
 гагауз. — гагаузский
 гинух. — гинухский
 годоб. — годоберинский
 груз. — грузинский
 гунз. — гунзибский
 дагест. — дагестанские
 дравид. — дравидские
 др.-инд. — древнеиндий-
 ский
 др.-ир. — древнеиран-
 ский
 др.-тюрк. — древнетюрк-
 ский
 жел.-уйг. — желтоуйгур-
 ский
 др.-фр. — древнефран-
 цузский
 ингуш. — ингушский
 инд. — индийский
 ир. — иранский
 исп. — испанский
 ит. — итальянский
 ительм. — ительменский
 ишкашим. — ишкашим-
 ский
 каб.-черк. — кабардино-
 черкесский
 каз. — казахский
 камас. — камасинский
 карагас. — карагасский
 караим. — караимский
 кара-калп. — каракал-
 пакский
 карас. — карасинский
 карат. — каратинский
 карел. — карельский
 кельт. — кельтский
 кет. — кетский
 кирг. — киргизский
 кит. — китайский
 кл. перс. — классический
 персидский
 койб. — койбальский
 коми-зыр. — коми-
 зырянский
 коми-перм. — коми-
 пермяцкий
 коряк. — корякский
 кор. — корейский
 котт. — коттский

- крыз. — крызский
 куманд. — кумандинский
 кур. — курейский
 курд. — курдский
 кушит. — кушитские
 лак. — лакский
 лат., латин. — латинский
 латыш. — латышский
 лезг. — лезгинский
 лив. — ливский
 лит. — литовский
 манс. — мансийский
 маньчж. — маньчжур-
 ский
 мар. — марийский
 матор. — маторский
 мегр. — мегрельский
 монг. — монгольский
 морд. — мордовский
 нанайск. — нанайский
 нганас. — нганасанский
 нем. — немецкий
 нен. — ненецкий
 нивх. — нивхский
 ног. — ногайский
 осет. — осетинский
 палайск. — палайский
 перм. — пермские
 перс. — персидский
 праарийск. — праарий-
 ский
 протоавстр. — протоав-
 стралийский
 протоавстроазиат. —
 протоавстроазиатские
 протодравид. — протод-
 равидские
 протоиндоевр. — прото-
 индоевропейские
 протоур. — протоураль-
 ские
 русск. — русский
 рут. — рутульский
 саам. — саамский
 санскр. — санскрит
 сван. — сванский
 сельк. — селькупский
 скиф. — скифский
 слав. — славянские
 согд. — согдийский
 ср.-перс. — среднепер-
 сидский
 ст.-писм. монг. — старо-
 письменный
 монгольский
 сург. — сургутихинский
 сым. — сымский
 табасар. — табасаран-
 ский
 тавг. — тавгийский
 тадж. — таджикский
 тасм. — тасманийский
 телеут. — телеутский
 тинд. — тиндинский
 тоб.-тат. — тобольско-
 татарский
 тоф. — тофаларский
 тув. — тувинский
 тунг. — тунгусский
 тур. — турецкий
 туркм. — туркменский
 тушет. — тушетский
 удин. — удинский
 удм. — удмуртский
 укр. — украинский
 ульч. — ульчский
 фин. — финский
 фр. — французский

хант. — хантыйский
 хатт. — хаттский
 хварш. — хваршинский
 хетт. — хеттский
 хив. — хивинский
 хиналуг. — хиналугский
 цахур. — цахурский
 цезск. — цезский (дидой-
 ский)
 цыг. — цыганский
 чамал. — чамалинский
 черк. — черкесский

чечен. — чеченский
 чеш. — чешский
 черк. — черкесский
 чук. — чукотский
 шор. — шорский
 эвен. — эвенский
 эвенк. — эвенкийский
 эст. — эстонский
 южно-самод. — южноса-
 модийский
 ягноб. — ягнобский
 язгул. — язгулямский

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Часть первая	
ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЯЗЫКА.....	9
<i>Глава первая. ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА</i>	13
Австралопитеки (южные обезьяны).....	16
Архантропы (древнейшие люди).....	18
Палеоантропы (древние люди).....	21
Неоантропы (современные люди).....	27
Миграция человека разумного.....	34
Расовая эволюция человека.....	45
<i>Глава вторая. ПРЕДЫСТОРИЯ ЯЗЫКА</i>	74
Биологические основы механизма речи.....	74
Общественные стимулы развития речи.....	79
Словотворчество.....	80
Современные языки с различных точек зрения.....	90
Праязык – миф или реальность?.....	100
Миграции человека и языковые семьи.....	107
Еще о праязыке.....	124
Вместо заключения.....	128
ЛИТЕРАТУРА.....	130
Часть вторая	
УРАЛЬЦЫ.....	137
<i>Глава первая. ФИННО-УГРЫ</i>	141
Расселение финно-угров.....	141
Антропологический тип.....	145
Происхождение финно-угорских этнонимов.....	148
Языки финно-угров.....	153
Переднеазиатские компоненты.....	156
Финно-угры и дравиды.....	161
Палеоевропейские реликты в языке саамов.....	164
Финно-угры и тохары.....	168
Малоазийские (кавказские) соответствия.....	169
Индоевропейские заимствования.....	177
Индоиранские заимствования.....	179
Происхождение финно-угорских языков.....	185
Угры в Алтае-Саянах.....	193
Финны в Сибири.....	199
Ительмены – уральцы?.....	204

Юкагирская проблема	208
<i>Глава вторая. САМОДИЙЦЫ</i>	212
Прародина самодийцев	212
Расселение самодийцев	215
Этнонимы самодийцев	224
Антропология самодийцев	231
Ранние самодийцы в Сибири	234
История кулайцев	241
Южные миграции кулайцев	244
Кулайские топонимы	250
Родственники кулайцев	255
Диалектная структура языка кулайцев	260
Вместо заключения (заветы В.И. Васильева)	261
ЛИТЕРАТУРА	264
Список сокращений названий языков и диалектов	276

Алексей Михайлович Малолетко

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ
Этнический состав по данным топонимики

Предыстория человека и языка
Уральцы

Редактор Е.В. Лукина
Макетирование В.И. Романов

Лицензия ЛР 040749 от 18.03.96 г.

Подписано к печати 8 января 1999 г. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1.

Печать плоская. Печ. л. 17,6. Усл. печ. л. 16,4. Уч.-изд. 16,0.

Тираж 500.

Заказ № 377.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.

Асиновское полиграфическое объединение.

г. Асино, Проектная, 22
